

Литература Древнего Рима

Автор-составитель В.Н. Распопин

Новосибирск: "Рассвет", 1996

Введение

"Требуется много истории, чтобы получилось немного литературы"

Генри Джеймс

Этот раздел наших очерков необходимо начать со следующего заявления: латинская литература, мать всех европейских, давшая миру великих поэтов, драматургов, историков и мыслителей, сама, в свою очередь, непредставима без литературы греческой. Ей она подражала, у нее училась, у нее заимствовала вольное, сильное дыхание своего главного метра - гексаметра. Более того, римляне переняли у греков их религию, переселили на свою почву греческих богов и героев, добавили к ним своих, и в результате получили богатейшую культуру, мифологию, литературу.

Подражательная на первых порах, достигнув зрелости, латинская литература развила до высочайшего уровня поэзию, художественную, публицистическую и историческую прозу, доведя до совершенства в особенности те жанры, которые легче и лучше всего приживались при дворах цезарей и различных меценатов. В этом плане легче всего (пусть и не всегда) было поэтам, работающим обычно в жанрах быстрого реагирования. Придворная поэзия вообще, не только в Риме, достаточно часто создает блистательные образцы, доводя до совершенства те немногие формы, которые развивает. Примеров тому в литературе не счесть, достаточно упомянуть здесь персидскую средневековую поэзию, или творчество уже известного вам Анакреонта, которому мы уделили внимание во второй части этих очерков, посвященной литературе Древней Греции.

Итак, повторим еще раз: существенными особенностями литературы Древнего Рима были, во-первых, ее зависимость от эллинистических образцов, а во-вторых, ее высокий литературно-художественный уровень. Это, второе, явление встречается в обозреваемой нами словесности впервые. Здесь мы находим уже авторскую, личностную литературу и, более того, встречаемся с литературой как развитым общественным институтом. В Древней Греции такого института не было, а если и был, то до нас не дошел. Один ученый нашего времени образно сказал, что литература Эллады похожа на огромный корабль, потерпевший крушение. А мы теперь роемся в его останках, в том, что стихия выбросила на берег. Я сказал, что литературы как развитого общественного института в Древней Греции не было, хотя бы уже потому, что, как вы помните, она представляла собой несколько десятков соперничающих и порой враждующих городов-государств, тогда как Рим - единая мощная держава со

строгим законодательством и блестящей столицей мира, в центре которой восседал монарх со своим богатейшим двором.

Часть первая. РИМ И МИР

Этруски в "Стране телят"

Что же представлял собой Древний Рим? Какова вкратце его история, с чего она началась и чем закончилась? (Напомню читателю о том, что эти очерки посвящены главным образом древнеримской литературе и, следовательно, не претендуют на сколько-нибудь полное изложение истории и культурного строительства Рима. Об этой цивилизации написано грандиозное количество научных, популярных и художественных трудов, как самими римскими историками, так и позднейшими учеными и литераторами всех стран мира, к которым я и отсылаю всех желающих. Списки необходимой и рекомендуемой литературы даются в конце каждой части этой книги.)

"На всей земле, куда бы ни простирался небесный свод, не найти страны столь прекрасной", - писал о своей родине древнеримский ученый Плиний Старший (24 - 79 гг.) в многотомном труде "Естественная история". Великий поэт Вергилий (70 - 19 гг. до н.э.) в дидактической поэме "Георгики" как бы расцвечивает эту фразу:

*Здесь неизменно весна и лето во время любое,
Дважды приплод у отар, и дважды плоды на деревьях.
(Пер. С. Шервинского)*

А замечательный американский историк Вил Дюрант (1885 - 1981) в третьем томе своего капитального труда "История цивилизации", который посвящен Древнему Риму, сообщает о географическом положении Италии:

"Словно спинной хребет бежали Апеннины вдоль полуострова, прикрывая западное побережье от северо-восточных ветров и благословляя почву бурными реками, несущими свои воды в прелестные заливы. На севере стояли на страже Альпы; с других сторон страна была защищена морями, омывающими крутые и зачастую обрывистые берега. Эта земля располагала всем необходимым, чтобы по заслугам воздавать трудолюбию своих обитателей, и занимала стратегически выгодное положение, перпендикулярно врезываясь в Средиземное море, - чтобы править классическим миром". (Здесь и далее в электронной версии пособия текст цитируется по изд.: В. Дюрант. Цезарь и Христос. - М., Крон-Пресс, 1995. без указания страниц.)

Еще в глубокой древности греки стали называть Апеннинский полуостров "Vitalia", что означает "Страна телят" (от "Vitulus" - теленок, бычок), имея в виду, конечно, обилие скота в этих плодородных местах. Однако первоначально под Италией понимался лишь юг полуострова, и только в III в. до н.э. это понятие распространилось на весь полуостров, а в I в. до н.э. сюда присоединилась и северная часть современной Италии до Альпийских гор. Со всех сторон окруженная морями, осененная теплым климатом, обладающая

прекрасной плодородной почвой, множеством рек (Падус с притоками Большой и Малой Дурией, Тицином, Требией и Пармой; Рубикон; Метавр; Ауфид; Арно; Тибр; Лирис; Вольтурн) и живописных озер, имеющая собственные медь, серебро, золото, железо, олово, сланцы, мрамор и строительный камень, соль, высококачественную глину, а также разнообразную растительность хвойных и лиственных пород, плодовые деревья и кустарники, злаки, виноградники, Италия выгодно отличалась едва ли не от всех средиземноморских соседей и прежде всего, разумеется, от Греции, с которой соперничала и у которой, как уже было сказано, перенимала культурные достижения. Все это в немалой степени способствовало высочайшему взлету итальянской цивилизации.

"Какая другая земля, - пишет в цитированном уже труде В. Дюрانت, - может похвалиться такой плеядой гениев, какую за тридцать веков произвели на свет итальянские матери? Ни одна другая страна не оставалась столь долго в центре исторического процесса - вначале здесь находилось средоточие земной власти, затем религии, наконец, искусства. На протяжении семнадцати столетий, от Катона Цензора до Микеланджело, Рим был центром Западного мира". Жизнь здесь появилась очень давно. Не меньше тридцати тысяч лет отделяют нас от найденных в Италии остатков палеолитической культуры, а останки неолита неопровержимо свидетельствуют, что спустя двадцать-двадцать пять тысяч лет итальянцы уже строили свои цилиндрические домики, впоследствии ставшие основой непрерывной архитектурной традиции, к которой принадлежат такие шедевры, как, например, храм Весты на Форуме или мавзолей Адриана. Около 2000 г. до н.э. на север Италии пришли племена из Центральной Европы, строившие свои жилища на сваях, погруженных в воду, дабы обезопасить себя от набегов людей и животных. Продвигаясь на юг, они продолжали использовать сваи в строительстве домов теперь уже на земле. Обычай окружать поселения валом и ровом передался от них римлянам, стал существенной приметой римского военного лагеря, а затем и средневекового европейского замка.

Эти племена были скотоводами, хорошими ткачами и вообще мастеровым людом. Они изготавливали керамику, ковали из бронзы различные виды оружия, инструментов и утвари. Скорее всего, именно эти пришельцы и были непосредственными предками исторических римлян.

Кроме италиков в первом тысячелетии до н.э. на Апеннинском полуострове расселились иллирийцы и греки, основав свои колонии в Кампании, Южной Италии и Сицилии, а также кельты и галлы. На островах Сардиния и Сицилия появились финикийские поселения и фактории карфагенян. К 1000 г. здесь научились изготавливать железо. А спустя двести лет на полуостров приходят этруски, один из самых загадочных народов в истории цивилизаций.

Этруски правили Римом всего сто лет, но их влияние на римскую культуру было чрезвычайно велико и многообразно. Прежде всего, благодаря этрускам, итальянцы обрели письменность, далее - разнообразное искусство, наконец, история располагает свидетельствами о существовании у них поэзии, драмы и исторической литературы. К сожалению, язык этрусков пока еще науке

недостаточно известен, несмотря на имеющиеся в ее распоряжении около 10000 надписей, так что и по сей день эта цивилизация остается для нас весьма таинственной.

Большинство греческих и римских историков считали, что этруски - выходцы из Малой Азии, чему свидетельство - множество элементов их религии и искусства, однако многое представляется исконно италийским.

"Вероятнее всего, - считает В. Дюрант, - цивилизация Этрурии - продукт развития виллановианской (т.е. первой культуры, принесенной на полуостров племенами из Центральной Европы, пришедшими сюда около 2000 г. до н.э. Центр ее - Вилланова, близ Болоньи - В.Р.) культуры, подвергшейся сильным греческому и ближневосточному влияниям в результате торговых сношений, в то время как сами этруски считали себя и действительно были пришельцами из Малой Азии, возможно, из Лидии".

Этруски основали и захватили много городов, в которых строили жилища уже не из дерева и глины, но из камня и кирпича, и создали федерацию из независимых городов-государств, как это было в Греции. Армия их господствовала на суше, а флот - на море. Этруски были превосходными инженерами и строителями. Они создали системы сельскохозяйственной ирригации, городской канализации, проложили дороги через холмы и скалы. Их купцы торговали с европейскими и азиатскими народами, а около 500 г. до н.э. этруские города начали чеканить свою монету. У греков и египтян этруски научились зубоветеринарному искусству, терапии и хирургии; одевались они в ионийском стиле. Быт напоминал жизнь критян: сражения, роскошь, празднества и состязания. Этруски охотились, сражались на арене с быками, участвовали в состязаниях на колесницах, занимались спортом, участвовали в схватках гладиаторов. Этруски, а позднее и римляне, считали, что изнеженность представляет опасность для цивилизации, и потому характерной чертой их спортивных игр и состязаний была жестокость.

Религия вполне соответствовала их образу жизни. Величайшим из богов считался громовержец ТИНИЯ. Окружали его двенадцать Великих Богов, изображавшихся жестокими и устрашающими, особенно МАНТУС и МАНИЯ, владельцы подземного мира, сопровождаемые толпой крылатых демонов. ЛАЗА, богиня судьбы, размахивала клубком змей или мечом и изображалась с неизменной палочкой и чернилами для письма, а кроме того, с молотом и гвоздями для утверждения своих неотменимых декретов. Утешить душу простого человека могли разве что ЛАРЫ и ПЕНАТЫ, боги домашнего очага, покровительствовавшие обычной жизни и работе.

Священной наукой у этрусков считалось гадание, т.е. определение будущего посредством изучения внутренностей убитых животных или полета птиц. Предположительно, они переняли эту науку у вавилонян. В Этрурии широко применялись жертвы животных и даже людей. А вот как этрусская религия представляла загробную жизнь. На последнем суде дух умершего предстал перед трибуналом подземного мира и имел возможность защитить свои поступки, сделанные при жизни. Если ему это не удавалось, он приговаривался к разнообразным изощренным пыткам. Эти пытки потрясли душу поэта Вергилия, в юности изучавшего этрусскую культуру, и отразились в картинах

подземного мира, нарисованных им в "Энеиде", а спустя полтора тысячелетия были перевоссозданы величайшим поэтом Средневековья Данте Алигьери в его "Божественной комедии", в которой проводником по загробному миру он избрал именно Вергилия.

Праведники же, согласно этрусским верованиям, освобождались от наказания, а страдания тех, кому их не удалось избежать, могли быть сокращены мольбами и жертвоприношениями их живых родственников и друзей. Спасенная душа присоединялась к богам и наслаждалась вместе с ними райской жизнью на небесах. Все это тоже в той или иной степени отразилось в "Божественной комедии" Данте.

От этрусского искусства до нас дошли фрагменты архитектурных сооружений, в которых этот народ следовал греческим образцам. У вавилонян этруски переняли арки и своды. Но самая знаменитая продукция Этрурии - ее керамика: вазы и урны. А также этрусская бронза. Главные шедевры, имеющиеся в распоряжении ученых, - статуи оратора (Археологический музей во Флоренции) и Химеры, над реставрацией которой работал великий золотых дел мастер эпохи Возрождения Бенвенуто Челлини. Если "Оратор" представляет собой портрет римлянина, полного достоинства и сдержанности, то "Химера" - жутковатое фантастическое существо с львиными головой и туловищем и змеиным хвостом.

Искусство глиняной статуи также было широко распространено в Этрурии, о чем свидетельствует так называемый Вейский Аполлон, найденный в 1916 г. "Созданная по образцу ионийских и аттических Аполлонов своего времени, эта потрясающая скульптура, с лицом Моны Лизы, ее легкой усмешкой и лукаво косящими глазами, дышит здоровьем, красотой и жизнью. Итальянцы называют ее *il Apollo che cammina* - "прогуливающийся Аполлон" (В. Дюрант)

Этруски вслед за греками передали Риму и искусство фрески на керамике и стенах домов и склепов. Фрески изображали битвы и состязания, любовные свидания и пиршества, рай и ад, словом, все то, чем жили, чего боялись и о чем мечтали люди древности.

Вопросы:

1. Какие основные народности образовали итальянскую нацию?
2. Кто "подарил" Риму письменность?

*Кто тебя создал, о, Рим? Гений народной свободы!
Если бы смертный навек выю под игом склонив,
В сердце своем потушил вечный огонь Прометея,
Если бы в мире везде дух человеческий пал, -
Здесь возопили бы древнего Рима священные камни:
"Смертный, бессмертен твой дух; равен богам человек!"*
Д.С. Мережковский. "Рим", 1891.

Теперь поговорим непосредственно о городе Риме (по-итальянски Roma, откуда и названия, типа "романские языки", "романские литературы" и т.п.) Днем его основания считается 22 апреля 753 г. до н.э. Это, конечно, легендарная дата, как легендарно и имя основателя италийской нации, троянца Энея, чьи потомки, братья-близнецы Ромул и Рем, вскормленные волчицей, будто бы и заложили на римских холмах собственное царство.

Исторически же, по-видимому, три племени - латиняне, сабиняне и этруски - обитавшие на семи холмах, образовали федерацию Семигорье и постепенно срастались в город Рим.

Однако легенд вокруг имен Ромула и Рема так много, что в них, вероятно, содержится и какая-то историческая правда. Во всяком случае, римляне почитали Ромула как бога Квирина, а Эней стал главным героем национального эпоса римлян - поэмы Вергилия "Энеида". Ромул же считался и одним из первых римских царей, после которого такой же славой пользовался царь из сабинян Нума Помпилий, мудрец, философ и святой. Нума упрочил единообразные культовые правила, укрепил единство и стабильность государства. Его преемник Тулл Гостилий, как пишет крупнейший римский историк Тит Ливий, "твердо убежденный в том, что бездействие ослабляет силы государства, стал искать предлогов к войне."

При этруске Тарквинии монархия стала абсолютной, однако патриции (родовая аристократия) всегда считали царя (по-латыни "rex") лишь исполнителем воли сената (высшего органа управления государством в Древнем Риме) и убили его. Новый же царь окружил себя телохранителями, заставил свободных людей (Вероятно, следует напомнить читателю о том, что Древний Рим, как и Древняя Греция, был рабовладельческим государством. Впрочем, это известно каждому пятикласснику, и мы на этом подробно останавливаться не будем.) месяцами трудиться на унижительных работах, распинал на центральной площади (Форуме) граждан, словом, оказался еще хуже прежнего. Однажды, когда он находился при войске, сенат отрешил его от власти. Это событие, произошедшее в 508 г. до н.э, стало поворотным пунктом в римской истории.

Мы присутствуем при рождении республики, освобождении Рима от этрусской династии, при начале римского права и одновременно при рождении одного из бессмертных образов европейской литературы.

Согласно "Римской истории от основания города" Тита Ливия, однажды вечером в царском лагере при Ардее сын царя Секст Тарквиний поспорил со своим родственником Луцием Тарквинием Коллатином о добродетельности их жен. Коллатин предложил нагрянуть в Рим и проверить, чем занимаются

супруги. Они застали жену Секста пирующей с приятелями, а Лукрецию, жену Коллатина, прядущей шерсть на одежду мужу. Секст решил испытать верность Лукреции и несколько дней спустя тайно пробрался в ее дом и силой овладел ею. Лукреция послала за мужем и отцом, после чего покончила жизнь самоубийством. После этого Луций Юний Брут, товарищ Коллатина, призвал народ изгнать Тарквиниев из Рима. Он сам был племянником царя, но его отец и брат были казнены Тарквинием, так что у Брута (это, кстати, прозвище Луция Юния, означающее "идиот", и получено оно было им, когда он симулировал помешательство, чтобы остаться в живых, а затем отомстить палачу (Не напоминает ли вам все это историю датского принца Гамлета?) были все основания лично ненавидеть царя. Призыв Брута увенчался! успехом, Рим стал республикой, а имена Лукреции и Брута навечно вошли в историю и литературу. Спустя два тысячелетия великий английский драматург и поэт Уильям Шекспир подарит человечеству прекрасную поэму о Лукреции.

Итак, юный город Рим VI - IV вв. до н.э. проходит свой путь борьбы за существование в постоянных сражениях на два фронта: против этрусских царей и торгово-промышленных полисов, с одной стороны, и с другой - против италийских горцев, еще не вышедших из родового строя.

В этой борьбе город мог выжить и победить только с помощью самой строгой военной и родовой организации: твердой дисциплины в армии, жесткого законодательства и сильной власти старшего (отца) в семье. В результате этой исторической необходимости и были заложены следующие основы римской VIRTUS (нравственности, добродетели): PIETAS - FIDES - GRAVITAS - CONSTANTIA, что означает БЛАГОЧЕСТИЕ (залог верности богам и предкам) - ВЕРНОСТЬ (залог единства и нерушимости общества) - СЕРЬЕЗНОСТЬ (залог разумной линии поведения) - ТВЕРДОСТЬ (залог верности избранной линии поведения).

Жизнь римлянина стало определять следующее триединство правил: благо государства - благо семьи - личное благо. Благодаря такой организации народ сильного молодого города к III в. до н.э. подчинил себе всю Италию. Одновременно Рим становится оплотом земледельческой латинской равнины и центральным торговым пунктом на скрещении морских и сухопутных путей.

Как уже говорилось, духовная культура Рима в это время состоит из элементов италийской, греческой и этрусской культур, причем греческая влияет на римлян как непосредственно через колонии в Южной Италии, так и косвенно через этрусов. Отсюда - полная подготовленность Рима к усвоению греческой классики и религии к моменту непосредственного столкновения Греции и Рима. Вы, разумеется, знаете из истории о зарождении и развитии рабовладельческого строя, об искусных политических интригах и победоносных войнах Рима, об установлении Римской империи. Это все - интереснейшие страницы мировой истории, однако нас интересует прежде всего культура, религия, философия, искусство и, главным образом, литература, к которым мы здесь и подошли вплотную.

Вопросы

1. Когда родилась римская республика?
2. Каковы основы римской добродетели раннереспубликанского периода?

Начиная с III в. до н.э. на римскую религию очень сильное влияние начинает оказывать религия греческая. Римляне отождествили своих богов с богами греческими: так, Зевс стал Юпитером, Арес - Марсом, Афродита - Венерой, Гера - Юноной, Афина - Минервой, Деметра - Церерой, Гефест - Вулканом и т.д.

Из собственно италийских божеств особенно почитался **ЯНУС**, двуликий бог любого начала, входа и выхода, а кроме него - **ЛАРЫ и ПЕНАТЫ**. Несколько позже с распространением представлений о загробной жизни и в связи с неустроенностью и трудностями военного быта широкое распространение получил культ слепой судьбы - **ФОРТУНЫ**, произвольно дарующей счастье и несчастье. Она изображалась с рогом изобилия, иногда на шаре или колесе (символе изменчивости счастья) или с повязкой на глазах на монетах почти всех римских императоров.

Патрициям покровительствовали боги-олимпийцы, плебей - **ЦЕРЕРА, ЛИБЕРА-ПРОЗЕРПИНА** (богиня растительности и преисподней) и **ЛИБЕР** (бог вина и веселья).

В связи с тем, что о греческих богах мы немало говорили в предыдущей части "Очерков...", здесь остановимся только на собственно римских божествах, а также расскажем о римских церемониях, посвященных греческим богам, для чего обратимся к книге "Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима", написанной Н.А. Куном и в римской части - А.А. Нейхардт.

"ЮПИТЕР (греческий Зевс) свою волю... выражал раскатами грома, блеском молнии, полетом птиц (особенно появлением орла, ему посвященного); иногда он посылал вещие сны, в которых открывал грядущее. Жрецы грозного бога - понтифики совершали особо торжественные церемонии в тех местах, куда ударяла молния. Этот участок огораживался, чтобы никто не мог по нему пройти и, таким образом, осквернить священное место. Земля бережно собиралась и закапывалась вместе с куском кремня - символом молнии. Жрец воздвигал на этом месте жертвенник и приносил в жертву двухгодовалую овцу. Юпитеру - могущественному защитнику, дарующему победу и богатую военную добычу, на Капитолийском холме в Риме был воздвигнут грандиозный храм, куда полководцы, возвращаясь из победоносных походов, приносили доспехи побежденных вождей и самые ценные сокровища, отнятые у врагов. Юпитер одновременно покровительствовал людям и освящал их взаимоотношения. Он жестоко карал клятвопреступников и нарушителей обычаев гостеприимства. В честь этого высочайшего бога... несколько раз в году проводились общие празднества - при начале посева и окончании жатвы, при сборе винограда. В Риме устраивались ежегодно Капитолийские и Большие игры с конными состязаниями и соревнованиями атлетов... (Ему) были посвящены самые важные дни года - иды (дни, приходившиеся на 13 - 15-е числа) каждого месяца... Его именем клялись, и клятва считалась нерушимой, ибо скорый на расправу и раздражительный бог неумолимо карал нечестивца... С усилением влияния греческой культуры... его отцом стали называть **САТУРНА**, бога посевов, который первый дал людям пищу и правил ими во времена золотого века, подобно греческому Кроносу... Особенно яркими были

празднества в честь Сатурна и его супруги (богини богатой жатвы ОПС) - сатурналии, начинавшиеся 17 декабря после окончания жатвы и продолжавшиеся семь дней... В дни сатурналий люди проводили время в беззаботном веселье, играх, плясках, пирах. **ЯНУС** был до Юпитера божеством неба и солнечного света, открывавшим небесные врата и выпускавшим солнце на небосвод, а на ночь запиравшим эти врата. Затем он уступил свое место владыки неба Юпитеру, а сам занял не менее почетное - владыки всех начал и начинаний во времени. Под его покровительством находились все входы и выходы, будь то двери частного дома, храма богов или ворота городских стен. Именем Януса, призываемого жрецами, начинался каждый день; первый месяц года и первый день года также назывались его именем (Януарис - латинское название, от которого произошло название одного из зимних месяцев "январь") (Кстати, и названия всех остальных месяцев года происходят от латинских слов: февраль - от римского праздника очищения, март - от бога войны - Марса и т.д.) и праздновались в его честь.

Богу Янусу приносились жертвы в виде медовых пирогов, вина, плодов. Люди желали друг другу счастья, дарили сладости как символ того, чтобы весь наступивший год проходил под знаком счастливого (и сладкого) удовлетворения всех желаний. Ссоры и раздоры с криком и шумом были запрещены законом, чтобы не омрачить ими доброжелательное отношение Януса, который, разгневавшись, мог ниспослать дурной год для всех. В этот знаменательный день жрецы приносили Янусу в жертву белого быка в присутствии всех должностных лиц и возносили молитвы о благополучии римского государства. Храм Януса представлял собой две большие арки, соединенные поперечными стенами, с двумя воротами, находившимися друг против друга. Внутри стояла статуя бога, у которого было два лица, обращенных в противоположные стороны (одно - в прошлое, другое - в будущее). В руке у Януса был ключ, которым он отпирал и запирали небесные врата. Поскольку Янус был богом времени, ведущим счет дням, месяцам и годам, то на его правой руке (на пальцах) было начертано число 300 (латинские цифры - CCC), а на левой - 65 (латинские цифры - LXV), что означало число дней в году. Особую роль храм Януса играл в военных делах Древнего Рима. Когда принималось решение объявить войну какому-либо государству, главное в государстве лицо, будь то царь или консул, отпирал ключом двойные двери храма, и перед ликами Януса под арками проходили вооруженные воины, отправлявшиеся в поход, а также юноши, впервые взявшиеся за оружие. В продолжение всей войны ворота храма стояли открытыми. Когда же заключался мир, то вооруженные войска вновь проходили перед статуей бога, возвращаясь из победоносного похода, и тяжелые дубовые двери храма, украшенного золотом и слоновой костью, вновь запирались на ключ.

Бог Янус, кроме того, считался покровителем дорог и путников. Его почитали и итальянские мореходы, верившие, что именно он научил людей строить первые корабли. Существовало также поверье, что Янус царствовал на земле еще до Сатурна, и всем навыкам обработки земли, знаниям ремесел и исчислению времени люди обязаны этому благожелательному и справедливому божеству.

Женой Януса была нимфа вод **ЮТУРНА**, покровительница источников, а сын их **ФОНС** почитался как бог фонтанов и бьющих из-под земли родников. В честь Фонса в октябре устраивались празднества - **ФОНТИНАЛИИ**. Колодцы окружали гирляндами цветов, а в источники бросали венки. Потому Янусу, отцу Фонса, приписывали создание всех рек и ручьев.

МАРС (греческий бог войны Арес)... почитался как отец великого и воинственного римского народа... У Марса были два прозвища - Марс Шествующий в бой (Градивус) и Марс Копьеносный (Квиринос) (Отсюда - бог Квирин, в которого превратился Ромул, считавшийся вместе с братом Ремом сыном Марса.) .

В первые числа марта (месяца бога Марса - В.Р.) проводились конные состязания, поскольку кони - верная опора воина в бою, - они были посвящены богу Марсу. Первого марта в честь воинственного бога проходило шествие его жрецов - **САЛИЕВ**, которые со священными плясками и песнопениями двигались, ударяя копьями в щиты... В этот день мужчины дарили своим женам подарки, а женщины - рабыням. У бога войны были и другие, более мирные обязанности; он воплощал производительные силы природы, мужскую мощь и почитался как бог весны. Кроме того, он считался охранителем полей и стад от вредителей и волков. Поэтому Марсу приносили жертвы земледельцы и пастухи, а посвящены ему были дятел и волк. Но, конечно, преобладала его военная мощь, и, когда полководец отправлялся в поход, он шел в храм Марса и, потрясая священным щитом и копьем бога, обращался к нему, призывая: "Бодрствуй, Марс!" Неизменными спутниками Марса в бою были - его супруга **НЕРИЕНА** (сила), **ПАЛЛОР** (бледность) и **ПАВОР** (ужас). Дочерью или сестрой Марса была богиня войны **БЕЛЛОНА** (от латинского слова беллум - война). У задней стены ее храма, где римские правители принимали чужеземных послов или возвращавшихся из похода полководцев, находилась колонна, возле которой жрец - **ФЕЦИАЛ** совершал церемонию объявления войны.

ЮНОНА (Гера) - божественная супруга Юпитера, царица неба, почиталась- и в качестве покровительницы женщин, в особенности замужних. Юнона была хранительницей брачных союзов, помощницей при родах. Ее чтили и как великую богиню плодородия. Культ Юпитера ведал жрец - **ФЛАМИН**, а культом Юноны - жена фламينا (фламиника). Замужние женщины ежегодно праздновали первого марта в честь Юноны так называемые матроналии (от латинского "матрона" - пожилая замужняя женщина). С венками в руках они шествовали к храму Юноны на Эсквилинском холме и вместе с молениями о счастье в семейной жизни приносили в жертву богине цветы. При этом в празднестве принимали участие и рабыни... На Капитолийском холме был воздвигнут храм Юноны Монеты (убеждающей). Там же находился монетный двор римского государства (от этого прозвища Юноны пошло и общее название денег - "монета"), которому она, согласно легенде, оказывала покровительство. Птицами, посвященными Юноне, были павлин и гуси. С этими гусями связана известная легенда о спасении Рима при нашествии галлов. Когда в V веке до н.э. Рим был захвачен неожиданно нападшими на него галльскими полчищами, оставшиеся в живых римские воины укрепились на Капитолийском холме и

жестоко голодали, ожидая помощи от союзных войск. Чтобы сообщить осажденным о близкой помощи, нужно было пробраться через лагерь галлов и одолеть отвесные скалы Капитолийской крепости. Этот подвиг удался римскому юноше Коминию, с большим риском и смелостью осуществившему недоступный подъем. Галлы заметили место, где Коминию удалось подняться, и их вождь Бренн объявил, что тем воинам, которые сумеют захватить неприступную крепость, он обещает великую награду. И вот под покровом ночной темноты галлы, перебираясь с одних горизонтально повернутых щитов стоящих внизу воинов на другие, достигли по этой своеобразной пирамиде вершины холма и перебили сонных часовых. Но когда они стали продвигаться дальше, чтобы неожиданным броском захватить крепость, голодные гуси, посвященные Юноне, находившиеся при ее храме, начали громко гоготать и разбудили римских воинов. Те сразу же кинулись на поднимающихся галлов и сбросили их со скалы. Падая, галлы разрушили ряды пирамиды.

МИНЕРВА (Афина) - богиня, покровительствовавшая городам и мирным занятиям их жителей, дочь Юпитера. Ее особым расположением пользовались ремесленники, художники и скульпторы, поэты и музыканты, врачи, учителя и искусные рукодельницы. Празднества в честь прекрасной и мудрой богини проводились во второй половине марта, назывались КВИНКВАТРИИ и продолжались пять дней. Учащиеся в первый день квинкватрий освобождались от занятий и приносили своим учителям плату за ученье. На этот день прерывались военные действия... и происходило общее бескровное жертвоприношение лепешками, медом и маслом. Затем устраивались гладиаторские игры, а в последний день приносились жертвы Минерве, в специальном помещении сапожников и происходило торжественное освящение труб, состоявших под особым покровительством богини, поскольку сословие трубачей играло большую роль в городской жизни, участвуя в торжественных церемониях, похоронах и различных обрядах. Флейтисты же считали своими главными праздниками малые квинкватрии в честь Минервы, праздновавшиеся с 13 июня и продолжавшиеся в течение трех дней. Минерва входила в божественную троицу, куда, кроме нее, включали Юпитера и Юнону. В их честь был воздвигнут великолепный храм на Капитолийском холме... Этот храм, воздвигнутый на высоком постаменте, имел три святилища - Юпитера, Юноны и Минервы. В храме находилась статуя Юпитера, изваянная знаменитым этрусским скульптором Вулкой из обожженной глины и покрытая киноварью (отсюда древний обычай покрывать лицо полководца-триумфатора красной краской, ибо он одеждой, регалиями и лицом уподоблялся Юпитеру). Верховный бог был изображен сидящим на троне, в венце со скипетром и молнией в руках. Храм сгорел, подожженный злоумышленником. После его восстановления та центральном тимпане (углубленная часть стены над дверью или окном, обрамленная аркой, где помещали скульптуру, живопись, гербы и т.п. - В.Р.) было помещено рельефное изображение Рима, расположившегося на щитах, а перед ним - волчицы, вскармливающей Ромула и Рема. На двускатной крыше, покрытой позолоченной медью, в центре помещена квадрига (колесница, запряженная четверкой лошадей) с Юпитером, вооруженным молниями и скипетром, слева от него - статуя Минервы, а справа - Юноны. На

краях кровли - два сидящих орла. Между четырьмя средними колоннами висело три диска на цепях (всего по фасаду было шесть колонн).

Возле Капитолийского холма находилось святилище бога **ТЕРМИНА**, покровителя межи, пограничных камней между земельными участками и границ города и государства... В яме, вырытой для межевого камня, разводили огонь; над ним закалывали жертвенное животное так, чтобы его кровь, стекая в яму, не тушила огня. Туда же лили мед, благовония и вино, бросали плоды и, наконец, ставили камень, украшенный венком... Самым главным воплощением бога Термина был священный камень, находившийся у Капитолийского холма.

ДИАНУ (Артемиду) особенно почитали сельские жители, которым она облегчала тяжелые труды и помогала при врачевании болезней людей и животных.

Царь Сервий Туллий воздвиг первый храм Дианы на Авентинском холме в Риме, и поскольку этот холм был заселен людьми среднего достатка или просто бедняками, то она стала покровительницей низших классов (плебеев и рабов). Одновременно ее почитали как богиню Луны и подательницу света и жизни. Возле храма Дианы в Ариции, неподалеку от Рима, били целебные ключи, и жрецы богини успешно лечили многие болезни. Была даже устроена специальная лечебница, куда стекались в поисках исцеления поклонники Дианы, верившие в ее врачевательную силу. Те, кто получал помощь от богини, приносили ей, кроме обычных даров, еще и изображения исцеленных ею частей тела, сделанные из глины. Само святилище Дианы Арицийской находилось неподалеку от прекрасного озера, окруженного лесистыми горами. Здесь же, за храмом, зеленела роща у источника нимфы Эгерии () .

В этой роще мог укрыться любой беглый раб или преступник, но для того, чтобы получить убежище, он должен был стать жрецом богини, сорвав ветвь со священного дерева. При этом он был обязан вступить в бой со жрецом, который охранял священную рощу, и убить его, чтобы занять освободившееся место.

ВЕНЕРА (Афродита) была покровительницей цветущих садов, богиней весны, плодородия, произрастания и расцвета всех плодоносящих сил природы. Ее почитали как божество женщины и как благодетельницу счастливой супружеской любви в календы (первые числа) апреля месяца, посвященного Венере. В честь прекрасной богини совершали торжественные жертвоприношения, возносили ей молитвы о продлении молодости, красоты и о достижении супружеского счастья. Согласно преданию, Венера была матерью троянского героя Энея, чьи потомки основали Рим. Поэтому римляне чтили Венеру, как прародительницу римского народа. Ее святилищ и алтарей было в Риме великое множество, но самый роскошный храм Венере Прародительнице был построен в I в. до н.э. Юлием Цезарем. Ведь род Юлиев вел свое начало от сына Энея, Аскания-Юла, который являлся внуком самой богини Венеры. Символами богини были голубь и заяц (как знак плодovitости), из растений ей были посвящены мак, роза, мирт. Сына Венеры, бога любви АМУРА, римляне почитали так же, как греки - Эрота.

ФЛОРА - юная богиня распускающихся цветов, которая властвует над всеми живыми существами с приходом весны... В честь этой богини легендарными римскими царями был воздвигнут храм, где культом Флоры руководил жрец -

ФЛАМИН. Были установлены специальные празднества, которые назывались **ФЛОРАЛИИ** и длились с 28 апреля по 3 мая. В эти дни двери всех домов были украшены цветочными гирляндами и венками, женщины в разноцветных пестрых платьях (что было строго запрещено в обычные дни), в душистых венках предавались веселым пляскам и шуткам... В один из дней флоралий устраивались игры и состязания.

ТЕЛЛУРА, мать-земля, "Светлая богиня", была одной из древнейших италийских богинь. Она олицетворяла собой ту плодородную землю, на которой произрастает все, что нужно человеку для существования. Она же считалась владычицей землетрясений и властительницей живых и мертвых. По преданию... Ромул учредил жреческую коллегию из 12 человек, которая называлась коллегией арвальских братьев (от латинского слова **АРВУМ** - пахотный, полевой). Раз в году совершался торжественный обряд жертвоприношения "Светлой богине", чтобы она ниспослала хороший урожай... Ритуал... этого празднества, приходившегося обычно на вторую половину мая, перед наступлением жатвы, соблюдался очень строго, так как малейшее нарушение могло навлечь недовольство богини и, следовательно, угрозу урожаю. Вся церемония длилась три дня. В первый и последний день жрецы собирались в городе, в доме главы арвальских братьев. В парадных одеждах они возносили жертву Теллуре вином и благовониями. Затем происходил обряд благословения хлебов, увенчанных лавровыми листьями, и колосьев прошлого и нового урожая. Несколько позже устраивалась общая трапеза жрецов с совместными молениями и возлияниями вина на алтарь Теллуры. По окончании обряда участники с пожеланиями счастья подносили друг другу розы. На второй день праздник переносился в священную рощу "Светлой богини", где находился ее храм и здание с пиршественным залом для священных трапез. Ранним утром глава коллегии приносил очистительную жертву - двух свиней и одну телку. После полудня, надев венцы из колосьев, с покрытой головой они все направлялись в рощу, где приносили в жертву жирную овцу, ладан и вино. Затем совершалось возлияние, и арвальские братья направлялись на ближайшее поле за колосьями, срезали их и передавали друг другу, перекладывая из левой руки в правую. Эта процедура повторялась дважды, после чего ее проделывали с хлебцами, которые жрецы, войдя в храм, распределяли между собой. Заперев храм и удалив оттуда всех посторонних, арвальские братья начинали священную пляску, распевая при этом гимн, слова которого им самим были уже непонятны. И поскольку запомнить их было трудно, а ошибка грозила гневом богини, то у всех были специальные богослужебные записи, которым они строго следовали. Безусловно, это были древние заклинания о ниспослании урожая, обращенные к земле.

ЦЕРЕРА (Деметра) - богиня жатвы, покровительница плодородия, глубоко почитаемая земледельцами. В честь ее устраивались торжественные празднества **ЦЕРЕАЛИИ**, начинавшиеся 11 или 12 апреля и продолжавшиеся 8 дней. Цереалии особенно ревностно соблюдались... плебеями. Они наряжались в белые одежды (в отличие от обычной рабочей), украшали себя венками и после торжественных жертвоприношений (подносили свиней, плоды, медовые соты) восемь дней развлекались скачками в цирке. Римский люд устраивал у себя

праздничные трапезы, приглашая всех проходящих, чтобы умиловить Цереру, дающую сытную пищу.

БАХУС (Вакх, Дионис) - покровитель виноградников, виноделия и вина, почитавшийся под именем **ЛИБЕРА** (что по-латыни означает "свободный" и намекает на некоторую свободу и распушенность проводившихся в честь Бахуса празднеств). Его супругой была богиня **ЛИБЕРА**, помогавшая виноградарям и виноделам. Праздник в честь этой супружеской пары отмечался 17 марта и назывался **ЛИБЕРАЛИИ**.

ВЕРТУМН и **ПОМОНА**. Вертумн был богом смены времен года и превращений, которые происходят с земными плодами - сначала они цветут, потом зреют и, наконец, падают со склонившихся под их тяжестью ветвей. Вертумн ниспосылал на землю цветение весны, летнюю жатву и осеннее изобилие плодов. Но о плодовых деревьях, особенно яблонях, тщательно заботилась юная и трудолюбивая богиня Помона. Она успевала во всех садах подрезать сухие сучья, прививать новые черенки, поить прозрачной водой засыхающие деревья. Занятая своими хлопотами, она совершенно не замечала, как старались привлечь ее внимание такие полевые и лесные божества, как **ПИК**... и **СИЛЬВАН**, а также шаловливые сатиры (Пик - божество полей и лесов, обладавшее даром прорицания, превращенное за отвергнутую любовь **КИРКОЙ** (ЦИРЦЕЕЙ) в дятла, который у римлян считался вещей птицей).

Сильван ("лес") - бог лесов и дикой природы, самый популярный бог в период империи, покровитель и инициатор культурного земледелия, хранитель дома, усадьбы, имения и его границ и т.д. Во многом этот бог противостоял богам официального пантеона и тем самым воплощал протест черни против высших классов, которыми трактовался как мятежник и враг богов небесных. Любимым развлечением Сильвана было слушать пастушескую свирель. Его постоянный спутник - пёс. Сильван - мужской бог, к его празднествам женщины не допускались.

Сатиры - демоны плодородия в греческой мифологии, волосатые, бородатые человечки с копытами, лошадиными хвостами и ушами, рожками. Они задиристы, похотливы, наглы, любят вино и женщин, преследуют нимф и менад.) . Но более всех пленился юной красотой Помоны бог Вертумн. Пользуясь своим даром перевоплощения, он стал являться Помоне в самых разных обликах - от воина до рыбака и простого садовника, предлагая ей свою любовь, но никто не мог завладеть сердцем Помоны и хоть на мгновение отвлечь ее от любимого дела. Вертумн решил воздействовать на упрямцу силой чужого убеждения. Превратившись в дряхлую старуху, он пришел к Помоне и, пока она предлагала почтенной гостье свежие фрукты, стал дребезжащим старческим голосом убеждать ее выйти замуж за славного бога Вертумна. Помона и тут решительно отказалась, сославшись на то, что никогда не видела бога и не может судить о его достоинствах. Тогда Вертумн предстал перед смущенной Помоной во всем блеске своей красоты. Золотом сияли его кудри, любовью горели глаза. В одной руке юноша держал садовый нож, в другой - полную корзину благоухающих плодов. Пленившись прекрасным богом, юная Помона согласилась стать его женой. Соединившись навсегда, они

с жаром продолжали заботиться о процветании и свежести плодоносных садов италийской земли. Римляне глубоко почитали эту юную божественную пару. Храм Вертумиа был воздвигнут на Авентинском холме. Помона же имела собственного жреца - **ФЛАМИНА**. Когда начиналось созревание плодов, садоводы приносили жертвы этим богам, а 13 августа происходило празднество в честь Вертумна и его прекрасной жены.

ФАВН - добрый, веселый и деятельный бог лесов, рощ и полей. Он бдительно охранял пастушью стада от хищников, за что пастухи почитали его под именем бога **ЛУПЕРКА** (защитника от волков, т. к. "волк" по-латыни "люпус") и для его умилования приносили в жертву козлов и коз. Ежегодно 15 февраля весь Рим праздновал священные **ЛУПЕРКАЛИИ**, учрежденные, по преданию, еще Ромулом и Ремом, которые в младенчестве были выкормлены волчицей и сами выросли среди пастухов. Святилище Фавна - Луперкал - находилось у грота на Палатинском холме, в котором были найдены пастухом младенцы Ромул и Рем. Начиналось празднование луперкалий с принесения в жертву коз и козлов, причем возле алтаря стояли два юноши, ко лбам которых жрецы - луперки прикасались покрытым кровью жертвенным ножом и немедленно стирали эти кровавые полосы козьей шерстью, намоченной в молоке. При этом юноши должны были смеяться. Закончив обряд жертвоприношения и священного пиршества, жрецы, вырезав из шкур принесенных в жертву козлов набедренные повязки - передники и ремни, которые назывались **ФЕБРУА** (откуда название месяца - февруарий, февраль), с криками и шумом выбегали из Луперкала и мчались вокруг Палатинского холма, нанося удары всем встречным ремнями. Это был древний очистительный и искупительный обряд, и римляне охотно подставляли себя под удары священных ремней, будто бы снимающих с них всю скверну, накопившуюся за год... Любя и почитая расположенного к ним бога Фавна, римские земледельцы и пастухи праздновали еще и **ФАВНАЛИИ**, которые справляли 5 декабря под открытым небом... Хотя Фавн был доброжелательным божеством, но иногда он любил позабавиться и напугать человека, забредшего в глубину леса и нарушившего его покой. Любил он нашептывать всевозможные страшные истории спящим. Тем, к кому он был благосклонен, Фавн сообщал свои предсказания особым шелестом листьев. Ведь Фавн был сыном бога Пика и от него унаследовал пророческий дар. Если человек хотел получить ответ на мучившие его вопросы, он должен был без страха, находясь в священной роще, лечь на шкуру принесенной в жертву овцы и получить пророчество Фавна в сновидении.

ФАВНА - супруга бога Фавна, разделяющая с ним его заботы. Под именем "Доброй богини" (Бона Деа) она оказывала особое благоволение женщинам, которые справляли в ее честь два торжественных праздника. Один из них происходил 1 мая в храме богини... Второе торжество приходилось на первые числа декабря и справлялось в доме одного из высших должностных лиц (консула или претора). Мужчины должны были покинуть дом на всю ночь. Руководили таинствами церемонии жрицы богини Весты и хозяйка дома... Присутствовать могли только женщины, причем они настолько свято хранили тайны этого обряда, что до сей поры так никто и не смог выяснить, что именно там происходило... В истории этого культа известен лишь единственный случай,

когда юноша попытался проникнуть в дом, где происходило таинство, переодевшись в женское платье и выдавая себя за музыкантшу. Эту дерзость позволил себе молодой римский аристократ Клодий, подкупивший одну из прислужниц в доме Юлия Цезаря, где происходило таинство в честь "Доброй богини". Обман был разоблачен служанками, и Клодию было предъявлено обвинение в нечестивости, по этому поводу вспыхнула волна негодования. Тогда Юлий Цезарь развелся со своей женой. Его спросили, почему он это сделал, ведь она ни в чем не была виновата. Цезарь ответил фразой, которая стала поговоркой: "Я сделал это потому, что жена Цезаря должна быть вне подозрений".

ВЕСТА - богиня домашнего очага и огня, горевшего в нем. Веста почиталась как покровительница государства, и огонь, пылавший в ее храме, считался вечным и неугасимым. Он был воплощением самой великой богини, поэтому ее статуи в храме не было. В сокровенном месте храма, называвшемся "Пен" (Пентралия), хранились священные предметы, среди которых находились **ПЕНАТЫ** - изображения богов-покровителей, привезенные по преданию героем Энеем из разрушенной Трои. Об этих предметах знали только верховный жрец - **ВЕЛИКИЙ ПОНТИФИК** и **ВЕСТАЛКИ** - жрицы богини Весты.

Главной обязанностью весталок (их было шесть) было поддержание неугасимого пламени в храме богини. Жриц подбирали очень тщательно, из хороших семей, без физических недостатков. Великий понтифик сам отбирал шестерых девочек от 6 до 10 лет из двадцати, выбранных по жребию. Они поступали в обучение к старшим весталкам на десять лет, сначала пройдя церемонию посвящения Весте. Им обрезают волосы, которые подвешивали в качестве жертвы богине на священном дереве, затем одевали в белую одежду и нарекали именем **АМАТА**, которое прибавлялось к их собственному. Проучившись десять лет, молодые жрицы приступали к своим обязанностям, которые должны были выполнять в течение следующего десятилетия. Самой тяжкой провинностью весталки было "осквернение огня Весты" - нарушение данного ею обета целомудрия. Виновная наказывалась страшной смертью - ее зарывали живой в землю. Возле Коллинских ворот, у городской стены, в земляном валу выкапывали небольшой погреб, куда спускались по земляным ступеням. В этом погребе стелили постель, ставили зажженный светильник и оставляли небольшой запас еды - хлеб, воду, кувшин молока и немного масла. Это делалось для того, чтобы не оскорблять богиню, уморив голодом священную особу ее жрицы. Нарушившую обет весталку в полном молчании помещали в наглухо закрытые и завязанные кожаными ремнями носилки. Оттуда не было слышно даже ее голоса. Весь город был погружен в глубокую печаль. Когда носилки достигали места заточения, ремни развязывались. Великий понтифик возносил молитвы, воздевая руки к небу перед исполнением страшного приговора, затем вел от носилок весталку, закутанную с ног до головы в покрывало, к роковым ступеням, прямо в могилу. Обреченная молча спускалась вниз, и отверстие закрывали, засыпая его землей.

За другие провинности юных весталок беспощадно секли, а если у какой-нибудь нерадивой жрицы священный огонь угасал, то ее бичевал сам великий

понтифик. Угасший огонь на очаге Весты считался дурным предзнаменованием для государства, и разжечь его можно было лишь путем трения древесных палочек... Прослужив десять лет, весталки еще десять лет должны были посвятить воспитанию и обучению вновь принятых девочек. Таким образом, в течение тридцати лет весталки служили своей богине. После этого они имели право возвратиться в свой дом и даже выйти замуж. Но по большей части весталки оставались при храме, поскольку занимали чрезвычайно почетное положение в Риме. Когда они ехали по улице, то все должны были уступать им дорогу. Их показания в суде имели решающее значение. Оскорбление весталки каралось смертью. Если весталка встречала преступника, осужденного на казнь, то казнь отменялась... В Риме ежегодно 9 июня справлялись празднества в честь богини - хранительницы государства и семейного очага. Они назывались **ВЕСТАЛИЯМИ** и сопровождались обрядами и жертвоприношениями, состоящими из годовалых телок, плодов, вина, воды и масла.

ВУЛКАН (Гефест) почитался как бог подземного огня, который вечно грозил извержениями. Считалось, что его божественная кузница находится в недрах горы Этны в Сицилии, где ему помогают в работе гиганты-циклопы. Почитание римлянами бога Вулкана также связано с государственным культом огня и очага. Храма Вулкана в самом городе не было, но в центре Рима на возвышении над форумом находилась священная площадка, так называемый **ВУЛКАНАЛ**, где, словно у государственного очага, проводились совещания сената. Все храмы Вулкана, как божества, связанного с огнем и пожарами, находились за пределами городских стен. Вулкан, подобно греческому богу Гефесту, был искуснейшим кузнецом, покровителем ремесленников и ювелиров. Женой его была прекрасная богиня Венера. Празднества, проводимые в честь Вулкана, происходили 23 августа и отмечались жертвоприношениями и шумными играми в большом цирке.

ПЕНАТЫ, ЛАРЫ, МАНЫ. С почитанием домашнего очага был связан и культ пенатов - добрых домашних богов, охранявших единство и благополучие каждой семьи. Их изображения обычно помещались и закрытом шкафчике возле очага, где собирались все члены семьи. При радостных событиях в семье пенатам приносились благодарственные жертвы. Хранителями дома были лары, добрые духи, никогда не покидавшие дом в отличие от пенатов, которых можно было взять с собой при переезде на другое место. Лары также хранились возле очага в особом шкафчике-**ЛАРАРИИ**, дверцы которого в дни семейных праздников открывали, чтобы лары могли принять участие в общем веселье и трапезе. Перед ними ставились в особой посуде пища и питье... Когда сын в первый раз надевал мужскую тогу, то он посвящал свой детский амулет - буллу (золотой круглый медальон-шарик, который носили на тесьме вокруг шеи все свободнорожденные мальчики) ларам, совершая при этом возлияния и молитвы. При вступлении в дом мужа новобрачная непременно приносила жертву ларам, под покровительство которых поступала. Лары охраняли всех членов семьи в путешествиях и в военных походах... Кроме домашних ларов почитались лары римского государства, воплощавшие духов древних героев - Ромула, Рема, Тита Тация, которые считались основателями и защитниками города Рима... В

торжественный праздник **ЛАРЕНТАЛИЙ**, отмечавшийся 23 декабря, Акке Ларенции, вырастившей вместе со своим мужем Ромула и Рема и тоже причисленной к ларам, специально приносили заупокойную жертву. Кроме того, поскольку часовни ларов, охраняющих жителей улиц, стояли на перекрестках, то им также воздавались почести, их алтари украшали цветами в праздник **КОМПИТАЛИЙ**, совершали возлияния вином и маслом.

Маны были также добрыми покровителями семьи, но в них воплощались души умерших предков. Их умилоствовали возлияниями из воды, вина и молока, а 21 февраля общим празднеством - **ФЕВРАЛИЕЙ** и торжественной трапезой в честь мертвых предков.

Маны обитали в подземном мире, и на Палатинском холме находилась глубокая яма, прикрытая камнем, которая называлась **МУНДУС**. Это было священное обиталище манов. Открывалось оно три раза в году, чтобы свершить торжественные церемонии для умилоствления богов-манов. Приносились жертвы - вино, вода, молоко, кровь черных овец, быков и свиней. В то время, когда совершались празднества в честь манов, храмы всех остальных богов были закрыты, свадебные церемонии запрещались. Все государство возносило моления благодетельным и доброжелательным манам.

Но не только добрым духам умерших полагалась приносить жертвы. Злобные и мстительные духи умерших дурных людей не только терзались сами, но и вымещали свои страдания на живущих. По ночам эти злые духи, называемые **ЛАРВАМИ**, покидали подземный мир и преследовали тех, кого они считали своими врагами, мучая их кошмарами и страшными видениями. Римляне называли их также **ЛЕМУРАМИ** (страшными привидениями, появляющимися в виде скелетов или вампиров и высасывающими кровь у живых людей). В дни **ЛЕМУРИЙ**, праздника мертвых, который отмечался три... ночи (9, 11 и 13 мая), чтобы умилоствовать злых духов, толпами бродящих в это время по земле, глава каждой семьи должен был совершить один и тот же древний обряд. Ровно в полночь он вставал, босиком обходил все помещения и выходил за порог. Омывшись родниковой водой, хозяин девять раз бросал через плечо, не оглядываясь, черные бобы, каждый раз повторяя: "Эти бобы я даю вам и этими бобами выкупаю себя и своих близких". Считалось, что лемуры следуют за ним и охотно поедают жертвенные бобы. Затем глава дома вновь омылся водой и, чтобы отогнать лемуров от дома, ударял одним медным тазом о другой, девять раз повторяя просьбу злым духам покинуть его жилище.

ГЕНИИ и ЮНОНЫ. У каждого римлянина был свой гений - божество, сопровождавшее его в течение всей жизни - от колыбели до могилы, побуждая человека к тем поступкам, которые он совершал на жизненном пути. Поэтому в день своего рождения каждый римлянин приносил своему гению жертвы - цветы, плоды, воскурения и возлияния. Все значительные события в жизни отмечались жертвоприношением гению... После смерти человека его гений оставался на земле, пребывая возле его могилы. Такую же роль в жизни римских женщин играли их юноны - гении женского рода. Были гении, под покровительством которых находились государство, город и даже отдельные местности. Обычно гением местности считалась красивая змея, которой в жертву приносились спелые прекрасные плоды.

Кроме гения, ребенка в младенчестве окружали заботливые боги и богини. Одни помогали новорожденному издать первый крик, другие охраняли колыбель, учили пить, есть, двигаться, говорить, выходить из дома и возвращаться назад. Таким же образом рассматривалась и жизнь природы - потому-то и насчитывалось у римлян такое множество богов и богинь, заботившихся, казалось бы, об одном и том же..."

Обряды по большей части были просты и строились по принципу: я - тебе, ты - мне, для чего римлянин точно называл богу, что он ему принес в дар или в жертву и просил о совершенно конкретной помощи.

Более того, римляне вообще были открыты всем религиям и охотно принимали иноземных божеств, считая что это лишь усиливает государственную мощь. Так в римскую религию вошли многие азиатские божества.

В отличие от верований востока, здесь внимание сосредоточивалось на внешней атрибутике, а не на личностном духовном слиянии с божеством. Собственно говоря, из-за того, что римская религия мало затрагивала чувства верующих, сюда и проникали иноземные культы, обладающие тем, чего не было у италийцев: мистической таинственностью и оргиастической восторженностью. В культурной жизни римлян большую роль играли спортивные состязания и празднества, такие как Аполлоновы игры, флоралии, театральные представления, гладиаторские бои и т.п.

Вопросы

1. Как известно, римляне отождествили своих богов с греческими или приняли эллинскую мифологию. Но - и внесли в их образы что-то свое. Сравните обитателей греческого Олимпа с главными божествами Рима и подумайте, какие изменения внесли римляне в характеристики греческих небожителей? Каковы основные особенности этих изменений?
2. Каких собственно римских божеств вы знаете? Как назывались жрецы их культов? Какие дни каких месяцев посвящались этим богам?
3. Какова главная функция большинства римских богов?
4. Подумайте, чем отличается первоначальное римское и наше сегодняшнее понятие "гений"? А есть ли у них и что-то общее?
5. Названия наших календарных месяцев берут начало в Древнем Риме. В этой главе приведены некоторые из них и рассказано об их происхождении. Что вы знаете о происхождении остальных месяцев?
6. Месяцы чередуются в основном по принципу: 31 день - 30 дней. Исключение составляют февраль (28 дней) и июль-август (оба по 31 дню). Эти исключения тоже идут из Рима. Как вы думаете, почему?
7. Что такое иды и календы?

Новаторы, консерваторы и первые литераторы

Вместе с греческой религией римляне переняли и греческую философию, искусство, литературу; однако язык у них был свой, латинский. Литература начиналась, как и везде, с устной: с бивуачных песен, молитв и провозглашения законов общежития. На религиозных празднествах римляне пели гимны богам. Во время победных триумфов солдаты горланили насмешливые стихи, чтобы не сглазить удачу. На свадьбах и похоронах также звучали песнопения соответствующего содержания.

Вместе с тем, можно выделить две формы устного творчества, имевшие, пожалуй, наибольшее значение для будущей римской литературы. Это, во-первых, пиршественные песни как зачаток эпоса и, во-вторых, игровые представления как зачаток драмы.

В этих пиршественных песнях постепенно выработался и особый метрический склад, так называемый сатурнийский стих, отличие которого, например, от русского, силлабо-тонического, объяснить нелегко, поскольку, во-первых, история практически не сохранила его образцов, а, во-вторых, потому что античное стихосложение вообще не было похоже на русское.

Так, силлабо-тоническая поэзия основана на упорядоченном чередовании ударных и безударных слогов (обозначаются соответственно значками " _ " - ударный и " ~ " - безударный). Например, хорей:

Пьяной горечью фалерна

Чашу мне наполни, мальчик...

(А.С. Пушкин. Перевод из Катуллы) -

в графическом виде выглядит так: _ ~ _ ~ _ ~ / _ ~ _ ~ _ ~

А вот что пишет об античной метрике виднейший современный филолог и стиховед М.Л. Гаспаров:

"В античном стихе ритм образовывался упорядоченным чередованием долгих и кратких слогов, а они могли быть таковыми вне зависимости от ударения. Различались позиции, на которых мог стоять только долгий слог (значок " _ "), только краткий слог (значок " ~ "), произвольный слог (" ± "), двоимый слог (долгий или пара кратких ± ±).

Такие повторяющиеся сочетания слогов назывались стопами, долгий слог стопы - назывался "сильным местом" (значок "/"), остальная часть стопы - "слабым местом".

Различались размеры более простые, образованные повторением одной и той же стопы (гекзаметр, ямбический триметр) и более сложные, образованные сочетанием разных стоп.

Точное звучание античного стиха не может быть передано по-русски, так как долгих и кратких слогов, независимых от ударения, в русском языке нет. Поэтому русские переводчики передают античные ритмы условно, ставя на сильных местах преимущественно ударные слоги, а на слабых безударные. (М.Л. Гаспаров. Стихотворные размеры Катуллы / В кн. Катулл. Книга стихотворений. - М.. Наука, 1986. С. 291.)

А вот пример дактилического гекзаметра из Катуллова стиха:

*Юноши! Веспер возшел. Подымайтесь! Веспер с Олимпа,
Жданный нами давно, наконец свой факел возносит...*

Графически эти строки выглядят следующим образом:
/- ±± /-±± /- // ±± /-±± /-~~ _ /~

Нас, однако, ранний сатурнийский стих интересует с другой точки зрения. Назван так он был по имени бога Сатурна, мифического владыки древней Италии. Впрочем, возможно, это название происходит и не от Сатурна, а от греческих мифических же существ сатиров, демонов плодородия из свиты Диониса. Во всяком случае, от Сатурна ли он произошел, от сатиров ли - не так уж важно, важно то, что из сатурнийского стиха вышел впоследствии один из влиятельнейших литературных, и, если так можно сказать, философских жанров - жанр САТИРЫ, способ проявления КОМИЧЕСКОГО, смешного, способ, состоящий в уничтожающем осмеянии порочных явлений жизни, в свою очередь создавший многочисленные собственно литературные жанры: комедию, фарс, юмореску и т.д.

В начале III в. до н.э. произошло знаменательное событие: виднейший политический деятель АППИЙ КЛАВДИЙ, по прозвищу Слепой, (консул в 307 и 296 гг.), впервые стал записывать свои речи и составил сборник нравственных сентенций (нравоучительных изречений) в сатурнийских стихах. Так древнеримская литература стала письменной.

И скоро появились писатели, имена которых дошли до наших дней. Это Ливий Андроник и Гней Невий. Естественно, что первый из них был греком из города Тарента, ведь римляне еще только начинали, а в Греции к тому времени была уже богатейшая литература и философия.

Что ж, в III в. до н.э. римское оружие впервые выходит за пределы Италии и наносит в двух тяжелых Пунических войнах поражение своему главному политическому, торговому и военному конкуренту - африканскому государству Карфаген, имя великого полководца которого, Ганнибала, известно сейчас каждому школьнику. Установив, таким образом, господство над всем западным Средиземноморьем, ощутив себя великой державой, Рим мог подумать и о литературе, о достойном изображении своих военных подвигов.

Сенатор ФАБИЙ ПИКТОР с помощью греков-секретарей пишет на греческом языке первый обзор римской истории, подчеркивая троянское происхождение, исконную доблесть и высокие цели Рима; город обустроивается храмами, учреждает пышные празднества; а названный уже ЛУЦИЙ ЛИВИЙ АНДРОНИК, вольноотпущенный раб, переводит на латинский "Одиссею" Гомера и переделывает для римского театра греческие комедии и трагедии.

Одновременно с Андроником создает свои, уже совершенно оригинальные произведения, ГНЕЙ НЕВИЙ (270 - 200 гг. до н.э.). Он написал эпическую поэму сатурнийским стихом "Пуническая война" (в которой, кстати, сам принимал участие) и ряд драматургических произведений из римской истории "Ромул", "Кластидий" и др. Особенно любил Невий комедию, которых сочинил великое множество, поскольку только до наших дней сохранилось около 30 их

заглавий. В греческие комедии Невий вставлял злободневное римское содержание, получая, таким образом, комедии в духе Аристофана на местную тематику. Однако в Риме нравы были более жесткими, нежели в Греции, и за одну из своих пьес Невий сначала поплатился свободой, а потом был изгнан и умер на чужбине.

Поскольку театр быстро (но ненадолго) стал любимым зрелищем римлян, особенно поощряемым властями для того, чтобы поддержать престиж новой столицы перед греческим миром и ублажить народные массы, истомленные тяжелыми войнами, римская драматургия (по греческим образцам) быстро достигла высокого уровня. Правда, в отличие от Греции, в Риме долго не существовало театрального здания, строились только сцена и подмостки. Первое каменное театральное здание построил Помпей лишь в 55 г. до н.э.

Крупнейшим римским драматургом конца III - начала II вв. до н.э. был ТИТ МАКЦИЙ ПЛАВТ (буквально Тит "Плоскостопый Клоун", 254 - 184 гг.), актер по профессии, неутомимый весельчак и великан. Хроники сообщают, что он сочинил около 130 комедий, до нашего же времени дошла только 21. Из них наиболее известны "Горшок", "Хвастливый воин", "Амфитрион", "Менехмы" и ряд других. Комедии Плавта сослужили добрую службу многим драматургам Нового времени, в частности Мольеру для "Скупого" ("Кубышка") и Шекспиру для "Комедии ошибок" ("Менехмы").

Наученный горьким опытом Невия, Плавт отказался от резких политических выпадов на конкретные личности, но сохранил в своих пьесах аристофановский дух буйного веселья. Переработав новую аттическую комедию в буффонаду (Буффонада - шутовство (итал.), подчеркнутое внешнее комическое преувеличение, окарикатуривание персонажей в театре, цирке, на эстраде.) , создав веселый грубоватый мир гротеска, т.е. такого вида художественной образности, который обобщает и заостряет жизненные отношения посредством сочетания реального и фантастического, прекрасного и безобразного, и гиперболы (преувеличения), Плавт упростил и сюжет греческих комедий, но зато придал ей небывалую динамичность, сочный латинский язык и национальный колорит. В сценах из семейной жизни, из жизни воинов-наемников, городской богемы (Богема - по-французски буквально - "цыганщина". Богемой называют обычно беспорядочную, неустроенную, распушенную жизнь какой-либо группы людей, чаще всего из среды художников, артистов и т.п.) Плавт изобразил современную ему городскую действительность, населенную карикатурными фигурами, в центре которой стоит обычно его излюбленный образ, персонаж удалого раба-интригана, держащего в руках нить всего действия пьесы.

Залогом непреходящей славы Плавта и стала именно эта стихийная сила смеха наряду с яркостью языка и национальным колоритом.

К середине второго столетия до н.э. Рим устанавливает свое господство над Грецией, победив в Македонских и Ахейской войнах, завоевывает великие греческие богатства, но одновременно и усваивает эллинскую культуру. В Рим, в "столицу мира" потянулись, как это обычно бывает, сначала повара,

гувернеры и актеры, а затем философы и ученые: мыслитель Кратет, будущий историк Полибий, философы: стоики, перипатетики, академики. Литераторы привозили с собой рукописи, а после поражения Македонии в Рим была перевезена одна из лучших в мире библиотек - библиотека македонского царя. Рим учится и изменяется. Теперь, завоевав мир, он вынужден заботиться не только о себе, но и о сохранении империи, и ныне VIRTUS (доблесть) из узконациональной превращается в общечеловеческую. Выдвигаются новые добродетели: IUSTITIA (справедливость), CLEMENTIA, (милосердие) и, наконец, HUMANITAS (человечность).

А еще, наряду с традиционным пафосом общественного дела (NEGOTIUM), выдвигается пафос частного досуга (OTIUM). Но это не просто отдых, это - умственное просвещение и духовное совершенствование. Появляются дружеские кружки, объединенные общим досугом. В этих кружках вырабатывается и воспитывается тип ученого и непринужденного остроумного разговора, наподобие бесед греческих мыслителей. Один из таких кружков организовался вокруг полководца **СЦИПИОНА Африканского**, победителя Ганнибала, подражавшего Александру Македонскому и всем своим поведением утверждавшего новый для Рима человеческий идеал.

Разумеется, все эти новшества входили в жизнь не без борьбы со старым, отживающим, консервативным. Поборники прежнего полисного уклада отчаянно сопротивлялись, выставляя свой главный лозунг - защиту древней чистоты римских нравов. Лидером консерваторов был писатель **МАРК ПОРЦИЙ КАТОН СТАРШИЙ**, знаменитый своей личной простотой в быту, прямоотой речи и строгостью нравов. Стараниями Катона и других консерваторов Сципион был отстранен от политики, запрещен модный греческий культ Вакха (Диониса), изгнаны из Рима многие греческие учителя философии, а в 154 г. прекращено строительство постоянного театра.

"Не нужны нам модные греческие теории!" - считают консерваторы, и Катон сам пишет своеобразную энциклопедию традиционных римских занятий, а которую входят сочинения о сельском хозяйстве, военном деле и праве. Кроме того, Катону принадлежит и первый на латинском языке очерк римской истории.

Катон был одной из ярчайших фигур Древнего Рима. Вот как о нем рассказывает В. Дюрانت:

"Он любил землю, трудился до седьмого пота, понемногу копил деньги, был по-консервативному прост и непритязателен и при всем при том был таким же блестящим оратором, как и радикалы. Он звался Марком Порцием Катонем: Порцием, потому что его семья на протяжении многих поколений разводила свиней (porcus); Катонем, потому что его предки были, как и он, людьми ловкими и проницательными (catus). Флакк порекомендовал ему заняться изучением права; Катон последовал совету и стал выигрывать дела своих соседей в местных судах. Флакк предложил ему отправиться в Рим; Катон действительно отправился и в тридцатилетнем возрасте получил квестуру (204 г. до н.э.). К 199 г. до н.э. он побывал уже эдилом. К 198 - консулом. В 191 г. до н.э. он стал трибуном, а в 184 - цензором. Тем временем он успел отслужить двадцать шесть лет в армии как не ведающий страха солдат, способный и не

знающий снисхождения военачальник. Он видел в дисциплине мать характера и свободы; он презирал солдата, "который усиленно работает руками на марше и ногами в битве и чей храп громче воинственного крика, издаваемого на поле брани". Он заслужил уважение воинов, идя на марше пешком рядом с ними, наделяя каждого из них фунтом серебра из добычи, ничего при этом не оставляя себе. В промежутки мира он осуждал раторов и раторику, но стал самым сильным оратором своего времени. Римляне внимали ему и нехотя и зачарованно, потому что никто прежде не говорил перед ними с такой очевидной честностью и жалящим остроумием; хлесткость его языка могла поразить любого из присутствующих... Катон отважно сражался с коррупцией, и дни, в которые он не нажил себе новых врагов, были редкостью. Немногие любили его, потому что римлян смущали его лицо, усеянное шрамами, и ярко-рыжие волосы; его крупные зубы пугали их, аскетизм заставлял их стыдиться самих себя, трудолюбие оставляло их далеко позади, зеленые глаза проникали сквозь их слова, обнаруживая за ними эгоизм и себялюбие. Сорок четыре раза враги из патрициата пытались сокрушить его, выдвигая против него публичные обвинения; сорок четыре раза его спасали голоса фермеров, которым были так же противны продажность и необузданные наслаждения, как и ему. Когда их голоса доставили ему должность цензора, содрогнулся весь Рим. Он привел в исполнение те угрозы, благодаря которым выиграл предвыборную кампанию: он установил высокие налоги на предметы роскоши, оштрафовал одного из сенаторов за расточительство, исключил из сената шесть его членов, которые, как оказалось, попали туда незаконно... Он закончил постройку городской дренажной системы, обрезал трубы, которые скрытно отводили воду из общественных акведуков, или водопроводов, заставил домовладельцев разрушить незаконные пристройки, которые вторгались на общественные дороги, понизил плату, выделявшуюся государством, за проведение общественных работ и до того запугал сборщиков налогов, что вынудил их большую долю выручки отдавать в государственную казну. После пяти лет героической борьбы против человеческой природы он оставил свой пост, сделал удачные капиталовложения, обеспечил свою теперь уже огромную усадьбу необходимым количеством рабов, стал ссужать деньги под немислимые проценты, по дешевке покупал рабов, которых после обучения какому-нибудь ремеслу продавал за большие деньги, и настолько разбогател, что мог позволить себе заняться писанием книг - занятием, которое презирал. Катон был первым великим прозаиком, писавшим на латыни. Начал он с того, что обнародовал свои речи. Затем он выпустил учебник по ораторскому искусству, в котором выдвинул требование суровости, присущей римскому стилю, взамен исократовского (Исократ (436 - 338 гг. до н.э.) - афинский оратор, учитель раторики и публицист. Школа его пользовалась громадной популярностью во всей Греции. Сам он считался отцом общего образования. Исократ полагал, что раторика учит не только речам, но мышлению и правильному поведению, воспитывает в людях стойкость. Речи свои он составлял в письменной форме как образцы для преподавания и как политические брошюры. Оказал сильное воздействие на позднейших ораторов, в т.ч. на Цицерона.) гладкописания раторов...

Он изложил свой фермерский опыт, сделав его тем самым полезным для будущих поколений. Тракта́т "О сельском хозяйстве" (*De agri cultura*) - единственный памятник Катонского стиля и древнейшей прозаической латыни, которую пощадило время. Он написан простым и строгим слогом, энергично сжатым... Он дает в этой книге подробные советы, как следует покупать и продавать рабов (старые рабы должны быть проданы до того, как станут обузой для хозяина), сдавать землю внаем арендаторам; его наставления касаются виноградарства и лесоводства, управления челядью и домашнего производства, приготовления цемента и стряпанья лакомств, лечения запоров и поноса, исцеления от змеиного укуса посредством свиного навоза, наконец, приношения жертвы богам...

Самой важной из его книг были, вероятно, потерянные для нас *Origines* ("Начала"), смелая попытка рассмотреть вопросы, касающиеся древностей, этнологии, установлений и истории Италии от самых истоков вплоть до года смерти Катона. Наши сведения об этом труде практически ограничиваются сообщением о том, что автор, стремясь досадить аристократии со всеми ее навязчивыми рассказами о доблести своих предков, не назвал по имени ни одного из полководцев, сражавшихся против Пирра, но прославил одного из слонов, отличившихся в этой войне, указав его кличку. Катон рассчитывал, что это произведение вместе с его работами, посвященными ораторскому искусству, сельскому хозяйству, улучшению санитарных условий, военной науке и праву, образуют энциклопедию, по которой будет учиться его сын. Написав эти книги на латыни, он надеялся предложить достойную замену тем греческим пособиям, которые, по его мнению, наносили вред умам римского юношества. Хотя он и сам изучал греческий, складывается ощущение, что он искренне верил в то, будто греческие литература и философия способны столь быстро посеять в молодых римлянах недоверие к старинным отечественным религиозным воззрениям, что их нравственность делается легкой добычей инстинктов стяжательства, неуживчивости и секса... Он видел источник всех бед в Сократе; эта болтливая старая повитуха, думал Катон, заслужила быть отравленной за подрыв афинской нравственности и афинских законов. Его раздражали даже греческие врачи; он предпочитал пользоваться старинными доморощенными средствами и не доверял всегда готовым предложить свои услуги хирургам. "Греки (писал он сыну) - это неподатливое и беспокойное племя. Поверь моему слову, что стоит этому народу наградить Рим своей литературой, и она разрушит здесь все до основания... И это произойдет еще раньше, если он пошлет сюда своих врачей. Они сговорились уничтожить всех "варваров"... Я запрещаю тебе иметь дело с врачами".

С таким мировоззрением он был, естественно, прямым противником кружка Сципиона, участники которого полагали, что распространение греческой литературы в Риме должно послужить той закваской, которая позволит латинской литературе и римскому духу подняться в полном величии... По отношению к зарубежным странам он, за одним исключением, проповедовал политику, основывающуюся на справедливости и невмешательстве. Презируя греков, он уважал Грецию... Единственным исключением... был Карфаген. Посланный туда с официальной миссией в 175 г. до н.э., Катон был поражен

стремительным возрождением города из руин Ганнибаловой войны, полными плодов садами и виноградниками, богатством, которое стекалось сюда благодаря оживлению коммерции, оружием, сложенным в арсеналах... С этого дня все свои речи перед сенатом он заканчивал выражением своего политического кредо, и неважно, какова была тема слушаний, он твердил с характерным для него упорством: "...А кроме того, я считаю, что Карфаген следует разрушить".

Карфаген был разрушен - Катон добился своего, как добивался он всего, чего хотел, за одним исключением: греческая культура в Риме прижилась и победила.

И еще: не следует думать, что Катон был при всех своих талантах махровым реакционером, искореняющим все греческое. Нет, он прекрасно знал греческий язык, пропагандировал сельское хозяйство эллинистического типа, построил в Риме первую базилику... (Базилика - по-гречески означает "царский дом". У римлян - торговое или судебное здание.) "Прочитывать, но не зазубривать" сочинения греков призывал он римлян, т.е. учиться, но не копировать. Так что, по-видимому, консерватизм Катона был необходим молодой державе в той же степени, что и авангардизм Сципиона.

От этого, начального этапа римской словесности до нас дошли в основном лишь имена: Энний, Пакувий, Цецилий, да несколько комедий Теренция. Но если мы не можем прочесть их произведений, то знаем зато, какую роль они сыграли в развитии литературы.

Уроженец эллинизированной южной Италии **КВИНТ ЭННИЙ** (239 - 169 гг. до н.э.) сам называл себя "человеком о трех языках" - латинском, греческом и окском и слыл наиболее талантливым писателем этого времени. Энний был своего рода поэтом-просветителем, обладал высоким и патетичным слогом и остался в истории литературы как автор 18-томных "Анналов" ("Летописи"), трагедий в духе Еврипида и стихотворений, представляющих собой непринужденные беседы как в высоком, так и в шутливом стиле. Поклонник Еврипида, Энний разделял радикальные убеждения и досаждал благочестивым гражданам такими вот эпикурейскими остротами:

*Есть над нами боги в небе, так всегда я говорил,
Но до нашей смертной доли тем богам и дела нет.
Добрым доля, злым недоля, - вот их цель, а где она?
(Пер. М.Л. Гаспарова)*

Энний перевел "Священную историю" древнегреческого философа Эвгемера (IV в. до н.э.), согласно которой боги есть не что иное, как умершие герои, обожествленные народом. Далее, он объявил, что душа Гомера, прошедшая через ряд перевоплощений, побывав в том числе Пифагором и павлином, воплотилась теперь в него, Энния.

В "Анналах", поэтической истории Рима, Энний, вероятно, первым осмыслил завоевания своего народа как историю торжества римской "доблести", которая в

ответе за судьбы всего человечества. Самая знаменитая строка "Анналов" из числа немногих дошедших до нас была особенно любима консерваторами. Еще бы! Вот как она звучит:

Нравами предков сильна и могуча республика римлян. Стихом "Анналов" Энний произвел настоящую революцию в латинской литературе: он заменил сатурнийский стих Невия великолепным и гибким гекзаметром - размером греческой эпической поэзии.

Разнообразие, вольный, фривольный и одновременно серьезный дух многочисленных стихотворений Энния и завсегдатаев его кружка чем-то напоминают дух знаменитого российского общества "Арзамас", в котором состоял и активно участвовал молодой А.С. Пушкин. Это же вольнолюбие наряду с горделивостью звучит в предсмертной автоэпитафии Энния (надгробной надписи самому себе):

*Да не оплачет слезами никто ни меня, ни надгробье.
Плачем. Зачем? По устах рею живых - я, живой!
(Пер. М.Л. Гаспарова)*

МАРК ПАКУВИЙ (220 - 130 гг. до н.э.), племянник и ученик Энния - драматург, автор трагедий в духе Софокла, разрабатывал в своих пьесах редкие и малоизвестные мифологические сюжеты, имел склонность к философии, за что, по-видимому, и был прозван "ученым старцем".

ЦУЦИЛИЙ СТАЦИЙ (не путать с Публием Папинием Стацием, позднеримским автором, создателем эпической поэмы "Фиваида"!), друг Энния, долгое время считался лучшим римским комедиографом, но его сочинения до нас не дошли. Однако известно, что и он работал по греческим образцам.

ПУБЛИЙ ТЕРЕНЦИЙ АФР (190 - 159 гг. до н.э.), уроженец Карфагена, финикиец с примесью африканской крови, на что намекает его имя Афр, появился в Риме в качестве раба сенатора Теренция Лукана. Заметив талант мальчика, хозяин дал ему образование и отпустил на волю. В благодарность драматург взял имя сенатора. Теренций написал много комедий в эллинистическом духе, облагородил, возвысил своих героев и одним из первых дал образцы гуманистической драматургии. Кроме того, Теренций наделил своих персонажей правильным, красивым, литературным латинским языком, тем самым привлекая внимание зрителей, читателей и писателей к проблеме литературного языка, которая спустя полстолетия выйдет в культурной жизни общества на первый план.

В 162 г. до н.э. Теренций написал свою самую знаменитую комедию - "Сам себя наказывающий". В ней рассказывалась история отца, запретившего сыну жениться на возлюбленной. Сын ослушался отца, тот лишил его наследства и выгнал из дома, а потом, раскаявшись, в отчаянии отказался притрагиваться к богатству и жил в бедности. В этой пьесе есть персонаж - сосед, предложивший отцу примирить его с сыном. На вопрос, зачем это ему, сосед произносит фразу, вошедшую во все словари афоризмов: Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

Помимо этой крылатой фразы у Теренция можно встретить и другие замечательные выражения: "вот откуда эти слезы", "смелым судьба помогает", "сколько людей, столько мнений" и многие другие.

Однако такой популярности, какая была у Плавта, Теренций не заработал, что и понятно, учитывая достаточно низменный вкус римской публики, не умевшей оценить тонкую стилистику этого не слишком ей потрафлявшего инородца. Но это - при жизни, а в истории Теренций занимает почетнейшее место создателя (или одного из создателей) такого совершенного латинского языка, благодаря которому в следующем столетии окажется возможной блистательная проза Цицерона и великая поэзия Вергилия.

А греческая литература и философия тем временем завоевывают все большую популярность в римской жизни. Постепенно сопротивление консерваторов слабеет, и становится признанным, что древняя римская доблесть должна усваиваться обществом не стихийно, а сознательно, т.е. с помощью греческой философии.

В это время Рим начинает испытывать кризисные явления, поскольку, став мировой державой, он еще не окончательно утратил психологию полиса. Между все более богатеющей знатью и постепенно нищающим крестьянством и городским плебсом (простонародьем) образуется зияющая пропасть, разрушается то морально-политическое единство свободного гражданства, на котором основывался раннереспубликанский Рим. В политике это приводит к столетней полосе гражданских войн (революционные реформы Гракхов), а в литературе и культуре - к резкому размежеванию на культуру патрициев и культуру плебеев.

Духовный кризис ломает философские идеалы римской добродетели, культура становится как бы способом ухода от действительности. В этот период умирают многие старые жанры (трагедия), рождаются новые (фарс) и начинается бурное развитие прозы, которая сравнивается в своем значении в общественной культуре с поэзией.

Начинается господство новой идеологии, индивидуалистической, с которой связано имя знаменитого поэта **ГАЯ ЛУЦИЛИЯ** (вторая половина II в. до н.э.), автора тридцати поэтических книг "Сатур", жанра пестрой смеси, разнообразных рассказов, арабесок. Эти стихи были живым, непосредственным откликом на все, чем жил современный автору Рим, от политики до моды. Едкие, язвительные строки Луцилия, однако, подавались им не с позиции бойца какой-либо из противоборствующих сторон, но с позиции умного, насмешливого стороннего наблюдателя, как бы свысока глядящего на мир и не упускающего случая посмеяться не только над другими, но и над самим собой (в историях о любовных приключениях или комических случаях с собственными рабами), чего в римской литературе еще не бывало.

Поэты следующего поколения Лутаций Катул, Порций Лицин и др. развивают идеи Луцилия и одновременно добиваются большей поэтической выразительности, усваивая уроки эллинистической школы. Благодаря их творчеству, которое до нас, к сожалению, практически не дошло, через треть

столетия стало возможным появление в Риме истинно великих поэтов - Лукреция и Валерия Катулла.

Что же касается прозы, то в этот период она, главным образом ораторская, связана с именами братьев Гракхов, чуть позже - Марка Антония и Красса. Это - риторика, искусство говорить в народных собраниях. Ораторы сознательно овладевают риторической техникой, создают учебники красноречия. Историки преодолевают традицию из книги в книгу переписывать всю хронику от основания города и впервые пробуют свои силы в сочинении локальных монографий, как, например, Целий Антипатр, в своей книге о Ганнибаловской войне, связно описывая цели, причины, время и место происшедших событий, не забывая, к тому же, о правильном, звучном языке. На рубеже II и I вв. до н.э. появляется и новая область латинской прозы - филология.

Филология по-гречески означает любовь к слову. Это наука, изучающая письменные тексты и, на основе их анализа, историю и сущность духовной культуры какого-либо общества. Возникла она в др. Индии и Греции. Ныне же филологию понимают как совокупность наук, изучающих культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве. Первым римским филологом был Эллиий Стилон, его учеником - знаменитый Варрон, равно как знаменитейшим учеником оратора Красса был Цицерон, а историка Семпрония - Саллюстий.

Вопросы

1. Назовите две формы устного народного творчества, имевшие наибольшее значение для развития римской литературы.
2. Что такое сатира?
3. Что такое сентенция и кто первым среди римлян начал записывать свои речи и размышления?
4. Помните ли вы имя первого переводчика на латынь "Одиссеи"?
5. Объясните понятия гротеска и гиперболы. Попробуйте сами отыскать гиперболы в стихах любимых поэтов?
6. Кто такой и чем знаменит римлянин Плавт?
7. Какие новые добродетели вошли в понятие римской доблести после побед над Македонией и Карфагеном?
8. Каково, по-вашему, главное дело в жизни Катона Старшего?
9. В чем главная заслуга Квинта Энния перед латинской литературой?
10. Что такое афоризм?
11. Самые знаменитые римские комедиографы - Плавт и Теренций. Как вы думаете, почему римляне больше любили Плавта? Почему в Древнем Риме комедию предпочитали трагедии? И почему вообще театр в Риме недолго оставался любимым зрелищем?
12. Что такое филология?

Цицерон и римская риторика

Оратор римский говорил
Средь бурь гражданских и тревоги:
"Я поздно встал и на дороге
Застигнут ночью Рима был!"
Так: но, прощаясь с римской славой,
С Капитолийской высоты
Во всем величье видел ты
Закат звезды его кровавой!..
Блажен, кто посетил сей мир
В его минуты роковые:
Его призвали всеблагие,
Как собеседника на пир.
Он их высоких зрелищ зритель,
Он в их совет допущен был,
И заживо, как небожитель,
Из чаши их бессмертье пил.

Ф.И. Тютчев "Цицерон", 1831.

В первый век до н.э. Рим входит внешне гордым правителем мира, а внутренне - полисом, раздираемым гражданскими войнами, восстаниями рабов (вспомните восстание Спартака, знакомого вам по учебникам истории Древнего Мира и фильму Стэнли Кубрика с Керком Дугласом в главной роли), политическими амбициями сенатских лидеров. Постепенно становилось ясным, что республика и империя - "вещи несовместные", и переход к единовластию в Риме неизбежен. Таким единовластием мог обладать только популярный военный вождь. Это понимали сенаторы, военачальники, философы. Вот за такое единовластие и шла в Риме борьба в течение всего столетия, выразившаяся в гражданских войнах между Марием и Суллой, Помпеем и Цезарем, Антонием и Октавианом Августом, войнах, перемежающихся годами диктатуры победителей: Суллы, Цезаря, Октавиана. Диктатура последнего, впрочем, была уже не диктатурой, а царским (Кстати, слово "царь" происходит от латинского "цезарь" (Caesar), собственного имени знаменитого римского полководца, диктатора, а фактически первого монарха Гая Юлия Цезаря. Так же и слово "король" происходит от имени императора Карла Великого (Carolus Magnus), завоевателя и реформатора VII - начала VIII вв. н.э.) правлением, причем в таких формах, что его по праву считают основателем Римской империи.

Дадим теперь слово Михаилу Леоновичу Гаспарову и процитируем фрагмент его статьи "Греческая и римская литература I в до н.э."

"Для нас ясна историческая закономерность перехода Рима от республики к империи, но для современников это было трагедией, Они видели только гибель республики, и она отождествлялась для них с гибелью Рима. Если власть Рима над народами была приобретена превосходством римской "доблести" (virtus), то

поколебать ее могла лишь утрата этой наследственной доблести. Так складывалось представление о роковом нравственном упадке Рима, господствующее в умах в I в. до н.э.; древняя римская доблесть, учившая ставить общее благо выше всего, была подорвана и разрушена пороками, прежде всего корыстолюбием и честолюбием, побуждающими человека ставить личное благо выше всего; началом этого процесса была победа над Карфагеном, после которой римляне утратили былую воинскую простоту; концом этого процесса должна быть, по пессимистическому суждению, гибель Рима, а по оптимистическому суждению - искупление грехов страданиями и нравственное и политическое возрождение Рима. Те, кто верил в возможность спасения, должны были с удвоенной страстностью броситься в общественную борьбу; тем, кто не верил в это, оставалось отстраниться от общественных дел и уйти в себя. Противоположность между делом и досугом, между деятельностью и созерцанием, между общественным и частным, наметившаяся еще в предшествующем периоде, достигает теперь предельной остроты. Это сознание общественного кризиса и поиски его преодоления становятся общим содержанием всей римской литературы времени гражданских войн - и у Цицерона, и у Саллюстия, и у Лукреция, и у Катулла. При этом общественно активная тенденция находит выражение преимущественно в прозе, а индивидуалистическая тенденция - в поэзии того времени" (История всемирной литературы. В 9 тт. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 438)

Тем временем греческая литература отошла на второй план и уступила лидерство собственно римской, латинской. Да и не мудрено: все сколько-нибудь талантливые авторы стремятся из периферии в столицу, где в блестящем обществе легче достичь и признания, и положения. Однако не забудем: сама-то римская культура уже совершенно эллинизирована, хотя и не отреклась от своего национального идеала. Лучшие латинские писатели, создавая свои произведения, не гнушаются переводить греческую классику. Так, ЦИЦЕРОН переводит диалоги Платона и Ксенофонта, речи Демосфена и Эсхина, а ВАРРОН, плодовитый автор более чем шестисот книг, систематизирует идеи греческих философов, компилируя и осмысляя их в своих философских трудах с римской точки зрения.

В эту эпоху обостренной социально-политической борьбы особенно усиливается значение красноречия в литературе, красноречия политического и судебного, поэтому на первый план и выдвигаются фигуры ораторов и риторов: **Цицерона, Варрона, Цезаря.**

История школ риторики не только интересна, но и чрезвычайно важна как для Рима I в. до н.э., так и для будущих литераторов, в т.ч. и нового времени, особенно в первые двенадцать-тринадцать столетий новой эры, когда, может быть, только такие школы да монастыри и сумели сохранить для человечества великое античное наследие. Поэтому не поскупимся на цитаты и еще раз послушаем М.Л. Гаспарова:

"Школой риторского красноречия была греческая риторика. Предубеждения были сломлены, аристократы и выходцы из простолюдинства одинаково учились красноречию у греческих учителей, приравливая их уроки к своим

возможностям и потребностям. Не случайно первый после Аристотеля связный курс риторики, обобщающий весь опыт эллинистической теории, дошел до нас не в греческом, а в латинском изложении, сжатом и толковом, относящемся ко времени около 85 г. до н.э. (так называемая "Риторика для Геренния" в четырех книгах неизвестного автора, приписывавшаяся когда-то Цицерону). Риторика предстает здесь как стройная и хорошо разработанная система знаний, удобная для преподавания и пригодная для практического использования. Различались три источника красноречия: дарование, обучение, упражнение - и три цели красноречия: убедить, усладить и взволновать слушателя. В риторической разработке речи насчитывалось пять частей: нахождение материала, расположение, словесное выражение, запоминание, произнесение. Учение о нахождении систематизировало все возможные (а часто и невозможные) случаи судебных контrovers (Разногласий. - В.Р.), сводило их к нескольким общим типам, выделяло в них спорный пункт, нуждающийся в доказательствах, и показывало, какие логические ходы могут служить нужными доказательствами. Учение о расположении относилось к композиции речи. Речь делилась на вступление, изложение, разработку и заключение. Во вступлении оратор стремился добиться от публики понимания и сочувствия; в изложении он вел последовательный рассказ о предмете разбирательства в освещении говорящей стороны; в разработке он выдвигал доказательства своего взгляда и оспаривал доказательства противника; заключение, самая патетическая часть речи, должно было вызвать в публике сострадание или негодование. Учение о словесном выражении явилось центральной частью риторики. Словесное выражение должно было отвечать четырем требованиям: быть правильным, ясным, красивым и уместным. Для достижения этого имелось три средства: отбор слов, сочетание слов и фигуры речи; теория отбора слов учила пользоваться словами редкими, новообразованными и метафорическими, теория сочетания слов занималась благозвучием на стыках слов, соразмерным построением фраз (короткие фразы - "отрезки", средние - "члены", большие - "периоды") и ритмической организацией фразовых окончаний, теория фигур систематизировала все случаи, когда словесное выражение отклоняется от простейшей естественности: метафоры (т.е. перенесение свойства одного предмета на другой на основании общего признака - В.Р.) метонимии (замена одного слова другим на основе связи их значений по смежности - В.Р.), повторы, контрасты и т.д. Чем усерднее заботился оратор об отборе слов, о сочетании слов и о фигурах, тем больше возвышалась его речь над обыденной разговорной речью; степень такого возвышения определялась уместностью, т.е. соответствием предмету; в зависимости от этого различались три стиля: высокий, средний и простой. Учение о запоминании развивало профессиональную память оратора. Наконец, учение о произнесении, во многом опиравшееся на актерское искусство, рассматривало интонации голоса, выражение лица и движения тела, соответствующие содержанию и способствующие успеху речи...

Изучение риторики в эллинистических школах велось одновременно на теории и на примерах. Теория осваивалась с помощью хорошо разработанной системы упражнений, примерами были сочинения аттических ораторов, признанных

классиками и служивших образцами для подражания".
(Указ. соч. С. 442)

Центральной фигурой римского красноречия да и вообще всей римской культуры последнего века республики стал **МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН** (106 - 43 гг. до н.э.). Выходец из всадничества - торгово-денежного сословия, политически неравноправного с сенатской знатью, Цицерон сумел войти в сенат и достигнуть высших должностей исключительно благодаря своему риторическому таланту. Личность сложная, неоднозначная, философ, политик, он посвятил свою деятельность укреплению аристократической республики, убеждая, призывая к миру и сотрудничеству сенаторское и всадническое сословия, но - против бедноты и против претендентов на монархию, опирающихся на армию, на вербованную из этой же бедноты. Убежденный республиканец, Цицерон в самой глубине своей личности содержал, однако, некий монархизм, что и обнаружил, не желая того, в своем трактате "О государстве", представляя читателям идеал правителя республики, в тяжелый час принимающего неограниченную власть для общего блага. Больше того, Цицерон сам мечтал быть таким правителем, и на миг сплотил вокруг себя оба сословия в консульство его в 63 г., когда сенат и всадники, напуганные заговором Катилины (Луций Сергий Катилина (108 - 62 гг. до н.э.) - римский патриций, организовавший заговор с целью свержения правительства и овладения единоличной властью. Личный враг Цицерона. Погиб в бою.) , временно забыли свои разногласия. Однако утопия есть утопия (Здесь - нереальный план социального переустройства. О литературном жанре утопии мы подробно поговорим в разделе, посвященном литературе эпохи Возрождения.) (а программа Цицерона была именно утопической), сенаторы и всадники вновь разделились, и Цицерон всю оставшуюся жизнь метался между сенатом и Цезарем, пытаясь всех примирить. После убийства Цезаря, понимая, что положение республики безнадежно, 62-летний Цицерон твердо встал на сторону сената, в течение года руководил им и одним из первых был убит по приказу победителей, Антония и Октавиана.

Роль Цицерона в истории мировой культуры колоссальна. Прежде всего, это роль его личности в Риме и мире. Множество его писем, дошедших до нас, рисуют недюжинного человека, которому ничто человеческое не чуждо, и в то же время - героя и мудреца. "Тот, кто читает эти письма, - говорил историк Корнелий Непот, - не нуждается в том, чтобы читать историю этого времени". Сила обаяния его личности была такова, что спустя почти полторы тысячи лет ему на тот свет писались письма, да не кем-нибудь, а великим поэтом и мыслителем раннего Ренессанса Петраркой, с легкой руки которого гуманисты Возрождения, а вслед за ними и лучшие умы более позднего времени восприняли Цицерона как личность нового культурного идеала, как образец гуманиста.

Далее - непосредственно гуманистический идеал самого Цицерона.

"Он, - пишет в цитируемой уже статье М.Л. Гаспаров, - был составной частью общих социально-политических взглядов Цицерона - его мыслей о "согласии сословий" как основе государственности и о "правителе республики"

как об идеальном блюстителе такого согласия. Для того чтобы вести государство, "правитель республики" должен знать свою цель - общее благо и высшую справедливость - и владеть своим средством - красноречием, способным убедить, объединить и направить к этой цели всех граждан. Знание общего блага дарует ему философия, владение всепобеждающим красноречием - риторика. Так в идеальном образе "правителя" гармонически соединяются эти две области культуры, так преодолевается разрыв между "жизнью созерцательной" и "жизнью деятельной", так возрождается древний полисный идеал человека - греческий "общественный человек", римский "достойный муж, искусный в речах". Портрет такого идеального деятеля Цицерон изображает в трактате "Об ораторе...". (Указ. соч. С. 444)

Наконец, Цицерону принадлежат выдающиеся заслуги в области создания латинского языка и стиля. "Тебе удалось открыть все сокровища ораторского искусства, - говорил Цезарь, посвящая свою книгу "Об аналогии" Цицерону, - и ты первый задействовал все их на практике. Ввиду этого римский народ премного тебе обязан, и ты - украшение своей родины. Ты заслужил триумф, который дороже триумфов величайших полководцев. Ибо куда более благородное занятие - расширять пределы человеческого разума, чем пределы Римской империи". Основываясь на теории трех стилей - высокого, среднего и простого, Цицерон систематизировал запас слов, форм и синтаксических связей латинского языка применительно к различным стилям и функциям речи. (Замечу в скобках, что, опираясь именно на опыт Цицерона, то же самое проделал спустя почти две тысячи лет М.В. Ломоносов.)

"Цицерон - первый в европейской и мировой культуре писатель, за сочинениями которого с планомерной отчетливостью выступает его собственная личность. Таково было свойство его речей и в еще большей мере его писем... Он остался для Европы воплощением гуманизма республиканской античности. Средние века и Возрождение учились представлениям о человеке и его долге прежде всего по его философским сочинениям, эпоха Просвещения - по его политическим речам, XIX век - по его переписке; но его выдающееся место в системе культурных ценностей Нового времени всегда оставалось неизменным" (М.Л. Гаспаров. Указ. соч. С. 444 - 445).

Помимо речей, трактатов об ораторском искусстве и писем Цицерон за непродолжительное время сочинил целую философскую библиотеку, обобщив учения греческих мудрецов. Вот лишь названия его книг: "О государстве" (54 г. до н.э.), "О законах" (52 г.), "Академика", "Об утешении" и "О пределах..." (45 г.), "О природе богов", "О дивинации", "О провидении", "О добродетелях", "Об обязанностях", "О дружбе", "О старости", "О славе", "Тускуланские беседы" (все - 44 г. до н.э.).

Не модные эпикурейцы и не стоики вдохновляли философские искания Цицерона, но великий Платон. Мягкий скептицизм Новой Академии, отвергающий окончательную достоверность и считающий, что одной вероятности вполне достаточно для нормальной человеческой жизни, служил ему отправной точкой. "В большинстве предметов, - говорил Цицерон, - я предпочитаю придерживаться философии сомнения".

Не многие писатели сохраняют в веках такую же непреходящую славу человека, мыслителя, литератора, общественного деятеля, как Марк Туллий Цицерон.

Вопросы

1. Каково происхождение слов царь и король?
2. Что привело древнеримскую республику к гибели?
3. Что такое риторика? Каковы ее основные положения?
4. Что такое троп, метонимия, метафора? Попробуйте поискать метафоры в стихах ваших любимых поэтов.
5. В каких формах проявлялись общественно активная и индивидуалистическая позиции римских писателей I в. до н.э.?
6. Каковы черты идеального правителя по мнению Цицерона? Какие три главные заслуги в развитии мировой культуры принадлежат Цицерону?

Два Цезаря

Одной из самых ярких фигур античности был блистательный политик, военачальник, оратор и литератор, консул, диктатор и, по существу, первый монарх Римской империи ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ. Историю политического восхождения, интриг и гибели Цезаря в этой книге пересказывать вряд ли уместно, тем более, что любой учебник истории сообщит ее вам более подробно и профессионально.

Нас в данном случае больше интересует Цезарь-литератор. В молодости он, как и Цицерон, учился у знаменитого родосского оратора Молона. К сожалению, до нас не дошло ни одной из его судебных и политических речей, но вот что пишет в своем предисловии к историческим трудам Цезаря академик М.М. Покровский:

"О силе его ораторского таланта могут свидетельствовать речи, вложенные в уста действующих лиц его мемуаров... Стиль Цезаря отличается большой простотой и сжатостью, не впадая, однако, в сухость, причем общая простота несколько не исключает разнообразия нюансов: где нужно, этим простым стилем отлично изображается патетическое... а местами, в соответствии с содержанием, изложение принимает как бы кинематографическую быстроту. Бросается в глаза также уверенный и спокойный тон изложения, что дало основание известному знатоку античной художественной прозы Э. Нордену назвать цезаревский стиль "императорским".

(Записки Юлия Цезаря и его продолжателей. В 2-х тт. М.: РИА "День", Т. 1. 1991. С. 15 - 16.)

Ниже без дальнейших комментариев я покажу вам образцы стиля Юлия Цезаря. Все они извлечены из указанной книги "Записки...", поэтому без каких-либо примечаний перед цитатами приводятся только номера страниц в скобках. Надо лишь помнить, что Цезарь говорит о себе в третьем лице. 1. Образец ораторского искусства (С. 43 - 44):

"На это Ариовист отвечал: право войны позволяет победителям распоряжаться с побежденными, как им угодно; так и римский народ привык распоряжаться с побежденными не по чуждому предписанию, но по собственному усмотрению. Если сам он не предписывает римскому народу способов осуществления его права, то и римский народ не должен мешать ему пользоваться своим законным правом. Эдуи сделались его данниками потому, что они решили испытать военное счастье, вступили в бой и были побеждены. Цезарь совершает большую несправедливость, уменьшая своим прибытием его доходы. Эдуям он заложников не возвратит, но не намерен без законного основания открывать войну ни против них, ни против их союзников, если они будут оставаться верными условиям договора и ежегодно платить дань; в противном случае им нисколько не поможет титул братьев римского народа. Правда, Цезарь заявляет ему, что не будет закрывать глаза на обиды, чинимые эдуям, но для всех, кто до сих пор вступал с ним, Ариовистом, в борьбу, эта борьба была губительной. Пусть Цезарь идет, когда хочет: он тогда убедится, что значит храбрость непобедимых германцев, этих очень опытных воинов, которые за последние четырнадцать лет совсем не бывали под кровлей дома".

2. Образец "кинематографической" быстроты изложения (С. 58):

"Цезарь выслал вперед конницу и сам шел за ней со всеми своими силами. Но весь порядок похода был иной, чем бельги сообщили нервиям. Так как теперь он приближался к самому врагу, то по своему прежнему обыкновению он вел шесть легионов без багажа и обоза; за ними следовал обоз всей армии; наконец, два недавно набранных легиона замыкали всю движущуюся колонну и прикрывали обоз. Наши всадники перешли вместе со стрелками и пращниками через реку и завязали сражение с неприятельской конницей. Враги то и дело отступали в леса к своим и затем снова нападали на наших; в свою очередь наши не решались преследовать отступающих неприятелей далее того пункта, где кончалась открытая местность. Тем временем шесть легионов, которые пришли первыми, отмерили площадь для лагеря и начали ее укреплять. Как только скрывавшиеся в лесу неприятели заметили головную часть нашего обоза (относительно этого момента они заранее условились, причем еще в лесу они выстроились в боевой порядок и ободряли друг друга), они вдруг все массой выскочили из лесу и напали на нашу конницу. Без труда разбив и смяв ее, они с невероятной быстротой сбежали к реке, так что почти одновременно их видели у леса, в реке и совсем поблизости от нас. С той же быстротой они бросились вверх по холму на наш лагерь и на тех, которые были заняты укреплением".

Далее речь у нас пойдет о золотом веке империи.

В 30 г. до н.э. столетняя полоса гражданских войн в Риме заканчивается установлением власти Октавиана Августа (63 - 14 гг. до н.э.), приемного сына Юлия Цезаря. Октавиан хитростью и оружием победил своих грозных соперников Секста Помпея и Марка Антония и получил в свои руки громадную империю, в которую входили теперь Италия, Греция, Британия, Испания, Северная Африка, Египет, большая часть Центральной Европы, часть Азии,

словом едва ли не весь культурный мир того времени, за исключением только стран Дальнего Востока. Даже изначально по духу милитаристский Рим сам устал от непрерывных и внешних и внутренних войн и, забыв на время о разногласиях, сплотился вокруг умного, дальновидного и тонкого политика Октавиана. А он не спешил объявлять себя ни царем, ни диктатором, памятуя о судьбе Цезаря, убитого заговорщиками, в числе которых был и ближайший друг первого консула - Брут (последние слова Цезаря: "И ты, Брут!" вошли в сокровищницу афоризмов как потрясающее выражение оскорбленной верности и бессилия против предательства ближнего). Все республиканские учреждения продолжали функционировать, однако наряду с ними появилась новая сила - авторитет принцепса (первого среди сенаторов). Но фундаментом власти Октавиана были, конечно, не политические учреждения, а верная ему непобедимая римская армия. Он держал на службе 200 000 воинов, каждый из которых лично присягнул ему; еще 300 000 солдат он уволил со службы, щедро наделив их землей и деньгами. Еще бы все эти закаленные ветераны не были ему верны!

Завоевав неограниченную политическую власть, Октавиан укрепил экономику, пустив в оборот крупные суммы денег из завоеванного Египта, осыпав дарами своих военачальников, сторонников и друзей, иногда даже покрывая дефицит государственного бюджета из личных средств.

"Провинции, которые страдали от политических опустошений, - пишет В. Дюрант, - он освободил на год от всех податей и направил им крупные суммы для облегчения создавшейся ситуации. Он простил владельцам собственности все податные недоимки и прилюдно сжег записи их долгов государству. Он оплачивал хлебное вспомоществование, устраивал роскошные зрелища и игры и дарил деньги каждому гражданину. Он затеял обширные общественные работы, чтобы покончить с безработицей и сделать Рим прекраснейшим городом мира, оплачивая их при этом из собственного кармана. И разве удивительно, что народы смотрели на него как на Бога?

В то время как через его руки проходили все эти деньги (он) жил скромно, избегая роскоши и доходов, которые могло бы доставить ему его положение. Он носил одежды, которые сшили женщины его дома, и спал в небольшой комнате дворца... Даже скрытый от глаз городской толпы, он жил скорее как философ, чем как правитель.

О том, каким был Октавиан в жизни, о его личном мужестве лучше всего повествует знаменитый римский историк Светоний, к книге которого "Жизнь двенадцати цезарей" мы сейчас и прибегнем.

"С виду он был красив и в любом возрасте сохранял привлекательность, хотя и не старался прихорашиваться. О своих волосах он так мало заботился, что давал причесывать себя для скорости сразу нескольким цирюльникам, а когда стриг или брил бороду, то одновременно что-нибудь читал или писал. Лицо его было спокойным и ясным, говорил ли он или молчал... Глаза у него были светлые и блестящие... Росту он был невысокого... но это скрывалось соразмерным и стройным сложением... (Гл. 79).

Храмов в свою честь он не позволял возводить ни в какой провинции иначе, как с двойным посвящением ему и Риму. В столице же он от этой почести

отказывался наотрез. Даже серебряные статуи, уже поставленные в его честь, он все перелил на монеты, и из этих денег посвятил два золотых треножника Аполлону Палатинскому.

Диктаторскую власть народ предлагал ему неотступно, но он на коленях, спустив с плеч тогу, обнажив грудь, умолял его от этого избавиться. Имени "государь" он всегда страшился как оскорбления и позора. Когда при нем на зрелищах мимический актер произнес со сцены:

- О добрый, справедливый государь! - и все, вскочив с мест, разразились рукоплесканиями, словно речь шла о нем самом, он движением и взглядом тотчас унял непристойную лесть, а на следующий день выразил зрителям порицание в суровом эдикте. После этого он даже собственных детей и внуков не допускал ни в шутку, ни всерьез называть его господином, и даже между собой запретил им пользоваться этим лестным обращением. (Гл. 52 - 53).

На играх, которые он давал от имени внуков, среди зрителей вдруг началось смятение - показалось, что рушится амфитеатр; тогда, не в силах унять их и образумить, он сошел со своего места и сам сел в той части амфитеатра, которая казалась особенно опасной. (Гл. 5)".(Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Пер. с лат. М.Л. Гаспарова. - М.: Правда, 1988. Более подробно о самом Светонии будет рассказано в этой книге "Очерков..." ниже).)

Октавиан Август был мудрым императором не только в политике и экономике. Во время его правления расцвели искусства и литература, начался "золотой век" латинской культуры. Он прекрасно понимал, что лучшим и важнейшим средством организации нужного его политике общественного мнения может быть именно литература, и оказывал писателям, философам, ученым, поэтам всемерную поддержку. Проводником его литературной политики был советник и друг Октавиана ГАЙ ЦИЛЬНИЙ МЕЦЕНАТ, чье имя стало нарицательным для обозначения щедрых покровителей искусства, как бы теперь сказали, спонсоров. Меценат и сам был недурным стихотворцем, но главное, обладал безупречным художественным вкусом, что позволило ему собрать вокруг себя самых талантливых авторов не только уже имеющих известность, но и совсем молодых, начинающих литераторов. Так, при поддержке Мецената сложился кружок поэтов-неотериков (среди которых главной фигурой был гениальный Гай Валерий Катулл), быстро ставший центром литературной жизни Рима. Впоследствии из этого кружка вышли величайшие поэты Вергилий и Гораций. При Августе Рим - столица мира - получил достойный этого названия внешний вид. Было возведено восемьдесят два храма, построены новый форум и базилика, театр (завершенный уже после смерти Августа и названный его именем). Август сам сказал в конце жизни, что нашел Рим кирпичным, а оставляет его мраморным.

Незаменимым помощником Октавиана в реконструкции Рима был его друг МАРК ВИПСАНИЙ АГРИППА, человек настолько талантливый, что сам мог бы сделаться цезарем, но предпочел служить всю свою жизнь Августу. Он построил римский флот, одержал многочисленные воинские победы, сконструировал новый акведук, построил первые из величественных римских терм, сконструировал храм Пантеона, написал трактат по географии и сделал из

цветного мрамора карту мира. Подобно Леонардо, он был ученым, инженером, изобретателем военных снарядов, художником. Его ранняя смерть омрачила последние годы жизни Августа, который был ему тестем и надеялся завещать Империю.

Конец Октавиана, этого великого человека, названного при жизни сенатом Отцом Отечества, был, действительно, мрачен. Дочь погрязла в роскоши и распутстве, внуки, на которых он возлагал особые надежды, рано умерли, собственная старость протекала в мучительных болезнях, а сам мир, установленный им в стране, ослабил народный дух.

"Никто не хотел служить в армии, никто не понимал неизбежности и неотвратимости периодически вспыхивающих войн. На смену простоте пришла роскошь, а родительские чувства уступили дорогу сексуальной вседозволенности. Воля великого народа была истощена - он умирал" (В. Дюрانت).

Вопросы

1. Посмотрите на карту и подумайте, какие современные страны входили в состав римской империи в I в. до н.э.?
2. Как вы считаете, почему личность и время Юлия Цезаря послужили источником вдохновения гораздо большему числу писателей нового времени (например, Шекспиру для одноименной трагедии), нежели личность и время Октавиана Августа, несмотря на то, что именно правление последнего считается началом "золотого века" латинской культуры?
3. Кто такой Мecenат и чем знаменито это имя в истории?

"Серебряный век"

После Августа Римской империей попеременно владеет длинная череда монархов, все более жадных, распутных и жестоких. Не все, конечно, были таковыми, но люди порядочные на Римском троне являли собой скорее исключение, нежели правило.

Приведем в подтверждение стихотворение русского поэта Валерия Яковлевича Брюсова, одного из вождей символизма, составленное им из переводов моностихов (одностиший) Авсония (IV в. н. э.) "О императорах".

Первый Юлий раскрыл чертоги царские Цезарь;
Августу он передал и власть над градом, и имя;
Правил потом Тиберий, сын его сводный; за этим
Кай, получивший прозвание Калигулы в лагере ратном;
Клавдий воспринял потом правленье; а после жестокий
В роде Энея последний Нерон; за ним, не в три года,
Трое: Гальба, старик, напрасно веривший в друга,
Слабый Отон, по разврату позорный выродок жизни,
И недостойный ни власти, ни смерти мужа Вителлий;
Веспасиан, за ними десятый, судьбой был поставлен;
Далее Тит, счастливый краткостью власти; последним
Брат его, тот, кого звали римляне Лысым Нероном.

Исторические анекдоты, может быть, лучше всяких иных подробностей характеризуют этих монархов. Приведем несколько таких коротких рассказов из книги Станислава Венгловского "Античный анекдот" (СПб, 1995).

Умирая, император Август завещал достаточно много денег каждому римскому гражданину. Его наследник Тиберий, однако, ничуть не торопился с выплатой завещанного.

Тогда какой-то находчивый человек решил напомнить об этом новому монарху. Хоронили вельможу. Находчивый этот человек пробрался к помосту с гробом и стал что-то нашептывать на ухо лежавшему там покойнику. Нарушителя приличий тут же схватили.

- Что ты там делал? - посыпались вопросы. - Что шептал? Что все это значит?
- А я просил покойного, - отвечал схваченный, - рассказать на том свете императору Августу, что я до сих пор не получил завещанных им денег! Конечно, о таком необычном происшествии тотчас доложили императору Тиберию. Тот распорядился немедленно выплатить странному человеку все причитавшиеся ему по завещанию деньги, но при этом добавил:
- Как только он их возьмет и пересчитает - тотчас отрубить ему голову! Пускай доложит на том свете Августу, что получил все сполна!

Тиберий с большой неохотой смешал военачальников, наместников и пр. Однажды его спросили, почему он так поступает. - Охотно отвечу, - сказал Тиберий. - Все люди - что мухи. Да будет вам известно, что когда мухи насосутся чужой крови, то последующие их укусы уже не так чувствительны, как вначале.

Веспасиан, император римский, среди многочисленных государственных налогов, которыми он намеревался пополнить свою казну, ввел плату за посещение общественных уборных. Среди голосов, укорявших его за это нововведение, громче прочих раздавался голос его сына Тита. Тогда Веспасиан велел принести денег из кассы общественной уборной, перемешал их с другими монетами и спросил сына:

- Можешь ли ты отличить, где здесь деньги из уборной? То-то же! Деньги, сын мой, не пахнут!

У сына римского императора Марка Аврелия (он, кстати, являет собой одно из редчайших исключений в императорской веренице - философ, мудрец и просто благородный человек - В.Р.) скончался его любимый учитель. Мальчик горько плакал. Придворные начали мальчика утешать, твердя о ничтожности учительского звания.

Марк Аврелий сдержал их пыл:

- Дайте же ему побыть человеком, прежде чем он станет императором!

Итак, Тиберий, Калигула, Клавдий, Нерон, Гальба, Отон, Вителлий, Веспасиан, Тит, Домициан и т.д. вплоть до малолетнего Ромула Августа ("Августика"), низложение которого в 476 г. н.э. и стало концом Великой римской империи, впрочем, уже Западной, так как ее восточная часть, Византия, просуществовала до 1453 г. Но об этом мы поговорим в свое время, а пока, опуская исторические подробности жизни и деяний императоров, кратко осветим самую значительную эпоху римской истории после эпохи Октавиана - "серебряный век".

По традиции эпоха римской истории и культуры между 14 и 117 годами считается "серебряным веком", с одной стороны, обозначая некоторый культурный упадок в сравнении с "золотым веком" Августа, а с другой - взлет тех литературных тенденций, что в XX веке стали называться "декадентством" (тем же упадком), но при этом символизировать высокий уровень пессимистического и глубоко личностного творчества, часто имеющего характер мистических откровений. Это время выдвинуло плеяду великолепных поэтов, романистов, историков и философов, пришедших на смену классикам Лукрецию, Вергилию, Горацию и Овидию. Пока только назовем их имена, чтобы в следующих главах подробно остановиться на творчестве каждого: Петроний, Апулей, Сенека, Марциал, Ювенал, Тацит, Светоний...

Эти авторы подняли на невиданную прежде высоту эпиграмму, сатиру, роман, историческую монографию. Форма у них зачастую перевешивает содержание, что опять-таки характерно как для периодов декадентства, так и для развитой придворной литературы. И необходимо добавить, что коль скоро литераторы много усилий отдают изучению и совершенствованию формы, то неминуемо создаются институты филологии, занимающиеся систематизацией литературы, ее историей и т.п. науками.

Наиболее крупными специалистами в области римской филологии были **НИГИДИЙ ФИГУЛ**, написавший обширные грамматические комментарии, и его ученик **ТЕРЕНЦИЙ ВАРРОН**, автор многих сочинений, в т.ч. книги "О латинском языке".

Риторика и поэзия стали некоронованными королями Рима в эту эпоху. Весь образованный мир писал стихи и декламировал их в залах, банях, на публичных состязаниях. Императоры увенчивали поэтов лавровыми венками, аристократы принимали поэтические посвящения, оплачивая их обедами и деньгами. Все это буйство литературы происходило на фоне мрачного террора и нравственной разнузданности сильных (да и не только сильных) мира сего.

Так, рассказывает В. Дюрант, - "террор и поэзия встретились в судьбе Лукана. Сенека Старший был его дедом, Сенека-философ - дядей. Он... рос в аристократических кругах, для которых философия и поэзия были таким же средоточием жизненных интересов, как любовные и политические интриги. В двадцать один год он участвует в Нероновых играх с поэмой "Похвала Нерону" и завоевывает награду. Сенека представил его при дворе, и вскоре поэт и император соперничали в эпическом жанре. Лукан допустил ошибку, одержав победу в поэтическом состязании с принцепсом (Император Нерон сочинял стихи и даже выступал в театре в качестве актера и певца, необоснованно считая себя настоящим соперником профессиональных поэтов и актеров.) ; Нерон приказал ему отказаться от дальнейшего обнародования своих произведений, и Лукан уединился, чтобы отомстить за себя сильным, но риторичным эпосом "Фарсалия", в котором гражданские войны оценивались с точки зрения поддерживающей Помпея аристократии... (Лукан) участвовал в заговоре, имевшем целью заменить Нерона Пизоном, был арестован, сломлен (ему исполнилось тогда лишь двадцать шесть) и назвал имена других заговорщиков... Когда Нерон утвердил вынесенный ему смертный приговор, к нему вернулось мужество, он созвал друзей на пир, наелся на нем до отвала, вскрыл вены и, истекая кровью, декламировал свои стихи против деспотизма, пока силы не оставили его".

В этом же заговоре участвовал и один из великих прозаиков эпохи - Петроний Арбитр, которому тоже пришлось вскрыть себе вены. Но о нем мы поговорим позже, в главе, посвященной этому властителю дум и литературной моды, автору великолепного романа "Сатирикон".

Город Рим I - II веков нашей эры поражал современников своим великолепием. Его украшали роскошные храмы, дворцы, базилики, портики для прогулок, здания для общественных развлечений, амфитеатры и цирки, где постоянно шли представления - травля зверей, бои гладиаторов, публичные казни, скачки на квадригах. Остатки этих роскошных архитектурных сооружений дожили до

наших дней как в самом Риме (Колизей), так и в провинциях (Париж, Арль, Верона, Капуя, Помпеи и др.). В имперских городах действовали водопроводы, канализация, улицы были вымощены камнем, в домах работало воздушное отопление, на площадях возвышались триумфальные арки, конные статуи. Особенно роскошны были форумы (площади) Рима, на которых возвышались мавзолей Августа, Пантеон (большой купольный храм "всем богам"), термы (бани) Септимия Севера и Каракаллы. На римском форуме стоял и знаменитый столб с позолоченным верхом, считавшийся началом всех дорог империи и давший основание для известного выражения: "Все дороги ведут в Рим!"

Расцвело и изобразительное искусство. Полы и стены храмов, дворцов, базилик и богатых домов украшались мозаичными картинами и орнаментами, иллюстрирующими отдельные эпизоды из мифологии, а также изображавшими жанровые сцены охоты, уборки урожая, любовных свиданий, пиров. Скульптурные портреты украшали площади и улицы и особенно часто - надгробия.

Что же касается празднеств, то, кроме спортивных состязаний, травли зверей и гладиаторских боев, наиболее популярны были в Риме этой эпохи непристойные театральные пантомимы и тетрализованные смертные казни. Осужденные на смерть вынуждены были еще и разыгрывать ее перед кровожадной толпой, то в роли самосжигающегося Геракла, то летящего на веревке Икара, при падении разбивающегося насмерть.

Наука начиналась со школы и достигала высот Александрийской библиотеки, афинских философских школ (платоновской Академии и аристотелевского Ликейона), знаменитых трактатов Витрувия и Фронтинуса, Страбона и Клавдия Птолемея, Плиния Секунда и Тацита по технике строительства, географии, истории и другим дисциплинам. Быстро развивались медицина, давшая гениального врача Галена, астрономия и, разумеется, философия.

Господствующим течением философской мысли был стоицизм, лидером которого в I в. стал политический деятель и драматург Сенека, а во II в. - император Марк Аврелий, чье сочинение "К самому себе" - сборник мыслей и афоризмов - популярно и в наши дни.

Другим видным философским течением был скептицизм. Его среди прочих мыслителей представлял философ и писатель Лукиан из малоазийского города Самосаты, в коротких, часто диалогических трактатах осмеивавший всякого рода суеверия и религиозный фанатизм.

Почему именно эти течения? В цитируемой уже статье М.Л. Гаспарова "Греческая и римская литература I в. н.э." читаем:

"Стоицизм... был философией политической пассивности, закономерной в пору утвердившейся монархии. Не случайно именно стоицизм стал идеологией сенатской оппозиции... Стоицизм роднится со всеми учениями, проповедующими уход от мира, - с эпикуреизмом (верным завету Эпикура: "Живи незаметно"), с посидонианским трагическим эклектизмом, с кинизмом. Крупнейший из стоиков I в. н.э., Сенека, упоминает об Эпикуре с неизменным почтением и разницу между положениями стоицизма и эпикуреизма готов считать случайной. Он помнит, что его предшественники-стоики учили, будто мудрец должен исправлять человечество; но времена изменились, человечество

испорчено непоправимо, и лучшее, что может сделать мудрец, это уйти в себя, возвыситься над людьми, приблизиться к богу и воздействовать на людей не убеждением, а примером. Он помнит, что Стоя считает душу такой же материальной, как и тело, но в своем противопоставлении мудреца и мира он отчетливо противопоставляет душу и тело и приветствует смерть и самоубийство как высший акт приближения к богу. Монументальный идеал стоического мудреца, возвышающегося над бурями судьбы, почти недостижим; большинство людей могут лишь издали стремиться к нему. Однако за это они заслуживают не презрения, а сочувствия: все люди равны перед богом, и все должны быть связаны узами добра и взаимопомощи, не исключая и рабов... Уход от мира, уход от всего телесного, стремление к богу, культ равенства людей - все эти черты сближали философию Сенеки с наступающим христианством; впоследствии сложилась легенда о знакомстве Сенеки с апостолом Павлом и была даже сочинена их фиктивная переписка. Неопифагорейство делало еще один шаг от философского рационализма к религиозному иррационализму: оно открыто клало в основу своего учения не разум, как стоики, а божественное откровение, возведенное Пифагором и доступное его ученикам. Образ трансцендентного божества, противопоставление божественного духа и презренной материи, бессмертие души - все это провозглашалось неопифагорейством с гораздо большей прямотой и излагалось в многочисленных сочинениях от лица Пифагора и его учеников. Неопифагорейство особенно интересно тем, что на его почве впервые была сделана попытка синтеза греческой философии с иудейской религией в сочинениях Филона Александрийского... одного из руководителей александрийской еврейской общины, от которого сохранились многочисленные сочинения. Почти все они представляют собой аллегорическое толкование Библии: Филон толкует ее как стоики толковали Гомера, открывая за мифическими образами абстрактно-философские понятия (так, жизнь патриархов осмысливается как путь от человека к богу, Авраам в Халдее - это плотское бытие, Авраам в Харране - духовное бытие, брак с Саррой - соединение с Софией-Мудростью и т.д.). Главное его внимание направлено на то, чтобы представить иерархию посредников между богом и миром: сперва это Логос, постигаемый образ непостигаемого бога, затем - Силы, творящая и правящая, затем - Силы милосердия и справедливости и т.п.; это начало учения об эманации божества, столь важного для последующих систем философии. В I в. н.э. философия Филона не нашла отклика, но впоследствии она была широко усвоена наступающим христианством и особенно гностиками. Так и неопифагорейство сыграло свою роль в подготовке торжества христианства.

Разрушение гуманистического идеала политической активности как единства философии и красноречия, в последний раз провозглашенного Цицероном, в равной мере отразилось на судьбе и философии, и красноречия. Как философия все больше уходит в религию, так красноречие все больше уходит в эстетскую игру стилем (Т.е. красноречие становится велеречивостью. В данном случае это означает, что гамма политических инвектив, присущая, например, Цицерону, вырождается в блестящую пустоту восхвалений сильных мира сего, как, скажем, в похвальной речи Плиния Младшего императору Траяну.)

Еще два слова об одном пронизывающем всю римскую культуру, да и жизнь, явлении, которого до Рима не было ни у одной культуры. Речь идет об юстиции, знаменитом римском праве, давшем начало едва ли не всем современным законодательствам и до сегодняшнего дня обязательно изучаемом в соответствующих институтах едва ли не всех стран. Многие знаменитые ораторы (и среди них, конечно, Цицерон), сенаторы и императоры были профессиональными правоведами и много сделали для развития юстиции. Так, по инициативе Августа были приняты законы о браке, семье, о рабах, император Адриан в 130 г. опубликовал свой "Вечный эдикт", юрист Гай во II в. подготовил сборник "Институций" - краткий учебник частного права и т.д.

Рим I - начала II веков - обширная держава, в которой провинции играют все большую роль в хозяйственной, политической и культурной жизни, тогда как сам город, оставаясь блестящей столицей, дает все меньше и меньше живой, талантливой молодежи, все больше и больше погружаясь в хищничество, коррупцию, разврат. Собственно, такова судьба всех империй во все времена, просто Рим был первым, или одним из первых, о ком мы достаточно много знаем.

Римская литература этого времени подтверждает вышесказанное. Лучшие литераторы эпохи приезжают в город из провинции. Только Испания дала латинской литературе Сенеку, Лукана, Квинтилиана и Марциала. Почти все мыслители - выходцы из Греции, лучший историк Плутарх - тоже грек, как и сатирик Лукиан. Таланты расцветают даже в далекой Африке, откуда родом был Апулей.

Да и сами проблемы литературного развития меняются. Проблема жанра, стоявшая перед авторами II в. до н.э. и проблема языка (I в. до н.э.) уступают место проблеме стиля, что означает потребность сказать по-новому уже сказанное раньше. (Эту проблему мы с вами обозначили как существеннейшую для развитой литературы еще во введении к первой книжке этих "Очерков.."). Теперь в римской литературе появляются понятия новатора и эпигона (подражателя, копииста, чаще всего значительно уступающего оригиналу).

Все это характерно не только для литературной практики, но и для теории.

"Отталкиваясь от эстетики классицизма с ее всепроникающей гармонией и разумностью, новый век создал новую эстетику - эстетику стихийной силы и вдохновенного порыва. Центральным понятием классической эстетики было понятие прекрасного, центральным понятием новой - понятие возвышенного. Прекрасное достижимо с помощью искусства и упражнения, к возвышенному возносит лишь божественное вдохновение, близкое к исступлению... Подражание древним классикам не теряет своей важности, но для теоретиков прекрасного оно сводится к усвоению их фундаментальных приемов, для теоретиков возвышенного - к вдохновляющему вчувствованию в их духовный мир". (М.Л. Гаспаров. Указ. соч. С. 470.)

Выразителями этих новых тенденций в литературе стали последний классик Древнего Рима Овидий, лирики Проперций и Тибулл, философ и драматург Сенека, историк Тацит, романист и поэт Петроний, поэты-сатирики Марциал и Ювенал и другие авторы так называемого "нового стиля".

Вопросы

1. Какие философские течения господствовали в Риме в первые века нашей эры?
2. Какие литературные жанры получили здесь особенное распространение и развитие в это время?
3. Какие главные проблемы литературного развития стояли перед римскими писателями этого периода?
4. Кто такие эпигоны?
5. Что такое Лицей (Ликей) и Академия? Помните ли вы, кто их основал?

Историки империи

Римляне любили свое государство, можно даже сказать, любовались им и неустанно его воспевали. О том, как это осуществляли поэты, речь пойдет во второй части книги, а здесь мы поговорим собственно об историках. При этом надо сразу же отметить, что все лучшие римские историки (в т.ч. и грек Плутарх, о котором, как вы помните, говорилось на страницах второй книги "Очерков...") были замечательными писателями, авторами тонких психологических историко-литературных портретов.

Самый ранний из этого ряда авторов, чьи произведения хотя бы частично дошли до нас - младший современник Цицерона **ГАЙ САЛЛЮСТИЙ КРИСП** (86 - 35 гг. до н.э.).

В молодости он занимался политической деятельностью и сражался на стороне Цезаря, а позже написал ряд образцовых исторических сочинений "Заговор Катилины", "История", "Югуртинская война". Над этими книгами он работал уже после убийства Цезаря, в глубоком уединении, можно сказать, в самоизгнании, отчего и отмечены они печатью глубокого пессимизма, теоретической основой для которого послужила разработанная греческим мыслителем Посидонием концепция нравственного вырождения общества после падения Карфагена. Саллюстий считал, что такое вырождение есть неминуемое следствие трагической двойственности самой человеческой природы, в которой высокий дух и порочное тело непримиримо враждебны друг другу. Для истории же литературы значение этической концепции и книг Саллюстия в том, что они приносят в римскую литературу психологизм. Саллюстий - мастер исторического портрета, проявляющегося прежде всего в прямой речи героев его книг. А это бунтовщик Катилина, великий Цезарь, уже знакомый нам Катон, Сулла и другие исторические лица. История и язык Саллюстия приносят в его книги подлинный драматизм, высокий уровень художественности. Да и сам Саллюстий понимал это, поскольку историческую канву его книг готовил секретарь, сам же историк сосредоточивался главным образом на их художественном изображении. Вот маленький пример - описание Катилины:

"Его мерзкая душа, враждебная богам и людям, не могла успокоиться ни бодрствуя, ни отдыхая: до такой степени угрызения совести изнурили его смятенный ум. Вот почему лицо его было без кровинки, блуждал его взор, то быстрой, то медленной была походка. Словом, в выражении лица его сквозило безумие". (Гай Саллюстий Крисп. Сочинения. - М., Наука, 1981. С. 12.)

Великим прозаиком эпохи Августа был не художник, а историк ТИТ ЛИВИЙ, "Ливии, который не заблуждается", как говорил о нем Данте.

Впрочем, его многотомную "Историю Рима от основания города" вполне можно считать художественным произведением, поскольку "Ливий - повествователь, а не исследователь" (И.М. Тронский. История античной литературы. С. 399.) , и главной его задачей, по всей видимости, было звучным языком воспеть национальную славу как бы параллельно с Вергилием.

Тит Ливий родился в Падуе (Патавии) в 59 г. до н.э., учился в столице риторике и философии и последние сорок лет своей жизни (с 23 г. до н.э. по 17 г. н. э.) посвятил созданию "Истории..." К сожалению, из этих 142 книг до нас дошли только тридцать пять начальных (с 1 по 10 и 21 - 45), но и они составляют три полновесных тома. Август благоволил к историку, начавшему свой труд с того, на чем закончил свой - Вергилий, несмотря даже на ряд откровенно республиканских пассажей Ливия. Ведь писатель посредством истории делал зримыми исконные римские доблести. Империя представлялась читателю "как нравственный императив, божественный порядок и закон, наложенный на хаос Востока и варварство Запада. Полибий приписал торжество Рима форме его государственного устройства; Ливий хотел бы сделать его естественным следствием римского характера" (В. Дюрант).

Во многом Ливий шел вослед за Цицероном, считавшим историю наставницей жизни, называвшим ее "трудом в высшей степени ораторским", но в главном все-таки не соглашался: Цицерон предлагал разделять поэтический, практический и деловой языки, всегда исходил из практических нужд современной деятельности. Ливий же человек мечтательный, чистый литератор. Историю он любил и созерцал, отчего научный его труд написан языком художественной литературы. Для историков это, может, и недостаток, зато какое блаженство для читателя! "История..." Ливия - книга, которую можно читать просто для удовольствия, как мы читаем прекрасную поэзию или даже длинный семейный роман, чувствуя себя среди его перипетий как дома. Основная идея этого труда - доблесть римского народа, патриотизм. Именно они и определяют, по мнению Ливия, ход римской истории. Именно их падение стало причиной гражданских смут. Книга начинается с мифологии, но рассказывает главным образом о человеке. В нее вводятся речи героев, представляющие собой блестящие образцы ораторского красноречия. В ней даны потрясающие картины Пунических войн. Конечно, "История..." Ливия временами грешит тенденциозностью, не всегда критично использует труды предшественников, но превосходный язык, богатство красочных картин легко искупают все ее недостатки. Именно эта книга первой оправдывает определение Рима как "вечного города". Именно эта книга на протяжении восемнадцати веков определяет воззрения на римский характер. Ливия читали, любили и читали не только современники даже из покоренных империей стран, но и гуманисты эпохи Возрождения, русские декабристы да и современные читатели. Следующий великий, а может быть, и величайший римский историк - ПУБЛИЙ КОРНЕЛИЙ ТАЦИТ. Французский поэт XVIII в. М.-Ж. Шенье сказал о нем: "Имя Тацита заставляет тиранов бледнеть". И это действительно так, поскольку

сам Тацит был влиятельным сенатором и поскольку творчество его - чистой воды оппозиция деспотизму императора Домициана и покорному ему сенату.

Рассказ о Таците и последнем крупном историке империи Светонии мы даем, следуя в основном тексту М.Л. Гаспарова (См. соответствующие статьи в кн.: "История всемирной литературы": В 9 т. М., Наука, 1983. Т. 1. и Гай Светоний Транквилл "Жизнь двенадцати цезарей". М., Правда, 1989.) .

Публий Корнелий Тацит (ок. 54 - 123 гг.) принадлежал к поколению Плиния и Ювенала, был видным судебным оратором, достиг высшей государственной должности - консульства, а затем обратился к занятиям историей.

Первой его работой стало жизнеописание его тестя Агриколы, знаменитого полководца, долженствовавшее, по всей видимости, доказать, что и при преступных императорах могут жить и добиваться славы честные люди; следующей - отличный даже и для нашего времени этнографический и географический очерк "Германия" о быте и нравах германских народов с обширным экскурсом на тему Британии; затем ключевая для понимания его тематики, стиля и мировоззрения работа "Разговор об ораторах" (на популярную тему о причинах упадка красноречия); после чего последовали собственно исторические сочинения: монументальные "История" (в 12 книгах, о времени Флавиев), из которой сохранились первые пять книг, и "Анналы", т.е. "Летопись" (в 18 книгах, о времени Юлиев-Клавдиев, 14 - 68 гг.), из которых сохранились книги 1 - 4, 6 и 11 - 16.

В "Разговоре об ораторах" Тацит полемизирует с главным оплотом древнего красноречия и республиканского сознания Цицероном. Книга построена как диалог с ним и объясняет причины выбора Тацитом "нового стиля" для своих сочинений и их исторического жанра.

Задачей Тацита-историка было не рассказывать, поскольку Рим имел много других историков, уже рассказавших обо всех этих событиях (их сочинения не дошли до нас), но осмыслять прошлые события на основе нового исторического опыта. Важнейшим в этом новом опыте был недавно пережитый деспотизм императора Домициана, показавший истинное лицо деспотической монархии, спрятанное под маской так называемого "золотого века". Тацит идет дальше своих критически настроенных современников и указывает на вину всего своего сословия, допустившего тиранию Домициана. Он изображает историю своего века как трагедию, следуя в этом манере Саллюстия. Отсюда два важнейших качества его художественной манеры: драматизм и психологизм.

История Тацита раскрывает не только внешнюю сторону политической жизни столицы, но и ее закулисные тайны, соответствующим образом группируя и мотивируя факты.

Группировка фактов - это членение эпизодов, появление действующих лиц, расположение общих картин и частных явлений, нагнетание и разрешение напряженности: именно этим Тацит достигает драматизма изложения, не имеющего себе равных в античной историографии.

Мотивировка фактов - это изображение чувств и настроений действующих лиц, как отдельных персонажей, так и масс, передача душевных движений. Этим раскрывается психологизм Тацита. Часто не располагая достаточными фактами, автор убеждает читателя благодаря замечательной силы риторике,

совмещающей эмоциональность с логикой, а зачастую и предпочитая первую. Так гармония психолога побеждает алгебру логики.

Тацит - лучший наряду с Плутархом мастер литературного и исторического портрета античности, стиль его индивидуален и неповторим. Его фразы - такое же единство противоречий, как и изображаемая им действительность: "Частным человеком казался он выше частного, и мог бы править, не будь правителем", - сказано об императоре-неудачнике Гальбе. И эта противоречивая в каждом слове характеристика, вероятно, лучше всех представляет нам Гальбу.

И как художник, и как мыслитель Тацит превосходит всех авторов своего времени. Может быть, поэтому античность недооценила его. Зато Новое время одарило его бессмертием. Творчество Тацита дало обширный материал для многочисленных трагедий ("Отон" Корнеля, "Британик" Расина, "Октавия" Альфьери и мн. др.). Революционная буржуазия всех стран считала его едва ли не своим знаменем. О нем неустанно говорили декабристы, обсуждая планы своего восстания. Пушкин, работая над "Борисом Годуновым", подробнейшим образом изучал труды этого историка и мыслителя.

Если бы Тациту "удалось поставить свое выдающееся перо на службу незашоренному предрассудками уму, - замечает В. Дюрант, - его имя находилось бы во главе списка тех, кто трудился над формовкой и увековечением памяти и наследия человечества".

Примерно в один исторический период империя имела трех крупных историков: греческого писателя Плутарха, Тацита, о котором вы только что прочитали, и Светония, имя которого вам уже встречалось в главе "Два Цезаря". О них, как и о многих других знаменитых римлянах, Светоний оставил подробные очерки. Список его сочинений, не дошедших до нас огромен: "О детских играх у греков", "О зрелищах и состязаниях у римлян", "О книжных знаках", "О видах одежды", "О брани или ругательствах и о происхождении каждого", "О Риме и римских обычаях и нравах", "О царях", "О знаменитых блудницах", "О разных предметах"... Что же это за историк, который пишет о блудницах, или о брани, или даже о детских играх, спросите вы. Или воскликнете: что же это за энциклопедист такой! Схоластиком (Позже мы еще встретимся с этим термином, правда, в другом понимании. Пока же запомним его первоначальное понятие - книжный человек.) , книжным человеком назвал его Плиний. Автор осмелился бы определить его как журналиста до журналистики. Но все это - только исходя из разнообразия дошедших до нас названий не дошедших книг.

То же, что до нас дошло, является без всякого сомнения историческими трудами, уступающими в систематичности и силе нравственных требований Ливию, в яркости психологизма и языка - Саллюстию, в моральной и психологической силе - Плутарху, в уме и тонкости - Тациту, зато превосходящими их в красочности, если так можно выразиться, физиологических портретов выдающихся людей империи, а значит, и самого Рима. Если в русской классике принято было составлять литературные физиологические очерки столиц, то "Жизнь двенадцати цезарей" - главное из дошедших до нашего времени сочинений Светония - такой же физиологический очерк Вечного города.

Выходец из всаднического рода, ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ (около 70 - после 140 гг.) в молодости входил в кружок Плиния Младшего, некоторое время занимался политической деятельностью и адвокатской практикой, даже служил при дворе ученого императора Адриана, но затем за что-то попал в немилость и доживал свой век жизнью частного и книжного человека.

По всей видимости, целью его исторических трудов была оценка событий, происшедших в империи и с империей на протяжении правления двенадцати цезарей, от Юлия до Домициана. Он дает цепь биографий, уснащая каждую целой россыпью фактов, из которых мы сегодня знаем личную жизнь римских императоров иной раз лучше, чем жизнь русских царей. Светоний ничего не объясняет в своей занимательной книге; он просто предлагает факты, подбирая их так, чтобы читатель мог оценить ту личность, о которой он пишет. А личности эти - прежде всего императоры. И среда обитания их, находящаяся в поле зрения автора, - не империя, а двор. О любовных приключениях Цезаря Светоний пишет подробнее, чем о завоевании им Галлии, шутки Веспасиана у него тщательно собраны, а знаменитое постановление о разделении между сенатом и Веспасианом даже не упомянуто. Зато все императоры даны у него в сравнении друг с другом, факты сгруппированы так, что проявляется некая общая логика не только в каждом портрете, но и во всей их веренице. Все систематизировано, все приведено в общий план. Биографическая схема Светония состоит из четырех разделов: жизнь императора до прихода к власти - государственная деятельность - частная жизнь - смерть и погребение. Внимание его преимущественно занимают следующие "предметы": в части государственной деятельности - занимаемые должности, политические новшества, социальная политика, суд и законодательство, военные предприятия, постройки, раздачи, зрелища; в разделе личной жизни - наружность, здоровье, образ жизни, нрав (чаще - безнравственность), образованность, ученые и литературные занятия, вера и суеверия.

Основа светониевского изложения представляет собой не столько связный рассказ, сколько перечень. Поэтому для него важны не так живость рассказа, яркость картин, ни тем более, философия или психологический портрет, как точность, ясность и краткость. Отсюда его стиль - не ученой, не художественной, но деловой речи. Факт - вот главное для Светония. Как говорил Маяковский: "Воспаленной губой припади и попей / из реки по имени "факт". Думается, что под этой строкой древний римлянин подписаться на погнушался бы. Иногда, правда, и он не может сдержать эмоций, когда приходится писать об особенных зверствах или распутствах некоторых императоров.

Что же нового внес в историю литературы Светоний? Видимо, новый тип биографии государственного деятеля, в которой главным был - факт.

Вопросы

1. Что внес в развитие исторической литературы Саллюстий?
2. В начале этой книги мы приводили цитату из Ливия, повлиявшую на создание шедевров позднейшей литературы. Помните ли вы, о ком шла в ней речь?
3. В чем, по вашему мнению, главные отличия творчества Саллюстия и Ливия?
4. Каковы главные качества Тацита-историка?

Поработайте со словарями и попытайтесь ответить на два следующих вопроса:

а) что такое схоластика и кто такие схоласты?

б) можно ли охарактеризовать историка Светония как создателя жанра исторического анекдота, и что такое анекдот в первоначальном и современном значении?

Поздние греческие мыслители и дневник императора марка Аврелия

В завершающей главке этого исторического очерка коротко скажем о римской жизни и культуре II - III вв. н.э. Это - время последнего расцвета империи. Рим не воюет, поскольку завоевал все, что мог, а обороняться еще не пришло время. Прекратились и внутренние мятежи и перевороты. Императорская власть стабильна, более того, она упрочена новой формой поддержания системы правления: каждый император, всходя на трон, с одобрения сената выбирал себе молодого соправителя, который потом становился его преемником. В сенате же все большее количество мест занимают теперь выходцы из провинций, знать и ее оппозиция постепенно сходят на нет. Провинции играют все более важную роль в римской жизни, что упрочивает внутреннее единство империи. Наконец, император Каракалла официально подтверждает право римского гражданства на всех провинциалов. В итоге Италия не дает в этот период ни одного значительного писателя и мыслителя, зато Греция, грекоязычные Малая Азия и Сирия, Африка подхватывают и упрочивают славу римской культуры. Именно в это время начинается уже знакомое вам из предыдущей части "Очерков..." "эллиническое возрождение". Но параллельно со всем этим постепенно созревает и кризис, быстро охвативший империю и с помощью нашествий варваров сведший ее в могилу уже в середине V в.

"Сочетание сознательной реставрации культурных форм прошлого расцвета и бессознательного тяготения к культурным формам наступающего упадка определяет своеобразие этой ступени развития античной литературы. Реставраторские тенденции в философии начинаются, собственно, еще в I в. н.э. или даже раньше. Именно их имел в виду Сенека, когда негодовал, что "философия стала филологией", т.е. самостоятельная мысль сменилась толкованием и комментированием древних основоположников философских школ. Первыми на этот путь встали перипатетики (Представители Ликей, философской школы, основанной Аристотелем, затем возглавляемой его учеником Теофрастом. - В.Р.), за ними последовали платоники... Немного ранее, на рубеже нашей эры, александриец Энесидем провозгласил возрождение

древнего скептицизма... В конце II в. н.э. жил и писал самый талантливый из его последователей, Секст Эмпирик... Скептицизм не испытал столь декларативного обращения к прошлому, но и тут, в философии Эпиктета и Марка Аврелия, очевиден поворот от позднейших эклектических (Эклектика - от греч. "выбирающий" - механическое соединение разнородных, часто противоположных принципов, взглядов, теорий, художественных элементов.) форм к более ранним, вплоть до истока стоической философии - кинизма: Эпиктет требует от истинного стоика безбрачия, аскетизма и отказа от всех жизненных благ, подобно киникам. Чистый кинизм тоже бурно возрождается в эту эпоху: Лукиан издевается над множеством высыпающих на свет нищих философов или лжефилософов. Конечно, кинизм, смешанный со стоицизмом, не переставал существовать и в предыдущие два века, но тогда он обслуживал лишь низы общества, а сейчас им интересуются и к нему обращаются такие высокообразованные лица, как Дион Хрисостом...

Стоицизм II в. имел двух крупнейших представителей: вольноотпущенника Эпиктета (ок. 50 - ок. 130) и императора Марка Аврелия". (История всемирной литературы. Т. 1. С. 486.)

Об Эпиктете мы говорили в предыдущей книжке "Очерков...", о Марке Аврелии, может быть, лучше всех сказал он сам в книге "Размышления":

"Город и отечество мне, Антонину, - Рим, а мне, человеку, - мир; а значит, что этим городам на пользу, то мне только и благо".

Так говорил Марк Аврелий, а вот что записывал в своем "Дневнике" Л.Н. Толстой:

"Надо составить себе Круг чтения: Эпиктет, Марк Аврелий, Лаоцы, Будда, Паскаль, евангелие. Это и для всех бы нужно".

Император-философ **МАРК АВРЕЛИЙ АНТОНИН** (121 - 180 гг.) написал свою знаменитую книгу "К самому себе" (ее принято еще называть "Размышлениями") не в тиши дворцового кабинета, а в бивуачных условиях, в промежутках между походами и боями, в которых ему приходилось участвовать и побеждать, несмотря на совершенно неподходящую к этому собственную натуру.

Марк Аврелий был одним из немногих человеческих императоров Древнего Рима и представлял собой, пожалуй, уж совершенное исключение из их числа как в смысле высокой личной гуманности, так и в плане исключительности своих духовных предпочтений и занятий.

Дело в том, что он был не только хорошим человеком, но и замечательным мыслителем-стоиком, философом для себя, а не проповедником, как это было принято в античности, и каким был за полвека до него Эпиктет, и даже не писателем. Его книга - не что иное как дневник, опубликованный посмертно. Далеко не все, чем интересовалась и о чем размышляла не только древняя Стоя, но и гораздо более близкий Аврелию по времени Сенека, привлекало императора-мыслителя. Так, он, по существу, не интересуется ни космологией, ни духовным героизмом. Он сосредоточен на этике, он покорен судьбе. Миссия мудреца, по мнению Аврелия, нести людям разум, приобретая тем самым

бессмертие души для себя. "Это - уже отступление от стоицизма во имя платонизма, противоположение духа и тела становятся все более притягательными для человеческого сознания", - пишет М.Л. Гаспаров (указ. соч. С. 487) .

Книга Марка Аврелия начинается с выражения признательности своим близким и учителям, всем, кому он обязан чем-нибудь хорошим. Далее он посвящает страницы размышлениям о мировой гармонии, тому, о чем позже, многое заимствуя у языческого императора (а Марк Аврелий преследовал христиан, поскольку считал их смутьянами, подрывающими государственную религию, необходимую для спокойной мирной жизни империи), напишет свою книгу "О граде Божьем" другой Аврелий - Августин.

Марк Аврелий считает Вселенную единым целым, живым существом, обладающим единой душой. Отсюда - стоическая вера в единый мир на земле, ощущение себя гражданином мира. Помните чуть выше приведенную цитату из "Размышлений о городе и мире. Далее у Марка Аврелия следует: "Люби человечество. Следуй богу... И этого достаточно, чтобы помнить, что Закон правит всем". Последнее - уже от императора, который, между прочим, сразу же после смерти был обожествлен.

В мире есть хорошие и дурные (как жаль!) люди, считает мыслитель, но добрые или злые, хорошие или плохие - они братья. И все хотят быть счастливыми. От дурного может излечить философия. Она же делает из человека мудреца и праведника. А настоящий праведник недоступен несчастью, ибо ничто, никакое горе или несчастье не способно лишить его души.

Человек смертен: "Как часть в целом ты возник и в породившем тебя исчезнешь... Так вот - пройти в согласии с природой эту малость времени и расстаться кротко, как будто бы упала зрелая уже оливка, благословляя выносившую ее ветвь и чувствуя благодарность к породившему ее дереву," - таков, может быть, окончательный и главный вывод об истинной мудрости и настоящем счастье императора-философа Марка Аврелия.

Это желание духовного спокойствия, стремление к внутренней цельности, т.е. к простоте, эта глубокая порядочность и вместе с тем мудрость принесли императору-язычнику глубокое уважение христианских мыслителей и теологов, писателей и читателей.

В большой подробной статье "Марк Аврелий в России" (Марк Аврелий Антонин. Размышления. Перевод, статья, текстологические примечания А.К. Гаврилова. СПб.: Наука, 1993. С. 115 - 173) переводчик его "Размышлений" дает обстоятельный анализ восприятия наследия последнего стоика в нашей культуре от времени Петра Великого до "серебряного" века. Здесь мы лишь коротко укажем на то, что личность Марка Аврелия не оставляла равнодушным, кажется, никого из русских классиков, вызывая резкое неприятие, как у Чаадаева, или, наоборот, становясь душевным собеседником на всю жизнь, как для Льва Толстого. Не прошли мимо Аврелия ни Пушкин, ни Гоголь, ни Тургенев, ни Достоевский, ни Лесков, ни даже Чехов и Бунин. Особенно же много думали над его книгой Лев Толстой и Вячеслав Иванов, переведший все стихотворения, входящие в нее.

Может быть, причина такого влияния Марка Аврелия на нашу классику заключена вот в этой строчке, представляющейся мне как бы завещанием мудрости древнего мира и, вместе с тем, вечной истиной, принятой Новым временем:

"Спасение жизни - всякую вещь рассматривать вполне, что она есть и что в ней вещественное, а что причинное. И от всей души поступать справедливо и правдиво говорить". (Там же. С. 70)

Звезда римской словесности закатывалась, как закатывалась и эпоха великой империи. На смену язычеству шло христианство, на смену художникам - религиозные философы и софисты. Нам осталось набросать еще два портрета. Первый из них - уже знакомого нам из предыдущей книжки "Очерков..." критика Гомера, софиста Диона Хрисостома (Златоуста), второй - основоположника последнего языческого и вместе с тем одного из первых христианских (точнее, принятых христианством) философских учений - Плотина.

О **Дионе Хрисостоме** (Златоусте, 40 - 120 г.г.) предоставим рассказывать В. Дюранту.

"Его семья издавна занимала выдающееся положение в Прусе (Город в Вифинии, исторической области на северо-западе Малой Азии, ныне - на территории Турции. - В.Р.). Его дед истожил свое состояние, осыпая подарками этот вифинский город, а затем сколотил новое; его отец пережил тот же опыт; Дион пошел по их стопам. Он стал оратором и софистом (Софизм - от греч. - уловка, выдумка, головоломка. Мнимое доказательство. Софистика - рассуждение, основанное на преднамеренном нарушении законов логики. Древнегреческое учение. Софистика вторая (новая) - течение в древнегреческой литературе эпохи Римской империи, стремившееся обобщить многовековой опыт античной риторики, сделать традиционную культуру слова средоточием возрождаемого "эллинства" и обрести в ней иллюзорную свободу утраченной политической свободы и гражданской морали. Софисты - люди, сведующие в какой-либо области; профессиональные учителя философии и красноречия (Протагор и др.), а также профессиональные ораторы, культивировавшие классические образцы древнегреческой риторики.) , явился в Рим, был обращен в стоицизм... и изгнан из Италии и Вифинии Домицианом (82 г.). Ему было запрещено пользоваться имуществом и доходами с него, и он в течение тринадцати лет скитался по всему свету нищим философом, отказываясь брать деньги за свои речи и зарабатывая на хлеб главным образом физическим трудом. Когда на смену Домициану пришел Нерва, ссылка сменилась почестями; Нерва и Траян подружились с ним и по просьбе Диона предоставили его городу немало льгот. Он вернулся в Прусу и истратил большую часть своих денег на то, чтобы сделать ее еще более прекрасной... Дион оставил после себя восемьдесят речей... Они страдают... обманчивыми аналогиями и риторическими трюками; полмысли может излагаться здесь на полусотне страниц; неудивительно, что утомленный слушатель как-то

пожаловался: "Похоже, солнце сядет прежде, чем прекратятся твои бесконечные вопросы". Однако этот человек был обаятелен и красноречив, иначе ему едва ли удалось бы стать самым прославленным оратором столетия, ради речей которого люди готовы были прервать войну. "Я не знаю, что ты имеешь в виду, - говорил честный Траян, - но я люблю тебя, как самого себя". Варвары на берегах Борисфена (Днепр) слушали его так же зачарованно, как собравшиеся в Олимпии греки или легко возбудимые александрийцы; армия, собравшаяся поднять мятеж против Нервы, была смягчена и даже отнеслась к Нерве с одобрением после импровизированного выступления полунагого изгнанника. Возможно, людей привлекал в нем не безупречный аттический язык, но отвага его гневных разоблачений. Он был чуть ли не единственным в классической древности, кто осуждал проституцию, и немногие писатели его времени осмеливались так открыто нападать на рабовладельческую систему. (Сам он был, правда, немного огорчен, когда узнал, что его рабы разбежались.) Его речь к александрийцам бичевала их роскошь, суеверия и пороки. Он избрал Илион местом выступления с речью, в которой доказывал, что Троя никогда не существовала, а Гомер "был самым дерзким лжецом в истории" (С этой речью читатель познакомился в предыдущей части наших "Очерков...", в главе о Гомере.) . В центре Рима он защищал деревню перед городом, нарисовал в живом повествовании трогательную картину деревенской бедности и обратился к слушателям с предупреждением: земля приходит в запустение, иными словами, земледельческий фундамент цивилизации приходит в упадок. В Олимпии посреди толпы фанатичных приверженцев "мира сего" он бранил атеистов и эпикурейцев. Хотя общепринятые представления о божестве и могут показаться нелепыми, говорил Дион, мудрец поймет, что простые умы нуждаются в простых идеях и наглядных символах. Поистине, никто не способен представить себе образ Высшего Существа, и даже благородная статуя Фидия является лишь антропоморфическим допущением, столь же произвольным, как и первобытное отождествление Бога с деревом или звездой. Мы не можем знать, что есть Бог, однако обладаем врожденным нам убеждением в его существовании и чувствуем, что философия без религии темна и безнадежна. Единственная настоящая свобода - это мудрость, или знание справедливого и несправедливого, правильного и неправильного; путь к свободе пролегает не через политику и революцию, но через философию; истинная философия не сводится к книжным спекуляциям, но заключается в постоянном упражнении в честности и добродетели, согласно указаниям того внутреннего голоса, который в некоем сокровенном смысле и является словом Божиим в сердце человека".

Собственно, Дион был предшественником так называемой "второй софистики", течения, по существу, завершающего классическую античность.

Последние мудрые императоры, последние писатели-классики. Вся дальнейшая жизнь и литература - христианская. Мы прощаемся с язычеством, с прекрасной молодостью мира. Эти последние ее авторы-греки: сатирик Лукиан из Самосаты, романисты Харитон, Ксенофонт Эфесский, Ахилл Татий, Лонг,

Гелиодор, Антоний Диоген; уроженцы Африки, латинские писатели Апулей и Элиан.

В III в. на империю обрушивается последний кризис, со всех сторон Рим охватывают восстания рабов и нападения варваров, начинается императорская чехарда, анархия власти (за 70 лет сменяются 37 правителей). В литературе царит полный застой, пока утвердившееся христианство не выводит на сцену совершенно новые фигуры Аврелия Августина, Василия Кесарийского и Иоанна Златоуста (IV в.). И, пожалуй, здесь нам остается сказать только о двух последних гениях язычества. Один - император Юлиан (годы правления 360 - 363), прозванный Отступником за отказ от победившего уже христианства и отчаянную попытку восстановить исконно римские верования. О нем крупный русский романист и мыслитель начала XX века Д.С. Мережковский написал роман "Гибель богов (Юлиан Отступник)", который я рекомендую вам прочитать.

И последний портрет - портрет основоположника философии неоплатонизма **Плотина**. О нем нам расскажет М.Л. Гаспаров.

"Философия III в. - это неоплатонизм, последний великий плод античной культуры. Основоположителем неоплатонизма был философ Плотин из греческого Египта (204 - 270), преподававший в Риме с 243 г. В духе общего преклонения перед классикой он считал свою систему лишь реставрацией подлинного учения Платона; в действительности же это было прежде всего завершением религиозно-идеалистических тенденций в философии, нараставших с начала нашей эры. Плотин оформил эти тенденции в исключительную по стройности и законченности философскую систему, где логика и мистика сочетались и дополняли друг друга... Единственно сущим для Плотина является божество - "единое": из него, как свет из солнца, исходит все: поначалу этот свет представляет собой нераздельное слияние (это мир идей), потом, по мере удаления от светила, он дробится на бесчисленные лучи (это мир душ), и, наконец, эти лучи слабеют, постепенно переходя во мрак (это мир тел). Каждая душа-луч в каждой точке ее протяжения находится под действием двух сил - центробежной необходимости, влекущей ее от света к тьме, и центростремительного сродства, влекущего ее от тьмы к свету. Цель человеческой жизни - содействовать этому возврату души к ее источнику: для этого нужно сперва аскетической жизнью возвести ее от мира тел к миру душ; потом с помощью самопогруженного мышления - от мира душ к миру идей; и тогда в мгновенном экстазе душа может ощутить высшее блаженство слияния с "единым". Плотин утверждал, что сам он испытывал такой экстаз четыре раза в жизни. Влечение души к высшему началу Плотин, по примеру Платона, изображает как эрос - любовь, а двигателем любви выступает красота; поэтому роль эстетического момента в системе взглядов Плотина чрезвычайно велика: отвергая все телесное, он не только не отвергает телесной красоты мира, но даже видит в ней лучший путь к постижению духовного начала мира. Так, даже в самом кризисном... своем проявлении античная философия остается философией прекрасного.

Неоплатонизм был предельной степенью неприятия мира в античной культуре. Это была античная параллель христианскому неприятию мира; и в последней

борьбе античности с христианством идейным оплотом был именно неоплатонизм. Однако оплодотворить искусство это умозрительное учение уже не могло... Влияние неоплатонизма на искусство проявилось лишь опосредованно, через эстетические идеи неоплатонизма, воспринятые христианством, и влияние это было огромно; но оно относится уже к следующему, Средневековому периоду развития европейской культуры". (М.Л. Гаспаров. Греческая и римская литература II-III вв. н.э. / История всемирной литературы. Т. 1. С. 500 - 501.)

Вопросы

1. Что такое эклектика?
2. Чем различаются софизм и софистика?
3. Каковы главные идеи основоположника неоплатонизма Плотина?
4. В чем, по-вашему, заключается притягательность личности и размышлений Марка Аврелия для русских писателей?

Часть вторая. ПЕРСОНАЛИИ

Лукреций: философия в стихах

"Эта странная смесь материализма и свободной воли, блаженных богов и безбожного мира..."

Вил Дюрант. "Цезарь и Христос"

"...Хотел я представить

Это ученье тебе в сладкозвучных стихах пиэрийских,
Как бы приправив его поэзии сладостным медом"

Тит Лукреций Кар. "О природе вещей"

Несмотря на то, что о философии предостаточно говорилось в первой главе этой книжки "Очерков...", начинать вторую опять приходится с нее же. И потому что первый великий римский поэт был, безусловно, прежде всего философом, и потому что той же системы, что и Лукреций, придерживались многие другие римские литераторы, в том числе и знаменитый Цицерон.

Вы помните о том, что греческая культура и философия была едва ли не полностью воспринята римлянами, а такие течения последней, как стоицизм и эпикурейство стали, можно сказать, национальным выражением римской сущности. Конечно, скорее во внешних проявлениях, нежели по духу. Именно поэтому Лукреций, лучший выразитель эпикуреизма в поэзии, очень скоро был почти забыт и возрожден лишь гуманистами эпохи Ренессанса.

Но прежде вспомним о том, чему же учил Эпикур.

"Душа есть состоящее из тонких частиц тело, рассеянное по всему организму, очень похожее на ветер с какой-то примесью теплоты..."

Бог - существо бессмертное и блаженное... Боги существуют: познание их - факт очевидный. Но они не таковы, какими их представляет себе толпа... Нечестив не

тот, кто устраняет богов толпы, но тот, кто применяет к богам представления толпы: ибо высказывания толпы о богах являются не естественными понятиями, но лживыми домыслами, согласно которым дурным людям боги посылают величайший вред, а хорошим - пользу. Именно люди, все время близко соприкасаясь со своими собственными добродетелями, к подобным себе относятся хорошо, а на все, что не таково, смотрят, как на чужое.

Смерть не имеет к нам никакого отношения. Ведь все хорошее и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущения. Поэтому правильное знание того, что смерть не имеет к нам никакого отношения, делает смертность жизни усладительной... потому что отнимает жажду бессмертия. Люди толпы то избегают смерти, как величайшего из зол, то жаждут ее, как отдохновения от зол жизни. А мудрец не уклоняется от жизни, но и не боится не-жизни, потому что жизнь ему не мешает, а не-жизнь не представляется каким-нибудь злом. Как пищу он выбирает вовсе не более обильную, но самую приятную, так и временем он наслаждается не самым долгим, но самым приятным.

Здоровье тела и безмятежность души... есть цель счастливой жизни; ведь ради этого мы все делаем, - именно, чтобы не иметь ни страданий, ни тревог. Мы имеем надобность в удовольствии тогда, когда страдаем от отсутствия удовольствия; а когда не страдаем, то уже не нуждаемся в удовольствии. Поэтому-то мы и называем удовольствие началом и концом счастливой жизни. Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, то мы разумеем не удовольствия распутников и не удовольствия, заключающиеся в чувственном наслаждении, но мы разумеем свободу от телесных страданий и от душевных тревог.

Величайшее благо есть благоразумие. Поэтому благоразумие дороже даже философии. От благоразумия произошли все остальные добродетели; оно учит, что нельзя жить приятно, не живя разумно, нравственно и справедливо". (Цит. по книге: Человек: Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир - эпоха Просвещения. М.: Политиздат, 1991. С. 123 - 128.)

Процитируем теперь английского мыслителя уже нашего столетия Бертрانا Рассела. Анализируя западную мысль, он пишет о философии Эпикура: "То была философия болезненного человека, предназначенная для того, чтобы соответствовать миру, в котором рискованное счастье стало вряд ли возможным. Ешьте мало - из боязни несварения; пейте мало - из боязни похмелья; сторонитесь политики и любви и всех действий, связанных с сильными страстями; не ставьте свою судьбу на карту, вступая в брак и рождая детей; в интеллектуальной жизни учитесь больше созерцать удовольствия, чем страдание... А главное - живите так, чтобы избегать страха.

Он утверждал, что два величайших источника страха - это религия и боязнь смерти, связанные между собой, поскольку религия поддерживала тот взгляд, что мертвые несчастны. (Вспомните, как уныл загробный мир - царство мрачного Аида в древнегреческой мифологии - В.Р.) Поэтому он искал

метафизику, которая доказала бы, что боги не вмешиваются в людские дела и что душа погибает вместе с телом.

Эпикурейцы практически ничего не внесли в развитие естественных наук. Они сыграли полезную роль своим протестом против растущей приверженности язычников более позднего периода к магии, астрологии и прорицаниям, но они оставались, как их основатель, догматичными, ограниченными и не имели подлинного интереса ни к чему, кроме личного, индивидуального счастья" (Рассел Б. История западной философии: В 2 т. М.: Миф, 1993. Т. 1. С. 264 - 266.) .

В общем-то, эпикурейство, несмотря на свой девиз "Живи незаметно!", как и всякая философия, отнюдь не было лишено честолюбивого желания быть замеченным, но скорее всего осталось бы известным лишь узкому кругу специалистов, если бы не поэтический гений Лукреция.

Центром эпикуреизма в Италии был полугреческий город Кампания, где благодаря школе Сирона здесь, а также литературной деятельности греческого поэта и философа Филодема в Риме, с мыслями Эпикура познакомились многие римские литераторы, в том числе и Вергилий с Горацием. Но подлинную популярность, более того, славу в веках эпикурейству принес ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАР (ок. 98 - 55 гг. до н.э.) своей дидактической (Литературный энциклопедический словарь (М.: Сов. энциклопедия, 1987, с. 98) определяет дидактическую литературу как "поучительную... излагающую философские, религиозные, моральные и научные знания, идеи в форме художественного произведения" и относит к ней произведения Гесиода "Труды и дни", Лукреция "О природе вещей", "Поучения Владимира Мономаха", "Домострой" и другие произведения.) поэмой "De rerum natura" ("О природе вещей").

К сожалению, о самом Лукреции мы знаем только из его поэмы, т.е. никаких биографических сведений о нем не сохранилось, кроме разве что малодостоверного сообщения христианского писателя Иеронима, согласно которому Лукреций страдал периодическими припадками безумия, вызванными неким любовным напитком, и кончил жизнь самоубийством.

Сама поэма его не была окончательно завершена автором и издана после его смерти Цицероном около 54 г. до н.э. Лукреций несомненно ставил перед собой задачу популяризации философии Эпикура, поскольку стихотворная форма для эпикурейства - вещь, по словам крупного советского филолога И.М. Тронского, неожиданная. Да и второй эпиграф к этому очерку, представляющий собой цитату из поэмы Лукреция, кажется, вполне подтверждает данное умозаключение. К тому же, вы могли обратить внимание и на сухой логический стиль самого Эпикура в приведенных выше цитатах из его трудов. Сухой-то он сухой, да, видно, имеет нечто, заставившее гениального поэта обрести в нем источник высокого вдохновения и создать самую великую философскую поэму в истории литературы!

Лукреций идет не только за Эпикуром. В поэзии он следует за Эннием, для выражения мыслей и чувств избирает гекзаметр и создает яркопоэтический, звучный и глобальный гимн познанию с позиций материализма, но не забывая и о божественном происхождении вдохновения.

Эпос (а поэма Лукреция безусловно - эпос) начинается с молитвы богине любви Венере:

*Рода Энеева мать, людей и бессмертных услада,
О благая Венера! Под небом скользящих созвездий
Жизнью ты наполняешь и все судоносное море,
И плодородье земли; тобою все сущие твари
Жить начинают и свет, родившись, солнечный видят.
Ветры, богиня, бегут пред тобою; с твоим приближеньем
Тучи уходят с небес, земля-искусница пышный
Стелет цветочный ковер, улыбаются волны морские,
И небосвода лазурь сияет разлившимся светом,
Ибо одна ты в руках своих держишь кормило природы,
И ничего без тебя на божественный свет не рождается,
Радости нет без тебя никакой и прелести в мире.
Будь же пособницей мне при создании этой поэмы...
Даруй поэтому ты словам моим вечную прелесть,
Сделав тем временем так, чтоб жестокие распри и войны
И на земле, и в морях повсюду замолкли и стихли.*

(Перевод Ф.А. Петровского)

(Поэма здесь и далее цитируется по изд.: Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Худож. лит., 1983)

И Венера даровала стихам поэта вечную прелесть, как даровали боги ее немногим другим, как даровал Господь Пушкину способность "глаголом жечь сердца людей".

Кстати, уже в этих первых строках поэмы можно увидеть и некий "исходный пункт", или цель произведения - исправление пороков общества, что характерно прежде всего для писателей-материалистов, или, как потом их станут называть, реалистов: "Даруй... словам моим вечную прелесть, сделав тем временем так, чтоб жестокие распри и войны... стихли". Причиной же распри и войн являются честолюбие, алчность и похоть. Причина же этих причин - страх смерти, необузданная жажда жизни, религия, внушающая страх перед богами и загробным мучением, словом, все то, что отвергал учитель Лукреция - Эпикур. Главной мыслью поэмы становится, таким образом, мысль о том, что для того, чтобы изгнать пороки, надо победить в себе религиозный страх и убедить читателя в том, что мир не управляется богами, но развивается по собственным материалистическим законам.

Великолепными стихами Лукреций в шести частях поэмы излагает эпикурейское учение: об атомах (кн. 1), об образовании сложных тел (кн. 2), о строении души (кн. 3), о чувственном восприятии (кн. 4), о развитии мира и человеческого общества (кн. 5), о явлениях природы (кн. 6). Далее наш рассказ о поэме Лукреция основывается на статье М.Л. Гаспарова "Греческая и римская литература I в. до н.э.". (История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1. Стр. 449 - 451)

Итак, в первой части поэмы Лукреций убеждает нас в том, что смерть - не уничтожение, но перераспределение материи в Космосе; во второй - в том, что все живущее смертно, Вселенная же есть не что иное, как бесконечное множество рождающихся и гибнущих миров; третья трактует о том, что человеческая душа не менее материальна, чем тело, и значит, тоже смертна, смерть же представляет собой избавление от страданий; четвертая - о том, что человек постигает мир собственными вполне материальными органами чувств, а также о том, как эти чувства проявляются в мире; пятая - весьма пессимистично рассказывает о бренности жизни в ее непрестанном движении к бесплодной старости; шестая - собственно о земной природе.

Заканчивается поэма потрясающим описанием моровой язвы в Афинах как подлинным торжеством смерти на земле, подчеркивая одну из главных идей Эпикура: только постигнув всеобщее разрушение, человек может отрешиться от мрачных мыслей о личной смерти, а значит, и от необузданной жажды жизни, и обрести покой мудрости.

*Этого рода болезнь и дыханье горячее смерти
В кладбище некогда все обратили Кекроповы земли,
Жителей город лишив и пустынными улицы сделав...
Прежде всего голова гореть начинала от жара,
И воспалялись глаза, принимая багровый оттенок;
Следом за этим гортань, чернея глубоко, сочилась
Кровью, и голоса путь зажимали преградою язвы;
Мысли глашатай - язык затекал изверженной кровью,
Слабый от боли, в движеньи тяжелый, шершавый на ощупь.
Дальше, когда, сквозь гортань накапливаясь в груди, проникала
Сила болезни затем и в самое сердце больного,
То, расшатавшись, тогда колебались жизни устои.
Вместе с дыханием рот испускал отвратительный запах,
Тот же, какой издает, загнивая, смердящая падаль,
Силы духовные тут ослаблялись, и тело томилось,
Ослабевая совсем у самого смерти порога.
И безысходной тоской нестерпимые эти страданья
Сопровождались всегда, сочетаясь с мучительным стоном,
Часто и ночью и днем непрерывные схватки икоты
Мышцы и члены больных постоянно сводили и, корча,
Их, истомленных уже, донимали, вконец изнуряя.
Точно ожогами, все покрывалось тело при этом
Язвами, как при священном огне, обнимающем члены;
Внутренность вся между тем до мозга костей распалялась,
Весь распалялся живот, пламеня, как горн раскаленный.
Даже и легкая ткань, и одежды тончайшие были
Людям несносны; они лишь прохлады и ветра искали.
В волны холодные рек бросались иные нагими,
Чтобы водой освежить свое воспаленное тело.
Многие вниз головой низвергались в глубины колодцев,*

*К ним припадая и рты разинув, над ними склонялись:
В воду кидаться влекла неумная, жгучая жажда;
Даже и дождь проливной представлялся им жалкой росой,
И передышки болезнь не давала совсем. В изнуреньи
Люди лежали...*

Прервем цитату. Далее следуют еще несколько страниц описания страшного мора, пригодных одновременно и для медицинской истории болезни и в качестве эталона для изображения подлинно стихийного бедствия в мировой литературе. Да по сути так оно и есть: Лукреций, кажется, первым дал эту великую художественную картину катастрофы, ада на земле. За ним последуют и Боккаччо, и Дефо, и Пушкин, и многие-многие другие.

Обожествляя своего учителя ("Богом он был... воистину богом!"), Лукреций однако кое в чем принципиально отходит от учения Эпикура. А именно - переносит центр тяжести с этики на физику, т.е. в отличие от Эпикура, для которого учение о мироздании было лишь средством к достижению спокойствия души, сосредоточивает наше внимание именно на картине мироздания.

Вот это наглядное, живописное изображение Космоса и человека и является самой сильной стороной творчества Лукреция. Послушаем еще раз М.Л. Гаспарова:

"В выборе примеров Лукреций изобретателен и разнообразен: говоря о движении атомов в пустоте, он напоминает, как толкутся пылинки в солнечном луче; говоря о сродстве атомов по форме, напоминает, как тянется корова к теленку, когда тот у нее отнят для заклания; объясняя, как при вечном движении атомов сохраняют покой составляемые ими тела, он приводит в пример дальний вид на толпящееся стадо или строящееся войско:

*Даже и то ведь, что мы способны увидеть, скрывает
Часто движенья свои на далеком от нас расстоянии:
Часто по склону холма густорунные овцы пасутся,
Медленно идя туда, куда их на пастбище тучном
Свежая манит трава, сверкая алмазной росой;
Сытые прыгают там и резвятся, бодаясь, ягнята,
Все это издали нам представляется слившимся вместе,
Будто бы белым пятном неподвижным на фоне зеленом...*

Дидактический жанр и проповеднический пафос определяют стиль поэмы: ораторский, патетический (т.е. возвышенный, приподнятый - В.Р.), все время рассчитанный на собеседника (поэма посвящена Гаю Меммию, молодому политику и покровителю поэтической школы неотириков, о ней будет рассказано в главке о Катулле. - В.Р.), которого автор то убеждает, то вызывает на спор, с постоянными повторениями, с громоздкими периодами по схеме "так как - следовательно", со смелыми словесными образами ("пламя сверкает взметающимися цветами", "солнечный свет засекает поля"... и т.п.). Лукреций... играет всеми возможными средствами латинской речи, широко пользуется

плеоназмами ("жидкая влага воды..."), синонимикой (для основного понятия "атом" он употребляет в общей сложности 54 выражения), словотворчеством (более сотни его слов не встречается больше нигде у латинских писателей..."). (Указ. соч. С. 450 - 451)

Величайший поэт-философ, Лукреций вместе с Цицероном и Катуллом как бы олицетворяет тот качественный скачок латинской литературы, благодаря которому она и смогла впервые завоевать первенство в своей долгой борьбе с литературой греческой. И Гораций, и Вергилий, собственно, самые звездные имена латинской поэзии, многое переняли именно у Лукреция, хотя и не называли его в числе своих учителей. Но так ведь часто бывает: мыслима ли русская поэзия без Пушкина, а кто из поэтов, кроме разве Лермонтова и Блока, назвал его своим учителем?

Что же касается влияния Лукреция на русскую литературу, или правильнее будет сказать, отношения к нему русских писателей, то высоко ценили его прежде всего представители нашей материалистической философии - Ломоносов, Радищев и особенно Герцен. Значительно же большей популярностью и у читателей и у поэтов пользовался в России первый великий римский лирик - Гай Валерий Катулл.

Вопросы

1. Лукреций - первый великий поэт-философ. Каких еще поэтов-философов вы знаете в мировой и русской литературе?
2. Что такое дидактическая литература? Какие авторы, по-вашему, представляют это течение в русской литературе?

Любовь и ненависть Катулла

*Рядом с ним Гораций кажется холоден,
Овидий - легкомыслен,
Тибулл - вял,
Проперций - многословен...*

М.Л. Гаспаров. Поэзия Катулла.*

*Люблю? Ненавижу? Откуда я знаю?..
Все вместе, наверное. Вот и страдаю!..
Катулл. (Пер. автора)*

(В кн.: Гай Валерий Катулл веронский. Книга стихотворений / Изд. подг. С.В. Шервинский и М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. В дальнейшем поэзия Катулла, кроме авторских переводов, цитируется по этому изданию.)

Начнем с того, что представлял собой столичный круг людей, в котором вращался молодой провинциал, приехавший в Рим из Вероны. Прежде всего, дело происходит в середине I в. до н.э. Достаточно давно в римской литературе лидирует проза, риторика, а поэзия (ведь многие ли знали тогда о Лукреции?) в течение столетия практически не дает ни одного крупного имени. Стихотворные упражнения аристократии от нечего делать или в угоду моде, понятно, не в счет. Время же это - время молодой империи, когда, как грибы, растут сказочные богатства, дух общества ликует от блистательных побед, у состоятельных людей появляется досуг для творчества.

Параллельно с этим не забудем и о все увеличивавшемся влиянии на римского читателя греческой, эллинистической литературы, особенно (в отсутствие собственных лириков) александрийской поэзии. Вы помните из предыдущей книжки "Очерков..." основные черты этой поэзии: ученость, чувственность, тяготение к уединению, высокую степень версификации (т.е. совершенную форму). И Рим усваивает эту ученую легкость александрийской поэзии. Усваивает как читатель. Дело за поэтами.

Вокруг того самого Гая Меммия, которому Лукреций посвятил свою поэму, складывается кружок молодых талантливых литераторов, ораторов, политиков: Валерий Катон, Марк Целий, Лициний Кальв, Гельвий Цинна и др. Все они не были удовлетворены старой моралью, все сочиняли эпиграммы на Цезаря, все хотели принести в литературу нечто новое и пытались воспевать молодость, вино и красавиц в звучных стихах, имея образцом александрийских поэтов.

Цицерон назвал их "новыми поэтами" (по-гречески *neoteroi*), откуда и пошло название группы - "неотерики".

Ну а раз поэты "новые", значит, они обязательно должны бороться со старыми, с архаичными авторами, свергать кого-нибудь с "корабля современности", как делали это русские футуристы с Пушкиным. Неотерики свергали Энния, а вместе с ним и Цицерона, который относился к ним с большим сомнением, а сам частенько сочинял поэмы в духе Энния, не без желания, конечно, прославиться в веках и как поэт.

Однако, как это почти всегда случается, новое не только свергает какой-нибудь старый авторитет, но, создавая свое, пользуется тем же старым, разве что зачерпывая из другой тарелки. Так, отвергая Пушкина, новые русские поэты обращались к Державину; так, отвергая Энния, неотерики обратились к Каллимаху.

Отвергнув эпическую форму, неотерики занялись лирикой, освоили ряд малоизвестных мифов, насытили содержание своих стихотворений цитатами из утонченных предшественников, воспитав, таким образом, искушенного читателя, и обогатили латинскую поэзию многими еще не известными до них размерами.

"Они провозгласили святость инстинкта, невинность желания и величие мотовства... и ставили в центр жизни и поэзии любую женщину, замужнюю или нет, которая могла подкармливать их музу легкой непостоянной любовью", - пишет В. Дюрант.

Одной из самых ярких женщин этого круга была замужняя дама по имени Клодия из знатного рода Клавдиев. И дама эта благодаря поэтическому гению одного из неотериков, веронца Катулла, стала первым символом поэтического вдохновения. Много столетий спустя мир узнает имена Беатриче, Лауры, Елены Денисьевой... Но первой была Лесбия (так называл Клодию несомненно в честь Сапфо в стихах юный поэт).

ГАЙ ВАЛЕРИЙ КАТУЛЛ родился (согласно не слишком достоверной Хронике IV в.) в 87 г. до н.э. в семье состоятельного веронца и прибыл в Рим, вероятно, около 60-го года. Он прожил совсем немного, чуть больше тридцати лет, но чрезвычайно много успел. Он успел любить, быть любимым, ревновать, расстаться с возлюбленной, съездить в путешествие в далекую Азию, похоронить брата, надерзить сильным мира сего, стать некоронованным королем неотериков и первым лириком Рима и, главное, создать книгу стихов, навсегда вошедшую в сокровищницу мировой лирической поэзии.

Думается, не имеет смысла пытаться подробно рассказывать о жизни поэта, тем более, что достоверного о нем известно мало, а вымышленную, точнее, романизированную биографию Катулла можно узнать, прочитав книгу В. Пронина "Катулл" из серии "Жизнь замечательных людей", вышедшую в московском издательстве "Молодая гвардия" в 1993 году стотысячным тиражом. К тому же, истинная биография поэта, как известно, в его стихах, к которым мы с вами сейчас и обратимся.

Литературное наследие Катулла составляют 116 произведений, из которых лишь небольшая часть представляет собой короткие поэмы, написанные в "ученом" стиле, все же остальное - любовная лирика и злые, насмешливые, часто использующие бранный, почти "площадной" язык, эпиграммы в уже современном значении этого понятия.

И поэмы, и эпиграммы Катулла гениальны, но мировую славу принесли ему любовные стихи.

Русские поэты переводили их с XVIII в. Существует самый разнообразный "русский Катулл", и в рифму, и без, и близкий к оригиналу, и совершенно далекий от него. Мы с вами попытаемся сравнить разные переводы одних и тех

же стихотворений, чтобы лучше понять самого Катулла, а заодно и впервые присмотреться к тому, что же такое поэтический перевод.

Вот одно из лучших стихотворений Катулла. Прочтем его в четырех переводах:

*Мальчик, распорядись фалерном старым,
Наливай мне вино покрепче в чашу, -
Так Постумия, правя пир, велела,
Пьяных гроздьев сама пьяней налившись.
Ты же прочь уходи, вина погибель,
Ключевая струя, ступай к суровым, -
Здесь несмешанный сок Фиониана.
(Пер. С.В. Шервинского)*

*Фалерна старого, слугитель-мальчик, нам
Лей в чаши горечи хмельной и беспощадной,
Такой закон дала Постумия пирам,
Пьянее ягоды налившись виноградной.
Прочь вы, струи воды, куда угодно вам,
Губителям вина; вы к строгим ворчунам
Ступайте: чистого здесь царство Тионейца.
(Пер. А.А. Фета)*

*Пьяной горечью Фалерна
Чашу мне наполни, мальчик!
Так Постумия велела,
Председательница оргий.
Вы же, воды, прочь теките
И струей, вину враждебной,
Строгих постников поите:
Чистый нам любезен Бахус.
(Пер. А.С. Пушкина)*

*Эй, пацан, вина живей!
Погоди не разбавляй-ка,
чтобы все мы, как хозяйка,
полегли вина пьяней!
Воду на пол выливай!
К старикам ее убогим!..
Да живей, коротконогий,
здесь бардак, не забывай!
(Пер. автора)*

Наиболее точный перевод принадлежит С.В. Шервинскому. Так или очень похоже звучали эти стихи на латыни, не знавшей рифмы, тяжело-звонко ступающей своими метрами, подобно вооруженному римскому легионеру. Но... чем же тогда отличался от прочих латинских поэтов легкий, звонкий, поэтический язык гениального неотерика Катулла?

Перевод одного из лучших русских лириков А.А. Фета гармоничней, звучнее, благодаря рифме - истинной волшебнице нашей поэзии, но сколь же он далек от изящного, почти безрифменного, но удивительно светлого, какого-то игрового перевода Пушкина! Величие этого перевода в том, что он совершенно точен (исключая несколько слов, замененных синонимами и прибавление восьмой строки), музыкален, изящен и, самое главное, не кажется переводом. Такое ощущение, что это - авторское, вдохновенное стихотворение молодого Пушкина, тоже ведь "неотерика" в русской поэзии начала XIX века!

Последний перевод сознательно огрублен и представляет того Катулла, который был автором не только любовных стихов, но и резких, грубых эпиграмм. К тому же, дело-то ведь происходит, скорее всего, в лупанарии (публичном доме) или в каком-нибудь питейном заведении, мало чем от лупанария отличающемся.

Автору представляется такое прочтение этого стихотворения Катулла вполне возможным.

Итак, мы познакомились с четырьмя версиями одного лирического шедевра. Стал ли нам понятнее Катулл? Пока трудно сказать? Тогда давайте почитаем еще.

Вот одно из знаменитейших обращений к Лесбии, по всей видимости созданное еще в начале их романа, стихотворение, в котором любовь по значению своему ставится выше космических стихий:

*Будем, Лесбия, жить, любя друг друга!
Пусть ворчат старики - за весь их ропот
Мы одной не дадим монетки медной!
Пусть заходят и вновь восходят солнца, -
Помни: только лишь день погаснет краткий,
Бесконечную ночь нам спать придется.
Дай же тысячу сто мне поцелуев,
Снова тысячу дай и снова сотню,
И до тысячи вновь и снова до ста,
А когда мы дойдем до многих тысяч,
Перепутаем счет, чтоб мы не знали,
Чтобы сглазить не мог нас злой завистник,
Зная, сколько с тобой мы целовались.
(Пер. С.В. Шервинского)*

*Лесбия! время летит!
Пламенем нашей любви
Крылья ему подожжем!..
Пусть старики, с охладевшею кровью,
Морщатся, брезгают нашей любовью;*

Что нам за дело до них!
Солнце зайдет и взойдет;
Нам же, пришельцам земли,
Лишь погостить на земле;
День наш промчится, и вечный мрак ночи
Ляжет на жадные к прелестям очи.
Что же нам время терять?
Лесбия! день еще наш;
Неге его до конца!..
Дай мне скорей поцелуй!..
Мало!.. дай тысячу, дай и другую!..
Друг мой, еще! я без счету целую;
Что поцелуи считать?..
Сто поцелуев еще!..
Мало! дай тысячу вновь:
После, как счет уж совсем потеряем,
Вместе мы все поцелуи смешаем,
Чтобы не сглазили нас.
(Пер. С.Е. Раича)

Жить и любить давай, о Лесбия, со мной!
За толки стариков угрюмых мы с тобой
За все их не дадим одной монеты медной.
Пуškai восходит день и меркнет тенью бледной.
Для нас, как краткий день зайдет за небосклон,
Настанет ночь одна и бесконечный сон.
Сто раз целуй меня, и тысячу, и снова
Еще до тысячи, опять до ста другого,
До новой тысячи, до новых сот опять.
Когда же много их придется насчитать,
Смешаем счет тогда, чтоб мы его не знали,
Чтоб злые нам с тобой завидовать не стали,
Узнав, как много раз тебя я целовал.
(Пер. А.А. Фета)

Будем, Лесбия, жить, пока живы,
И любить, пока любит душа;
Старых сплетников ропот брюзгливый
Пусть не стоит для нас ни гроша.
Солнце сядет чредой неизменной
И вернется, как было, точь-в-точь;
Нас, лишь свет наш померкнет мгновенный,
Ждет одна непробудная ночь.
Дай лобзаний мне тысячу сразу
И к ним сотню и тысячу вновь,
Сто еще, и к другому заказу

*Вновь на столько же губки готовь.
А как тысяч накопится много,
Счет собьем, чтоб забыть нам итог,
Чтоб завистник не вычислил строго
Всех лобзаний и сглазить не мог.
(Пер. Ф.Е. Корша)*

*Клянусь, ни медного гроша
за все ворчливые попреки
святош не дам! Жизнь хороша!
Жаль, что быстры ее потоки...
Так будем, девочка, любить,
покуда солнце не померкнет
и ночь не спустится - закрыть
нам остывающие веки.
Целуй меня сто тысяч раз,
теряя счет и обновляя,
чтоб зависть злобная людская
с тобой не сглазила бы нас!
(Пер. автора).*

Здесь последний перевод представляет собой скорее вариацию на мотив Катуллова стиха. Остальные четыре, несмотря на значительную разницу в метре, на различный поэтический уровень, одинаково можно считать достаточно точными переводами. Но, взяв за образец точности текст Шервинского, нельзя не заметить, как, может быть, лучшая версия - версия Фета теряет одну очень важную деталь. "Пусть заходят и вновь восходят солнца", - говорит Катулл. Этого нет у Фета. А жаль, потому что, несмотря на то, что мы смертны, и любовь наша умрет вместе с нами, а век наш краток, все же сила чувства, сила любви такова, что влюбленные не обращают (и не обратят) внимания даже на такие космические явления, как рождение и смерть звезд. Можно ведь и так прочесть эту строчку!

Вот эту мысль о многовариантности прочтения поэтической строки мне бы и хотелось донести до читателя как главную. Можно любить или не любить того или иного поэта, то или другое стихотворение, но если ты умеешь читать, перечитывать одно и то же произведение по-разному, - литература (и поэзия, конечно же!) навсегда станут для тебя одним из самых главных, самых насущных, необходимых занятий. И ты сделаешься настоящим читателем, тем, для кого, собственно, и пишутся книги.

Недолгим, однако, было счастье поэта. Клодия, которую он называл "сиятельной богиней изящного шага", воробышка которой он воспевал в изящнейших строчках, быстро охладела к требовательному, небогатому и не очень красивому любовнику. Дама полусвета, вряд ли она могла бы предпочесть поэзию благосостоянию. Катулл мучился, ревновал, сочинял то горящие страстью, то громыхающие негодованием стихи:

*Милая мне говорит: лишь твоею хочу быть женою,
Даже Юпитер желать стал бы напрасно меня.
Так говорит. Но что женищина в страсти любовнику шепчет,
В воздухе и на воде быстротекущей пиши!*
(Пер. А.И. Пиотровского).

Но все напрасно: Клодия разлюбила. А может, и вовсе не любила, так, играла...
Но он-то любил! И как!..

*Ненависть - и любовь. Как можно их чувствовать вместе?
Как - не знаю, а сам крестную муку терплю.*
(Пер. С.В. Шервинского)

*Хоть ненавижу, люблю. Зачем же? - пожалуй, ты спросишь.
И не пойму, но в себе чувствуя это, крушусь.*
(Пер. А.А. Фета)

*Я ненавижу и люблю.
Как это случилось, я не знаю.
Но это так: я сознаю,
И мучусь этим и страдаю.*
(Пер. З. Северского).

Окончательно убедившись в том, что Клодию ему не вернуть, Катулл мстил ей грубыми, зачастую непристойными эпиграммами, осыпал ими ее предполагаемых любовников, а заодно и политических недругов вплоть до самого Цезаря. Но все же, все же наряду с такими вот выкриками больной души:

*Целий! Лесбия, Лесбия (ты слышишь,
Чуешь?), Лесбия, та, что самой жизни,
Милых всех для меня была дороже,
В переулках теперь и в подворотнях
Эта Лесбия тешит внуков Рема.*
(Пер. С.В. Шервинского), -

Катулл не утратил ни доброты, ни чистого поэтического вдохновения. Вот его стихи, посвященные памяти умершего на чужбине брата:

*Много морей переплыв и увидевши много народов,
Брат мой, достиг я теперь грустной гробницы твоей,
Чтобы последний принести тебе дар, подобающий мертвым...
Жаркой слезою дары эти смочены, плачем последним.
Здравствуй же, брат дорогой! Брат мой, навеки прощай!*
(Пер. А.И. Пиотровского)

В эти годы Катулл создает и свои замечательные длинные стихотворения и поэмы: "Аттис" - плач юноши, служителя жестокого восточного культа Кибелы, оскотившего самого себя ради служения любимой богине; "Пелей и Фетида" - великолепными гекзаметрами воссозданный миф о Пелее и Ариадне; свадебные эпитафии и ряд других.

И, кроме того, Катулл переводит с греческого. Как вы думаете, кого? Александрийцев? Нет. Катулл переводит единственного лирика, которого именно он и должен был переводить. Катулл переводит Сапфо, ее знаменитое "Богу равным кажется мне..." И это ведь совершенно естественно. Как у Сапфо впервые в греческой поэзии зазвучал индивидуальный человеческий тембр, как Сапфо впервые сумела передать тончайшие нюансы человеческой любви, так и Катулл ведь первым из римских поэтов сказал "я" и, ничего не утаивая, все рассказал о себе в прекрасных стихах.

После почти полуторатысячетелнего забвения, веронские гуманисты эпохи Возрождения нашли чудом сохранившийся экземпляр книжки стихов римского поэта. С тех пор поэзия Катулла как бы открывает страницы избранной любовной лирики мира. Поэты учатся у него классическим образцам короткого стихотворения (Так, например, нидерландский лирик эпохи Возрождения Иоанн Секунд, писавший на латыни, создал целую книгу вариаций на тему стихотворения о тысяче поцелуев Катулла. О творчестве Секунда мы поговорим в соответствующем томе "Очерков...") , ученые (да и не только ученые, но и поэты тоже - см., например, очерк А.А. Блока "Катилина", в котором несколько страниц посвящено Катуллу. - А.А. Блок. Собрание сочинений в 8 т. М.-Л.: Худож. лит., 1962. Т. 6. С. 80 - 86) комментируют его творчество, а читатели, которым, в общем-то, и дела нет до того, сколько поэтических открытий, новых размеров и т.п. внес Катулл в латинскую поэзию, читатели наслаждаются его лирикой, влюбляясь вместе с поэтом, спеша на свидания, ревнуя, горя, отчаиваясь, так, будто все происходит с ними самими, а не с древним веронским поэтом, чистым, темпераментным и талантливym, поэтом от Бога, от природы, таким же, каким был наш Александр Пушкин.

Вопросы

1. Кто такие "неотерики", когда они жили и работали, чьими последователями в литературе считали себя?
2. Как вы думаете, почему Катулл избрал для своей возлюбленной псевдоним Лесбия? Как этот псевдоним связан с именем древнегреческой поэтессы Сапфо?

Вергилий: предзнаменования и шедевры

"Говорят, что когда он писал "Георгики", то обычно каждое утро сочинял по многу стихов и диктовал их, а потом в течение дня переделками сокращал их до очень немногих, остроумно говоря, что он рождает свою поэму, как медведица, облизывая строчки, пока они не примут должного вида". Светоний. О поэтах.

"- Так ты Вергилий, ты родник бездонный,
Откуда песни миру потекли? -
Ответил я, склоняя лик смущенный. -
О честь и светоч всех певцов земли..."
Данте. Божественная комедия

Великий поэт, создатель национального римского эпоса, Вергилий жил в блестящий век Августа, пользовался при жизни огромной славой и сохранял при этом личную скромность, нетребовательность в быту и высокую гражданскую и просто человеческую мораль. Даже внешне он не был похож на поэта, как мы обычно представляем их себе. "Он был большого роста, крупного телосложения, лицом смуглый, походил на крестьянина и не отличался крепким здоровьем... Он был всю жизнь... чист и речью и мыслью... Когда он, приезжая изредка в Рим, показывался там на улице и люди начинали ходить за ним по пятам и показывать на него, он укрывался от них в ближайшем доме," - пишет Светоний (Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Правда, 1988. С. 310.) .

Этот глубоко порядочный человек родился в октябрьские иды (15 октября) 70 г. до н.э. в деревне Анды неподалеку от Мантуи в семье землевладельца, которому, кроме того, принадлежала еще мастерская по изготовлению керамических изделий. О матери Вергилия мы знаем только со слов Светония, что ей "во время беременности приснилось, будто она родила лавровую ветвь, которая, коснувшись земли, тут же пустила корни и выросла в зрелое дерево со множеством разных плодов и цветов. На следующий день, направляясь с мужем в ближнюю деревню, она свернула с пути и в придорожной канаве разрешилась от бремени. Говорят, что ребенок, родившись, не плакал, и лицо его было спокойным и кротким: уже это было несомненным указанием на его счастливую судьбу. Другим предзнаменованием было то, что ветка тополя, по местному обычаю сразу посаженная на месте рождения ребенка, разрослась так быстро, что сравнялась с тополями, посаженными намного раньше; это дерево было названо "деревом Вергилия" и чтилось как священное беременными и роженицами, благоговейно дававшими перед ним и выполнявшими свои обеты." Эти предзнаменования оказались действительно вещими и обеспечили Вергилию не только славную судьбу при жизни, но и еще большую славу посмертно, ведь ему было суждено не просто создать национальный эпос, но и духовно помочь Данте в его грандиозной работе над "Божественной комедией", и предсказать рождение Христа в одной из своих эклог (во всяком случае, так считалось в средние века)... Однако мы забегаем вперед.

Детство свое этот обаятельный человек провел на лоне природы и так привязался к сельской жизни, что никогда уже в будущем не чувствовал себя счастливым в больших городах.

Светоний сообщает, что мужскую тогу Вергилий впервые надел пятнадцати лет от роду как раз в тот самый день, когда скончался Лукреций. Еще одно предзнаменование, если это действительно так. Кроме того, с Лукрецием Вергилия связывает и любовь к эпикурейской философии. Образование будущий поэт получал в Кремоне, в Милане, в Неаполе и в Риме, изучал риторику у того же преподавателя, у которого впоследствии будет учиться юный Октавиан. Литературными учителями были для Вергилия неотерики. Молодой человек быстро и, кажется, легко освоил их литературные приемы, избрал своим главным метром гекзаметр и начал работать над первой книгой - "Буколики" ("Эклоги"), представлявшей собой нежные и звонкие пасторальные (пастушеские) песни, часто диалогизированные, т.е. написанные как бы от лица произносящих речи пастухов, фавнов, нимф и других хорошо известных персонажей подобной литературы, начавшейся еще в Древней Греции и доведенной до совершенства александрийцем Феокритом.

Поводом же к сочинению "Буколик" стало следующее событие из реальной жизни самого поэта. В 42 г. у него была конфискована усадьба, поскольку Вергилий жил в области, враждебной будущему императору Августу. Влиятельные друзья, которых у Вергилия было всю жизнь много (сначала - неотерики Азиний Поллион и Корнелий Галл, позже - Меценат, а еще позже - и сам Август), заступились за поэта, и усадьба была ему возвращена. В первой и девятой эклогах книги (всего же их десять) Вергилий и отразил эту ситуацию, перенес ее в условный пастушеский мир.

Что касается большинства других эклог, то во многом они представляют собой либо точный, либо свободный перевод пасторалей Феокрита. При этом Вергилий не слепо копировал своего учителя, а наполнял заимствованную форму собственным содержанием и добился в итоге того, что само понятие "эклога" в читательском мире стало прочно связываться именно с Вергилием, а не с греческими поэтами. Да это и понятно. Феокрит был ученым поэтом, интеллигентом, как бы свысока, отстраненно глядящим на своих героев, тогда как Вергилий всем сердцем принадлежал земле, именно этому миру пастухов и земледельцев, который был знаком ему не по книгам, а по реальной жизни труженика.

Искренне любя отечество и землю, поэт заявляет в одной из своих эклог (X-й): Все побеждает любовь, и мы покоримся любви. Эта строка становится как бы девизом всего произведения.

Герои "Буколик" - существа любящие и мудрые, среда обитания их - идеализированная Аркадия, которая с легкой руки Вергилия прочно войдет в мировую литературу и доживет как место действия множества пасторальных и дидактических книг едва ли не до наших дней. Поэту удалось вложить в свои пастушеские песни не только гармонию природы и любви, но и философские мысли. Так, в шестой эклоге мудрый старик Силен, вечный спутник бога вина Диониса (Вакха), поет для пастухов песнь о мироздании в эпикурейском духе. Ученые долго пытались выяснить, не спрятан ли под именем Силена какой-

нибудь реальный мыслитель из современников Вергилия, но так ничего и не добились.

Таких загадок в "Буколиках" немало. Например, пятая эклога повествует о молодом, безвременно погибшем пастухе Дафнисе, обязывая его друзей так чтить память Дафниса, как это бывает только с богами. Кому предназначался такой культ памяти? Назывались разные имена, в том числе и имя Катулла, но ни одно из них не удовлетворяло ученых.

В четвертой эклоге Вергилий предлагает читателю некое мистическое пророчество, подобное предсказаниям знаменитого Нострадамуса:

*Век последний уже пришел по пророчествам Кумским,
Снова великий веков рождается ныне порядок.
Дева приходит опять, приходит Сатурново царство.
Снова с высоких небес посылается новое племя.
Мальчика лишь охрани, рожденного, с коим железный
Кончится век, золотой же возникнет, для целого мира.
(Пер. С.В. Шервинского)*

(Здесь и далее произведения Вергилия цитируются по изданию: Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. Пер. с лат. С. Шервинского и С. Ошерова. - М.: Худож. литература, 1971. (Б-ка всемирной литературы).)

Кто этот мальчик, с которым связывают наступление "золотого века" Вергилий и Кумская сивилла? "Христос!" - однозначно утверждало Средневековье, за что и чтит Вергилия как святого. "Нет, ребенок от брака Октавиана со Скрибоной! - говорит современная филология. - Ведь этот брак скреплял союз императора с сенатом, обещая прекращение гражданских войн в Риме и реальную надежду на спокойное, созидательное время". "Как бы то ни было, - пишет в статье "Греческая и римская литература I в. до н.э." М.Л. Гаспаров, - мистический пафос 4-й эклоги отражал те мессианские настроения эпохи, на которые в значительной мере опирался Октавиан, приходя к власти" (История всемирной литературы. Т. 1. С. 457.).

Второе и поэтически наиболее совершенное произведение Вергилия - четырехчастная дидактическая поэма "Георгики" (буквально - "Земледельческие труды") объемом около 2200 строк представляет собой своего рода энциклопедию крестьянского труда.

Первая книга поэмы рассказывает о земледелии, вторая - о садоводстве и виноградарстве, третья - о скотоводстве, четвертая - о пчеловодстве.

Меценат, выполняя заказ Августа о привлечении внимания к возрождению земледелия, предложил Вергилию тему этой поэмы. Взяв за образец "Труды и дни" Гесиода, Вергилий с радостью согласился на заказ, ведь воспевать ему нужно было вновь его любимые занятия и его любимую природу.

Поэт укрылся в Неаполе, семь лет усердно шлифовал произведение и в 30 г. до н.э. привел Мецената в восторг, прочитав ему свои совершенные гексаметры. В 29 г. состоялось представление поэта Октавиану, вернувшемуся из тяжелого

военного похода против египетской царицы Клеопатры. Четыре дня знаменитый полководец и будущий император зачарованно слушал поэму Вергилия.

"Эти стихи, - пишет В. Дюрант, - совпадали с его затаенными чаяниями и намерениями еще лучше, чем даже мог предвидеть Меценат. Ибо поэт приглашал теперь Октавиана распустить большую часть бесчисленных армий, завоевавших для него весь мир, поселить ветеранов в деревне, на своей земле, утишить тем самым их притязания, накормить города и сельским трудом сохранить государство".

Девизом "Земледельческих песен", по-видимому, сознательно противостоявшим девизу "Буколик", можно считать следующую строку поэмы:

Все победил неустанный труд и гнетущая бедность.
Да, тяжкий труд земледельца - именно он! - по мысли Вергилия и представляет собой истинный двигатель жизни.

*Юпитер-отец пожелал сам,
Чтоб земледельческий путь был нелегок...*

Вспомним и ветхозаветное: В поте лица будешь добывать хлеб свой...

Только труд для Вергилия - священен, "муки труда оказываются необходимым противовесом всех жизненных благ" (М.Л. Гаспаров).

Так рождается великая гармония мировоззрения и поэзии, в которой есть место всему от подготовки почвы к обработке до размышлений о нравственности и доблести римского народа.

*Счастливы те, кто вещей познать сумели основы,
Те, кто всяческий страх и Рок, непреклонный к молениям,
Смело повергли к ногам, и жадного шум Ахеронта.
Но осчастливлен и тот, кому сельские боги знакомы, -
Пан, и отец Сильван, и нимфы, юные сестры.*

Вновь процитируем М.Л. Гаспарова, чтобы лучше уяснить философский смысл поэмы: "Поэма о земледелии перерастает в поэму о мироздании, мифологическая картина мира "Буколик"... развивается в философскую картину мира "Георгик", и эта картина мира божественного, гармоничного и вечного отчетливо противопоставляется картине мира, изображенного в предыдущем поколении Лукрецием, обезбоженного, случайного и брэнного" (Указ. соч. С. 458).

И что же в этом мире единственно ценно? Труд. И кто же в этом мире действительно разумен? Крестьянин.

*О, блаженные слишком - когда б свое счастье знали -
Жители сел! Сама, вдалеке от военных усобиц,
Им изливает земля справедливая легкую пищу...
...Там терпелива в трудах молодежь, довольная малым,*

*Вера в богов и к отцам почтение. Меж них Справедливость,
Прочь уходя от земли, оставила след свой последний.*

И что же в этом мире по-настоящему любимо? Родная земля.

Здравствуй, Сатурна земля, великая мать урожаяв...

"Георгики" написаны как книга советов некоему земледельцу. Вергилий мастерски избегает длиннот, почти неизбежных в таком жанре, напоминая себе и читателю о том, чтобы не задерживаться долго на одном предмете, но идти дальше:

*Так, - но бежит между тем, бежит невозвратное время,
Я же во власти любви по частностям всяким блуждаю.*

Дидактические фрагменты перемежаются вставными новеллами в духе поэтики неотериков, вопросами и восклицаниями, снимающими некоторую монотонность общего изложения.

В "Георгиках" Вергилий сумел добиться почти невозможного: он создал стихи одновременно назидательные и прекрасные. Знаменитый английский драматург и теоретик классицизма Джон Драйден назвал "Георгики" "лучшей поэмой лучшего поэта". "Буколики" он сочинял три года, "Георгики" - семь, "Энеиду" - одиннадцать лет", - говорит Светоний. - Слава об "Энеиде", едва им начатой, была такова, что Секст Проперций (Крупный лирик этого времени. См. о нем соответствующую главу "Персоналий". - В.Р.) без колебания предрекал: Прочь отойдите, писатели римские, прочь вы и греки: Нечто творится важнее здесь "Илиады" самой".

Идея национального эпоса возникла у Вергилия еще в "Георгиках" как намерение воспеть военные победы Октавиана. Но в процессе обдумывания совместно с Меценатом, а возможно, и с самим Августом, историческая поэма в духе Энния переосмыслилась в эпос в духе Гомера.

Вообще говоря, почти всегда автора подобных эпопей поджидает неудача. Их произведения в сравнении с народными песнями выглядят как бледные и скучные копии. Так было с "Франсиадой" Ронсара, "Россиадой" Хераскова, отчасти с "Лузиадами" Камозэнса. Но не то - с "Энеидой" Вергилия и с "Кому на Руси жить хорошо" Некрасова. Правда, к "Энеиде" читатели разных стран относятся далеко не однозначно: романские страны действительно считают ее высшим взлетом латинской поэзии, германские же народы оценивают ее скептически.

Итак, приступая к "Энеиде", Вергилию предстояло:

1. воспеть величие Рима, особенно под сенью Августовых побед и реформ;
2. популяризировать римские доблести и римский характер;
3. воссоздать во всех подробностях миф об Энее и возвести его в ранг национального героя, богобоязненного любимца олимпийцев;
4. гармонию мироздания "Георгик" дополнить гармонией истории;

5. в качестве истинного героя представить читателю не Августа и, может быть, даже не Энея, а Рим и predetermined ему миссию завоевателя и затем мудрого отца народов всего мира.

Почему Вергилий выбрал для своего эпоса именно Энея?

Дело в том, что этот мифологический персонаж, сын смертного и богини любви Афродиты (Венеры), встречающийся еще у Гомера, в более поздних греческих поэмах совершивший путь из Трои в Италию, считался в Риме родоначальником семьи Юлиев, к которой принадлежали и Цезарь, и Август. Таким образом, оказывалось, что императорский род восходит к небожителям. Главный мотив социального заказа "Энеиды" находится, вероятно, именно здесь, а Вергилий создает свое произведение одновременно и о началах римской истории и о предках Августа.

Вариации древнегреческого мифа об Энее весьма разнообразны и подробно изложены в соответствующей статье энциклопедии "Мифы народов мира" (Т. 2. С. 661 - 662) , поэтому мы не будем на них задерживаться и перейдем непосредственно к рассмотрению поэмы Вергилия.

Сюжет незаконченной, точней, незавершенной по отделке, "Энеиды" разделяется на две части, каждая из которых тематически приближается к поэмам Гомера: первая, представляющая рассказ о странствиях Энея, примыкает к "Одиссее"; вторая, в которой рассказывается о том, как Эней воюет в Италии - к "Илиаде". Каждой части посвящено по шесть книг поэмы.

"Основная концепция "Энеиды", - пишет историк античной литературы И.М. Тронский - заключена во вступительных стихах. "Я пою брань и мужа, который... был много кидаем по землям и по морю... и многое претерпел на войне"; из этой формулировки античный читатель уже видел намерение автора объединить тематику обеих гомеровских поэм. Эней - "беглец по воле рока"; ссылка на "рок" служит не только оправданием для бегства Энея из Трои (а здесь заключалась великая трудность для Вергилия как римского имперского поэта, поэта победоносного милитаристского государства: герой-то - беглец потерпевшей поражение армии и страны - В.Р.), но и указывает на движущую силу поэмы, на силу, которая приведет к тому, что Эней, "город построив, / В Лаций богов перенес, где возникло племя латинян, / Города Альбы отцы и стены высокого Рима". (И.М. Тронский. История античной литературы. 4 изд. - М.: Высшая школа, 1983. С. 359.)

Подобно тому, как Одиссея постоянно преследует гнев Посейдона, Энею не дает пристать к берегу злопамятство Юноны, которая в греческой мифологии ненавидит троянцев, а здесь к этому еще добавляется и то, что Юнона покровительствует лютому врагу Рима - Карфагену.

Первая половина "Энеиды" построена по образцу "Одиссеи" и сюжетно: она начинается с последних скитаний героя, а предыдущие рассматриваются затем ретроспективно в одном из рассказов Энея о своих злоключениях. Вергилий на протяжении всей поэмы заимствует у Гомера, причем не только принцип построения материала, но, так же, как в "Буколиках" у Феокрита, он использует гомеровы сцены, мотивы, даже отдельные строки, перерабатывая их по-своему,

привнося в них принципиально невозможные для древнегреческого аэда лиризм и субъективность.

Во время страшной бури, которую насылает Юнона в начале повествования на причаливающие уже к берегам Италии корабли Энея, Юпитер на Олимпе рассказывает о будущих судьбах героя и его спутников, о его потомках вплоть до времен Августа и пророчит великую мощь Римской державы:

*Ныне тебе предреку..
Долго сраженья вести он (Эней) в Италии будет, и много
Сломит отважных племен, и законы и стены воздвигнет...
Отрок Асканий, твой внук (назовется он Юлом отныне,
Илом был он, пока Илионское царство стояло), -
Властвовать будет, доколь обращение луны не отмерит
Тридцать великих кругов; перенесиши из мест лавинийских
Царство, могуществом он возвысит Долгую Альбу.
В ней же Гекторов род, воцарясь, у власти пребудет
Полных трижды сто лет, пока царевна и жрица
Илия двух близнецов не родит, зачатых от Марса.
После, шкурой седой волчицы-кормилицы гордый,
Ромул род свой создаст, и Марсовы прочные стены
Он возведет, и своим наречет он именем римлян.
Я же могуществу их не кладу ни предела, ни срока,
Дам им вечную власть. И упорная даже Юнона,
Страх пред которой гнетет и море, и землю, и небо,
Помыслы все обратит им на благо, со мною лелея
Римлян, мира владык, облаченное тогою племя.
Так я решил. Года пролетят, и время настанет...
Будет и Цезарь рожден от высокой крови троянской,
Власть ограничит свою Океаном, звездами - славу,
Юлий - он имя возьмет от великого имени Юла,
В небе ты примешь его, отягченного славной добычей
Стран восточных; ему воссылаться будут молитвы.
Век жестокий тогда, позабыв о сраженьях, смягчится...
Людам законы дадут; войны проклятые двери
Прочно железо замкнет...
(Здесь и далее поэма цитируется в переводе С. Ошерова.)*

Так будет развиваться действие "Энеиды" и в дальнейшем, перемежая историю человеческую с делами и словами богов.

Защитницей Энея в поэме выступает, естественно, его мать - Венера. С ее помощью корабли достигают Ливии - государства на северном побережье Африки. Совсем неподалеку - строящийся Карфаген, управляемый царицей Дидоной. Она сочувствует троянцам и тепло принимает Энея и его спутников:

*Бедствий таких же сама я извела много: повсюду
Нас Фортуна гнала и лишь здесь осесть разрешила.
Горе я знаю - оно помогать меня учит несчастным.*

Первая книга поэмы заканчивается рассказом о пире, на котором в сердце Дидоны вспыхивает страсть к Энею. Она просит героя рассказать о троянской войне и его злоключениях.

Вторая и третья книги "Энеиды" и представляют собой такой рассказ Энея, в котором повествуется о падении Трои, но не в честной битве, а благодаря подлому обману греков и покровительствующей им Афине Палладе. Сам Эней выступает здесь уже в качестве настоящего героя в отличие от греческого эпоса, который не уделял этому персонажу сколько-нибудь значительного внимания. Падение Трои в "Энеиде" показано глазами Энея, дано субъективно. Этим достигается очень важный эффект: трагедия Трои представлена с позиции троянца, т.е. известные всем со слов Гомера (история с деревянным конем и т.д.) события как бы вывернуты наизнанку, читатель сопереживает уже не грекам, восхищаясь их хитроумием, но - троянцам, негодуя вместе с ними против жестокости и коварства врага.

Начало второй книги предлагает нам и потрясающую историю жреца Лаокоонта (Лаокоона), вдохновившую многих художников, скульпторов, писателей на создание собственных шедевров.

*Тут, нетерпеньем горя, несетя с холма крепостного
Лаокоонт впереди толпы многолюдной сограждан,
Издали громко кричит: "Несчастные! Все вы безумны!
Верите вы, что отплыли враги? Что быть без обмана
Могут данайцев дары? Вы Улисса* не знаете, что ли?
Либо ахейцы внутри за досками этими скрылись,
Либо враги возвели громаду эту, чтоб нашим
Стенам грозить, дома наблюдать и в город проникнуть.
Тевкры, не верьте коню: обман в нем некий таится!
Чем бы он ни был, страшусь и дары приносящих данайцев."
Молвил он так и силой копье тяжелое бросил
В бок огромный коня, в одетое деревом чрево.
Пику впилась, задрожав, и в утробе коня потрясенной
Гулом отдался удар, загудели полости глухо.
Если б не воля богов и не разум наш ослепленный,
Он убедил бы взломать тайник аргосский железом, -
Троя не пала б досель и стояла твердыня Приама...
...Новое знаменье тут - страшней и ужаснее прежних -
Нашим явилось очам и сердца слепые смутило:
Лаокоонт, что Нептуна жрецом был по жребию избран,
Пред алтарем приносил быка торжественно в жертву.
Вдруг по глади морской, изгибая кольцами тело,
Две огромных змеи (и рассказывать страшно об этом)
К нам с Тенедоса плывут и стремятся к берегу вместе:*

*Тела верхняя часть поднялась над зыбями, кровавый
Гребень торчит из воды, а хвост огромный влачится,
Влагу взрывая и весь извиваясь волнистым движеньем.
Стонет соленый простор; вот на берег выползли змеи,
Кровью полны и огнем глаза горящие гадов,
Лижет дрожащий язык свистящие страшные пасти.
Мы, без кровинки в лице, разбежались. Змеи же прямо
К Лаокоонту ползут и двоих сыновей его, прежде
В страшных объятьях сдавив, оплетают тонкие члены,
Бедную плоть терзают, язвят, разрывают зубами;
К ним отец на помощь спешит, копьем потрясая, -
Гады хватают его и огромными кольцами вяжут,
Дважды вкруг тела ему и дважды вкруг горла обвившись
И над его головой возвышаясь чешуйчатой шеей.
Тщится он разорвать узлы живые руками,
Яд и черная кровь повязки жреца заливает,
Вопль, повергающий в дрожь, до звезд поднимлет несчастный, -
Так же ревет и неверный топор из заgrimка стремится
Вытрясти раненый бык, убегая от места закланья.
Оба дракона меж тем ускользают к высокому храму,
Быстро ползут напрямик к твердыне Тритонии грозной,
Чтобы под круглым щитом у ног богини укрыться.
Новый ужас объял потрясенные души троянцев:
Все говорят, что не зря заплатил за свое злодеянье
Лаокоонт, который посмел копьем нечестивым
Тело коня поразить, заповедный дуб оскверняя.
* Латинская форма имени Одиссей.*

Эта сцена послужила сюжетом для знаменитой мраморной группы родосских скульпторов Агесандра, Афинодора и Полидора, более поздняя копия с которой хранится в Ватиканском музее в Риме. Трагическая гибель Лаокоона и его сыновей вдохновила на создание живописного полотна великого испанского художника Эль Греко, а в литературе стала источником интереснейших размышлений немецких писателей Гете, Винкельмана и, особенно, Лессинга. Последний в 1766 г. опубликовал классический труд "Лаокоон, или О границах живописи и поэзии", в котором обосновал мысль о том, что поэзия имеет свои специфические законы, принципиально, несмотря на родство живописи и поэзии, отличающиеся от законов изобразительного искусства и определяющиеся природой художественного слова. Эта книга стала одним из самых значительных произведений эстетической мысли эпохи Просвещения, и мы в свое время познакомимся с ней более основательно.

Вернемся, однако, к "Энеиде". Вторая книга ее повествует о последней битве маленького отряда троянцев с ахейцами, после которой Эней по настоянию богов вынужден спасаться бегством, унося на плечах своего отца Анхиса, держащего изображение домашних богов-пенатов. По пути к Энею присоединяются остатки троянского воинства.

Третья книга поэмы посвящена плаванью Энея и его спутников. По пути герой видит вещие сны, предсказывающие ему различные эпизоды из его будущего. Корабли держат путь к Италии, прародине троянцев, в некотором смысле той же "земле обетованной", к которой вел свой народ Моисей. В Сицилии умирает старый Анхис, а на пути из Сицилии к Италии героя и настигает та страшная буря, с которой начинается поэма.

Четвертая книга, как и вторая, принадлежит к наиболее патетическим частям "Энеиды" и рассказывает о трагической любви Дидоны к Энею. У Гомера тема любви лишь намечалась, у Вергилия она звучит наиболее мощно и едва ли не впервые в истории литературы представляет масштабную трагическую симфонию любви, которую можно счесть и вполне законченной книгой в книге. Вместе с тем она не является просто вставной новеллой в обширном произведении, но имеет непреходящее значение для судьбы и развития характера героя в дальнейшем.

Некоторое время Эней и Дидона счастливы своей любовью, которую царица воспринимает как брак, но очень скоро боги напоминают герою, что Карфаген вовсе не тот город, который он должен основать, и послушный и благочестивый Эней собирается в новое плавание. Кстати, это послушание и благочестивость героя постоянно подчеркиваются автором, придавая ему новый, непривычный для эпического героя облик.

То, что для Энея, честного и храброго солдата высших сил - приказ, для Дидоны - смертельная рана. Царица испытывает тяжелейшие душевные муки. Здесь и чувство оскорбленного достоинства, и презрение, и смиренные мольбы, и решение на самоубийство - все скручивается в единый волшебный клубок высокого искусства. Прокляв изменника, Дидона предсказывает грядущую войну народов Рима и Карфагена, появление великого мстителя - Ганнибала и всходит на костер, пронзая себя мечом, когда-то подаренным ей все тем же любимым человеком - Энеем.

А герой?.. Герой послушен воле богов и собственной миссии: его корабли отплывают от берегов Африки.

Как мы должны воспринимать этот разрыв? Послушаем В. Дюранта:

"Мы, приученные литературой последних восьми столетий к сентиментальности, судим о Вергилии и его герое с позиций этой литературы и придаем куда большее значение романтической любви и внебрачным связям, чем они имели в Греции и Риме. Брак был для древних союзом скорее семейств, чем тел и душ; требования религии и родины стояли выше прав и прихотей индивидуума. Вергилий относится к Дидоне с приязнью и достигает в рассказе о том, как она бросается в погребальный костер и сгорает заживо, редких даже для себя красоты и силы; затем вслед Энею он устремляется в Италию".

А теперь пусть говорит сам Вергилий.

*Вот посредине дворца под открытым небом высокий
Сложен костер из смолистых ветвей и поленьев дубовых,
Весь плетеницами он и листвою погребальной украшен,
Сверху на ложе кладет, о грядущем зная, царица
Платье Энея, и меч, и образ, отлитый из воска,*

Вкруг стоят алтари. Распустивши волосы, жрица
Сто призывает богов и трижды клич повторяет,
Хаос зовет и Эреб с трехликой Дианой-Гекатой,
Мнимой Аверна водой кропит обильно чертоги,
Травы берет, что медным серпом при луне на полянах
Срезала в полном цвету, ядовитым налитые соком.
Также нарост, что со лба жеребенка сейчас по рожденье
Сорван, чтоб мать упредить.
Рядом царица стоит, муку священную держит,
Ногу разувши одну, распустив на одежде завязки;
К смерти готова, зовет в свидетели звезды, которым
Ведомо все, и молит богов, - если бог справедливый
Мстит вероломным в любви и печется о тех, кто обманут.
Ночь опустилась, и сон успокоил тела утомленных
Смертных по всей земле; уснули рои, утихли
Волны свирепых морей; полпути пролетели светила,
Смолкли луга, и поля, и стада, и пестрые птицы,
Что на просторе озер и в кустарниках частых гнездятся:
Всех молчаливая ночь в глубокий сон погрузила.
Только царица одна ни на миг не может забыться
Сном; не приносит ночь ни очам, ни сердцу покоя;
Снова любовь беспощадная в ней вздымается бурно,
Множит заботы в душе и прибоем гнева бушует.
Так Дидона твердит, одержима думой одною:
"Что же мне делать? Опять, женихам на посмеище прежним,
Мужа искать и с мольбой идти к ливийскимномадам,
Чьи домогательства я не раз отвергала с презреньем?
Или к нему на корабль бежать и любому приказу
Тевкров покорствовать? Пусть по душе им была моя помощь, -
Разве помнят о ней и хранят они благодарность?
Сделаю так, - но кто на корабль надменный допустит
Всем ненавистную? О, неужель до сих пор не узнала
Лаомедонтовых ты потомков нрав вероломный?
Что же дальше? Одна ль за ликующим флотом троянским
Я помчусь иль, собрав в отряды верных тирийцев,
Мною спасенных с трудом из Сидона, вслед за собою
Их увлеку и вверить ветрам паруса прикажу им?
Нет! по заслугам умри и мечом оборви эту муку!"...
Так причитала она, надрывая сердце слезами...
Замысел страшный меж тем несчастную гонит Дидону:
Мчится она, не помня себя, с блуждающими взором
Кровью налитых очей; на щеках ее бледные пятна -
Близкой гибели знак; в глубине дворца на высокий
Всходит царица костер и клинок обнажает дарданский, -
Не для того этот дар просила она у Энея!
Но, увидав илионскую ткань и знакомое ложе,

*Слезы сдержала на миг, на костер опустилась Дидона,
Молвив в последний раз: "Вы, одежды и ложе, - отрада
Дней, когда бог и судьба мне отраду узнать разрешили!
Душу примите мою и меня от муки избавьте!
Прожита жизнь, и пройден весь путь, что судьбой мне отмерен,
В царство подземное я нисхожу величавою тенью.
Город могучий создав, я свои увидела стены,
Брата могла покарать, отомстить за убитого мужа, -
Счастлива, о, как счастлива я была б, если б только
Наших вовек берегов дарданцев корма не касалась!"
Тут устами она прижалась к ложу - и молвит:
"Хоть неотмщенной умру - но умру желанною смертью.
С моря пускай на огонь глядит дарданец жестокий,
Пусть для него моя смерть зловещим знаменьем будет!"
Только лишь молвила так - и вдруг увидали служанки,
Как поникла она от удара смертельного, кровью
Руки пятная и меч. Полетел по высоким покоем
Вопль и, беснуясь, Молва понеслась по смятенному граду...*

Пятая книга рассказывает о состязаниях в честь годовщины смерти Анхиса, устроенных высадившимся в Сицилии Энеем, как бы отсылая нас к Гомеру, к 23-й книге "Илиады", где описываются игры при погребении Патрокла.

Шестая книга вновь предлагает нам вспомнить "Одиссею": останавливаясь в Кумах, где находится знаменитый в древнем мире оракул Аполлона, а неподалеку - вход в царство мертвых, Эней в беседе с Сивиллой узнает о борьбе, поджидающей его в Лации и вместе с ней спускается в преисподнюю для свидания с отцом. Это путешествие должно придать герою новые силу и отвагу. Это - третий бессмертный эпизод поэмы, послуживший источником вдохновения для последующих произведений искусства и словесности. Он представляет собой вариант апокалиптической литературы - откровений о тайнах загробного мира. Здесь, вероятно, и лежит основная причина, по которой великий Данте избрал для себя проводником по аду и чистилищу именно Вергилия. Последний же, разумеется, в своей поэме следует за Гомером, при этом значительно переосмысливая древнего грека.

Обратимся вновь к книге В. Дюранта и, перемежая цитаты из нее цитатами из "Энеиды", насладимся в последний раз на этих страницах великолепной поэзией Вергилия, ибо вторая половина поэмы (Вергилиева "Илиада") значительно уступает не только Гомеру, но и Вергилиевой же "Одиссее" - первой половине поэмы.

"Facilis descensus Averni ("Легок спуск в Аид"), - говорит Вергилий; но путь его героя извилист, а нижний мир запутывающе сложен. Здесь он встречает Дидону, которая презрительно отмахивается от его любовных восклицаний и жалоб:

*Тут же Дидона меж них, от недавней раны страдая,
Тенью блуждала в лесу. Герой троянский поближе*

*К ней подошел - и узнал в полумраке образ неясный:
Так на небо глядит в новолунье путник, не зная,
Виден ли месяц ему или только мнится за тучей.
Слез Эней не сдержал и с любовью ласково молвил:
"Значит, правдива была та весть, что до нас долетела?
Бедной Дидоны уж нет, от меча ее жизнь оборвалась?
Я ли причиною был кончины твоей? Но клянусь я
Всеми огнями небес, всем, что в царстве подземном священо, -
Я не по воле своей покинул твой берег, царица!
Те же веленья богов, что теперь меня заставляют
Здесь во тьме средь теней брести дорогой неторной,
Дальше тогда погнали меня. И не мог я поверить,
Чтобы разлука со мной принесла тебе столько страданий!
Стой! От кого ты бежишь? Дай еще на тебя поглядеть мне!
Рок в последний ведь раз говорить мне с тобой позволяет".
Речью такой Эней царице, гневно глядевшей,
Душу старался смягчить и вызвать ответные слезы.
Но отвернулась она, и стала, в лице не меняясь,
Твердая, словно кремьн иль холодный мрамор марпесский.
И наконец убежала стремглав, не простив, не смирившись,
Скрылась в тенистом лесу...*

Здесь же он созерцает изощренные пытки, которыми караются земные преступления, и темницу, в которой томятся люцифероподобные мятежные полубоги:

*Влево Эней поглядел: там, внизу, под кручей скалистой
Город раскинулся вишь, обведенный тройною стеною.
Огненный бурный поток вокруг твердыни Тартара мчится,
Мощной струей Флегетон увлекает гремучие камни.
Рядом ворота стоят на столпах адамантовых прочных:
Створы их сокрушить ни людская сила не может,
Ни оружье богов. На железной башне высокой
Днем и ночью сидит Тизифона в одежде кровавой,
Глаз не смыкая, она стережет преддверия Дита.
Слышится стон из-за стен и свист плетей беспощадных,
Лязг влекомых цепей и пронзительный скрежет железа.
Замер на месте Эней и прислушался к шуму в испуге.
"Дева, скажи, каковы обличья злодейства? Какие
Казни свершаются там? Что за гул долетает оттуда?"
Жрица в ответ...
..."Посмотри, - ты видишь обличье
Той, что на страже стоит и порог изнутри охраняет?
Гидра огромная там, пятьдесят разинувши пастей,
Первый чертог сторожит. В глубину уходит настолько
Тартара темный провал, что вдвое до дна его дальше,*

Чем от земли до небес, до высот эфирных Олимпа.
Там рожденных Землей титанов древнее племя
Корчится в муках на дне, низвергнуто молнией в бездну.
Видела там я и двух сыновей Алоэя громадных,
Что посягнули взломать руками небесные своды,
Тщась громовержца изгнать и лишить высокого царства...
...Видеть мне было дано и Земли всеродящей питомца
Тития: телом своим распластанным занял он девять
Югеров; коршун ему терзает бессмертную печень
Клювом-крючком и в утробе, для мук исцеляемой снова,
Роется, пищи ища, и гнездится над грудью высокой,
И ни на миг не дает отрастающей плоти покоя...
...Те, кто при жизни враждой родных преследовал братьев,
Кто ударил отца, или был бесчестен с клиентом,
Или, богатства нажив, для себя лишь берег их и близким
Не уделял ничего (здесь таких бессчетные толпы),
Или убит был за то, что бесчестил брачное ложе,
Или восстать на царя дерзнул, изменяя присяге,
Казни здесь ждут...
...Катят камни одни, у других распятое тело
К спицам прибито колес. На скале Тесей горемычный
Вечно будет сидеть. Повторяя одно непрерывно,
Громко взывая к теням, возглашает Флегий злосчастный:
"Не презирайте богов и учитесь блюсти справедливость!"

Затем Сивилла проводит его через мистические Рощи Блаженных, где праведники наслаждаются жизнью в зеленых долинах, предаваясь бесконечному веселью. Его отец Анхиз, который скончался в пути, излагает ему орфические учения о небе, чистилище и аде и разворачивает перед ним панораму будущей славы и героев Рима:

...Собрались здесь души, которым
Вновь суждено вселиться в тела, и с влагой летейской
Пьют забвенье они в уносящем заботы потоке.
Эти души тебе показать и назвать поименно
Жажду давно уже я, чтобы наших ты видел потомков,
Радуюсь вместе со мной обретенью земли Италийской...
...Землю, небесную твердь и просторы водной равнины,
Лунный блистающий шар, и Титана светоч, и звезды,
Все питает душа, и дух, по членам разлитый,
Движет весь мир, пронизав его необъятное тело.
Этот союз породил и людей, и зверей, и пернатых,
Рыб и чудовищ морских, сокрытых под мраморной гладью.
Душ семена рождены в небесах и огненной силой
Наделены - но их отягчает косное тело,
Жар их земная плоть, обреченная гибели, гасит.

*Вот что рождает в них страх, и страсть, и радость, и муку,
Вот почему из темной тюрьмы они света не видят.
Даже тогда, когда жизнь их в последний час покидает,
Им не дано до конца от зла, от скверны телесной
Освободиться: ведь то, что глубоко в них вкоренилось,
С ними прочно срослось - не остаться надолго не может.
Кару нести потому и должны они все - чтобы мукой
Прошлого зло искупить. Одни, овеваемы ветром,
Будут висеть в пустоте, у других пятно преступленья
Выжжено будет огнем или смыто в пучине бездонной.
Маны любого из нас понесут свое наказание,
Чтобы немногим затем перейти в простор Элизийский.
Время круг свой замкнет, минуют долгие сроки,
Вновь обретет чистоту, от земной избавленный порчи,
Душ изначальный огонь, эфирным дыханьем зажженный.
Времени бег круговой отмерит десять столетий, -
Души тогда к Летейским волнам божество призывает,
Чтобы, забыв обо всем, они вернулись под своды
Светлого неба и вновь захотели в тело вселиться...
...Сын мой! Славу, что впредь Дарданидам сопутствовать будет,
Внуков, которых тебе родит италийское племя,
Души великих мужей, что от нас унаследуют имя, -
Все ты узришь: я открою тебе судьбу твою ныне.*

В последующем видении Венера показывает ему битву при Акции и триумфы Августа.

*Взоры теперь сюда обрати и на этот взгляни ты
Род и на римлян твоих. Вот Цезарь и Юла потомки:
Им суждено вознестись к средоточью великого неба.
Вот он, тот муж, о котором тебе возвещали тах часто:
Август Цезарь, отцом божественным вскормленный, снова
Век вернет золотой на Латинские пашины, где древле
Сам Сатурн был царем, и пределы державы продвинет,
Индов край покорив и страну гарамантов, в те земли,
Где не увидишь светил, меж которыми движется солнце,
Где небодержец Атлант вращает свод многозвездный...
Его дух оживает и исполняется новых сил, Эней возвращается в мир живых..."*

В седьмой-двенадцатой книгах поэмы Эней как бы перевоплощается из Одиссея в Ахилла. Седьмая книга насыщена антикварными и этнографическими сведениями о древней Италии и заканчивается своего рода "перечнем кораблей" "Илиады" - перечнем племен и вождей, выступающих против Энея. Война же разражается из-за ревности Турна, жениха царевны Лавинии, руку которой отец предлагает Энею. В восьмой книге Эней собирает свои войска, едет за помощью к соседнему царю Евандру на место будущего Рима, где Вулкан и Венера дарят

ему доспехи с изображением на щите грядущей истории Рима, описание которого занимает три страницы поэтического текста.

Девятая - двенадцатая книги повествуют о победоносных войнах Энея. Заканчивается поэма описанием поединка между Энеем и Турком, повторяющего бой Ахилла и Гектора из "Илиады", победой Энея и отречением Юноны от ненависти к нему. При этом богиня требует, чтобы троянцы смешались с латинянами, переняли их язык и обычаи.

Таково содержание "Энеиды", таков путь ее автора вглубь греческой классики: от Феокрита в "Буколиках" - через Гесиода в "Георгиках" - к Гомеру в "Энеиде". Помимо прекрасных стихов, в "Энеиде" чрезвычайно любопытен главный герой. Эней как бы потерял активную жизненную позицию в сравнении с героями Гомера. Благочестивого мужа ведет по жизни рок и долг, историческая миссия. И это - совершенно принципиальная вещь для Вергилия, ведь даже, спускаясь в загробный мир, Эней получает пророчество не столько о собственной дальнейшей судьбе, сколько о судьбе его будущего народа и мира. Да, пожалуй, и сами боги подчинены у Вергилия року в значительно большей степени, чем боги Гомера?

Что касается поэмы как художественного произведения, то ее отличает прежде всего четкая планировка, композиция. Поэма состоит из отдельных эпизодов, каждый из которых представляет собой внутренне законченную песнь и в то же время входит составной частью в общую композицию. Тон произведения возвышенный, приподнятый, что сделало "Энеиду" любимицей и образцом европейского классицизма. Теоретики этого течения ставили "Энеиду" выше "Илиады" и "Одиссеи" именно благодаря возвышенности ее стиля.

Итак, поэма Вергилия и похожа, и в то же время совершенно отлична от поэм Гомера. Кстати сказать, античное понимание литературного соперничества с образцом именно в этом и состояло, чтобы, сохранив внешнюю похожесть, создать нечто принципиально новое. Помните наш разговор о том, что главное в литературе - не ЧТО, а КАК? Уже в античности этот принцип начинал возобладать.

"Чтобы понять и по заслугам оценить "Энеиду", - пишет В. Дюрант, - мы обязаны всегда помнить о том, что Вергилий писал не роман, а римское Священное писание... он выражает желание, чтобы его соотечественники вновь приняли в свое сердце *pietas* - почтение перед родителями, родиной и богами... Подлинной религией "Энеиды" является патриотизм, а ее величайшим божеством - сам Рим... Поэт гордится Империей, хотя и с завистью взирает на более высокую культуру греков:

*Смогут другие (Т.е. греки) создать изваянья живые из бронзы,
Или обличье мужей повторить во мраморе лучшие,
Тяжбы лучшие вести и движения неба искусней
Вычислят иль назовут восходящие звезды - не спорю...
Римлянин! Ты научись народами править державно -
В этом искусство твое! - налагать условия мира,
Милость покорным являть и смирять войною надменных!"*

Что касается художественных образов и языка "Энеиды", то, пожалуй, лучше всего о них сказал В.Я. Брюсов:

"Характер Дидоны - художественный *chef d'oeuvre*... Все перипетии страсти, которая постепенно овладевает этой глубоко добродетельной по природе, истинной "матроной", - страсти, доводящей ее до трагической, добровольной смерти, - изображены с беспощадным реализмом и с глубочайшим пониманием женской души. Справдливый признанием пользуются нарисованные Вергилием типы Ниса и Эвриала, образец нежной дружбы двух юношей, Камиллы, мужественной амазонки, Мезенция и Лавса, воплощающих любовь отца и сына, Турна, храброго до безумия, готового бороться и против судьбы. Даже лица эпизодические очерчены с большим тщанием, и часто в нескольких стихах дана полная их характеристика... В общем, Вергилий создал целый мир людей, наделенных характерными индивидуальными чертами, живущих и действующих согласно с побуждениями своей души.

Техника стиха в "Энеиде" доведена до высшего совершенства. Техническое мастерство Вергилия более всего сказывается в расположении слов и в звуковой стороне стиха. Слова в стихах "Энеиды", расставлены не в обычном требуемом грамматикой порядке, но так, чтобы каждое из них производило наибольшее впечатление. Так, например, слова, связанные между собой, часто ставятся на концах полустиший или в начале и конце стиха; слова, особенно значащие, выдвигаются в начало или в самый конец фразы и т.п. Звуки слов всегда соответствуют выражаемому идеям. Вергилий обладал исключительным умением живописать звуками; в своих звукоподражаниях он неистощим, его стих то нежен и мелодичен, то строг и суров, то движется медленно, то стремительно, то журчит как вода... У него нет прозаизмов, он все обращает в образы, каждая мысль у него оживлена каким-нибудь внутренним сравнением. К этому надо прибавить изысканность языка Вергилия, чуждающегося тривиальности, охотно прибегающего к архаизмам, но строго выработанного и единого на всем протяжении поэмы".

(Цит. по: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: Биографии: В 12 т. М.: Большая Российская энциклопедия, 1993. Т. 3. С. 229.)

Значение Вергилия в мировой литературе неопределимо. И.М. Тойский в цитированном уже труде пишет, что если бы произведения Вергилия не сохранились до наших дней, то их можно было бы почти полностью восстановить по цитатам из других источников.

Ни из какого другого поэта не составлялось столько центонов т.е. новых произведений, которые пишутся путем подбора строк из разных стихотворений одного или нескольких поэтов (центон - буквально означает "лоскутное одеяло"), никакого другого римского поэта не переводили полностью на греческий.

Никто из античных времен не пользовался такой славой у христиан, как Вергилий и за "предсказание Спасителя" в 4-й эклоге "Буколик", и за сцену потустороннего мира в "Энеиде", где он резко отошел от гомеровского описания царства теней.

Наконец, никого из поэтов античности столько не пародировали, как Вергилия. Эти пародии составили даже целый поджанр комической поэмы, лучшими образцами которой стали "Перелицованный Вергилий" аббата Скаррона (Франция, середина XVII в.) и "Энеида Вергилия, перелицованная на украинскую мову" Ивана Котляревского (конец XVIII в., Россия).

В России Вергилия почитали, кажется, все, от резкого противника классицизма и "искусственных" эпических поэм В.Г. Белинского, видевшего в ней "памятник древней литературы, оставленный даровитым поэтом" (Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т.7. С.405.) , до лидера символистов В.Я. Брюсова, едва ли не всю жизнь переводившего на русский язык "Энеиду".

На Западе мы видим, в общем, ту же картину, исключая уже указанное выше скептическое отношение немецкоязычного мира: Гораций ставил Вергилия рядом с Гомером, Данте взял его в проводники по загробному миру, Мильтон также совещался с его тенью, когда писал "Потерянный рай", даже великий насмешник и безбожник Вольтер считал "Энеиду" лучшим из всего, что оставила нам античность.

Закончим этот очерк еще одной цитатой.

"На пятьдесят втором году жизни, собираясь придать "Энеиде" окончательный вид, он (Вергилий - В.Р.) решил уехать в Грецию и Азию, чтобы три года подряд заниматься только отделкой поэмы, а остаток жизни целиком посвятить философии. Однако, встретив по дороге в Афинах Августа, возвращавшегося с Востока в Рим, он решил не покидать его и даже воротиться вместе с ним, как вдруг, осматривая в сильную жару соседний город Мегары, он почувствовал слабость; во время морского переезда она усилилась, так что в Брундизий он прибыл с еще большим недомоганием и там через несколько дней скончался (21 сентября 19 г. до н.э. - В.Р.)... Прах его перенесли в Неаполь и похоронили возле второго камня по ПUTEОЛАНСКОЙ дороге; для своей гробницы он сочинил следующее двустишие:

В Мантуе был я рожден, у калабров умер, покоюсь

В Парфенопее; я пел пастбища, села, вождей".

(Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. С.314.)

Кто может сказать о Вергилии лучше, чем сказал о себе он сам?

Вопросы

1. Помните ли вы даты жизни Вергилия? А как они будут звучать, если использовать латинский календарь?
2. Что такое эклога, пастораль?
3. Каких поэтов можно считать главными учителями Вергилия?
4. Можно ли считать Вергилия придворным поэтом?
5. Одна из первых историй трагической любви воспета Вергилием в "Энеиде". Это история любви Дидоны к Энею. Какие еще поэтические произведения о трагической любви вы знаете? Какие литературные имена несчастных влюбленных можете вспомнить?

*Exegi monumentum aere perennius
regalique situ pyramidum altius,
quod non imber edax, non Aquilo impotens
possit diruere, aut innumerabilis
annorum series et fuga temporum
Non omnis moriam.**

*Q. Horatius Flaccus*¹⁷

Лири, печали полна, пела в лесной глубине.

П. Овидий Назон

(Создал памятник я, бронзы литой прочней,
Царственных пирамид выше поднявшийся.
Ни снедающий дождь, ни Аквилон лихой
Не разрушат его, не сокрушит и ряд
Нескончаемых лет - время бегущее.
Нет, не весь я умру...
Квинт Гораций Флакк.
(Пер. С.В. Шервинского)*

Обычно, говоря о римской лирике I в. до н.э., литературоведы объединяют творчество Катулла, Тибулла и Проперция, потому что именно Катулла принадлежит первая в латинской поэзии элегия о собственном чувстве, а Тибулл и Проперций в своем творчестве развивали именно этот жанр.

Мы пошли несколько иным путем и объединили в одной главе творчество Горация, Тибулла и Проперция, желая представить поэзию "золотого века" в наиболее полном, развитом состоянии, не задерживаясь на каком-либо одном жанре. Тем более, что нагляднейшие образцы именно элегии принадлежат перу представителя уже следующего поколения - Овидия.

Сначала поговорим о ГОРАЦИИ, "вечном" поэте, одном из "божественной троицы" (Вергилий, Гораций, Овидий). Он родился 8 декабря 65 г. до н.э. в небольшом южноитальянском городке Венузии, в семье вольноотпущенника, человека небогатого, однако не пожалевшего денег на образование для сына. Гораций учился у лучших учителей Рима риторике, затем философии - в Афинах. Здесь молодой человек присоединился было к армии Брута и получил командование над легионом. Но... как видно, Гораций не был рожден воином, и в одном из сражений, бросив наземь щит, пустился в бегство. Уважение вызывает, однако, тот факт, что впоследствии поэт не скрывал своей слабости и отразил это происшествие в одной из од (2, 7):

*...С тобой Филиппы, бегство поспешное
Я вынес, кинув щит не по-ратному,
Когда, утратив доблесть, долу
Грозный позорно склонился воин...**
(Пер. Г.Ф. Церетели)

(Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, поэзия Горация цитируется по изданию: Гораций. Собрание сочинений. СПб., Биографический институт "Студия биографика", 1993.)

После бегства вместе с побежденной армией Гораций, понимая, что дело республики проиграно, затаился и мудро ждал развития дальнейших событий. Дождавшись амнистии, он вернулся в Рим, где не застал уже в живых отца, имение свое нашел конфискованным, и вынужден был искать работу. Добыв себе место писца, Гораций, чтобы обратить на себя внимание и заработать, стал сочинять стихи. Действительно, толстый и робкий, невысокого роста, молодой человек, прекрасно образованный и откровенно не любивший простонародья, имел, пожалуй, только одно призвание - поэзию. Возможно, что две другие его страсти - женщины и вино - не что иное, как всего лишь поэтические гиперболы, хотя сам поэт и историк Светоний уверяют читателя в чрезмерном сластолюбии Горация.

Мы можем предположить, что это не совсем так, исходя хотя бы из того соображения, что темы вина и женщин - вообще две из трех (третья тема - смерть) вечных поэтических тем, а воображение поэта и его реальная жизнь, как правило, не одно и то же.

Но как бы там ни было, Гораций оставил читателям и комментаторам имена своих многочисленных подруг, а вместо жены в спутницы навсегда избрал музу. Начинал Гораций как поэт с эподов (Поэтическая форма, в которой произведение написано двустишиями, где четные строки короче нечетных.) и сатир, бывших тогда в моде, поскольку Рим еще не успел забыть блистательную поэзию Катулла. Образцом для подражания в первом случае был для него греческий поэт Архилох, во втором - римлянин Луцилий. Эти жанры стали для Горация лучшим оружием, чем щит и меч. Судите сами:

*Куда, куда вы валите, преступники,
Мечи в безумье выхватив?!
Неужто мало и полей, и волн морских
Залито кровью римскою?..
(Пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского)
Что на прохожих мирных, пес, кидаешься?
Знать волка тронуть боязно?..
Идет, с дурным, корабль, отчалив, знаменьем,
Неся вонючку-Мевия...
(Пер. Н.С. Гинцбурга)*

*...Ну, а богатый землями и в рост отдающий Фуфидий,
Славы развратного, имени мота боясь, не стыдится
Брать с должников пять процентов на месяц; и даже чем больше
Кто нуждою стеснен, тем более он притесняет!..
(Пер. М. Дмитриева и Н.С. Гинцбурга).*

В смысле едкости и даже бесцеремонности эти ранние произведения оставили далеко позади и Архилоха и Луцилия. Тем не менее, в отличие от будущих сатириков Марциала и Ювенала, Гораций достаточно быстро оставляет эти жанры: ямбы перерастают в оды (лучший жанр Горация), а сатиры принимают тон посвящений, или спокойных светских бесед на современные темы, слегка насмешливых, но в целом скорее шуточных нежели едких.

К этому времени литературная репутация поэта была уже достаточно прочной, его заметили и читатели и писатели, а благодушный Вергилий даже сделался его приятелем. Именно Вергилий и представил Горация Мecenату. Быстро сделавшись его душевным другом, Гораций стал известен и самому Августу. И Мecenат, и Октавиан предлагали поэту службу, но Гораций сумел в тактичной форме отказаться и сохранить одновременно и свободу и расположение к себе самых влиятельных людей империи. Приведем цитату из Светония:

"Как любил его Мecenат, достаточно свидетельствует... последний его завет, обращенный к Августу: "О Горации Флакке помни, как обо мне"... Сохранились письма (Октавиана к Горацию - В.Р.), из которых я приведу... небольшие отрывки: "Располагай в моем доме всеми правами, как если бы это был твой дом: это будет не случайно, а только справедливо. Хотя ты, гордец, относишься к нашей дружбе с презрением, мы со своей стороны не отплатим тебе надменностью" (Жизнь двенадцати цезарей. С. 439)

Естественно, что это покровительство быстро создало Горацию такое блестящее положение в обществе, о котором он не мог и мечтать. По-видимому, это сказалось и на общем спокойном, ровном тоне его последующих произведений. Уже пятая и шестая сатиры 1-й книги, в которых рассказывается о поездке автора в свите Мecenата в Брундизий, где, должны были проходить мирные переговоры между Антонием и Октавианом, указывают на это. Путешествие принесло Горацию и почет и вражду завистников. Собственно, в шестой сатире поэт и отвечает клеветникам в том смысле, что он хоть и не высокого происхождения, но слишком дорожит своей свободой и честью, чтобы заискивать перед сильными мира сего стихами:

*Нет, Мecenат, хоть никто из лидийцев не равен с тобою
Знатностью рода...
Нет! ты орлиный свой нос поднимать перед теми не любишь,
Кто неизвестен, как я, сын раба, получившего волю!
Ты говоришь, что нет нужды тебе, от кого кто родился,
Только б был сам благороден...
За что на меня нападают?*

*Нынче за то, что, быв сыном раба, получившего вольность,
Близок к тебе, Меценат; а прежде за то, что трибуном
Воинским был я и римский имел легион под начальством.
В этом есть разница! - Можно завидовать праву начальства,
Но не дружбе твоей, избирающей только достойных...
Спать я иду, не заботясь о том, что мне надобно завтра
Рано вставать...
Сплю до четвертого часа; потом, погулявши, читаю
Или пишу, про себя, что-нибудь, что меня занимает...
Жизнь подобную только проводят
Люди, свободные вовсе от уз честолюбия тяжких.
Я утешаюсь тем, что приятней живу, чем когда бы
Квестором был мой отец, или дедушка, или же дядя.
(Пер. М. Дмитриева).*

В девятой сатире Гораций описывает тех завистников, которые, не обладая никакими достоинствами, с его помощью пытаются завоевать расположение Мецената, приставая для этой цели к поэту прямо на улице. Спустя два года после поездки в Брундизий Меценат подарил Горацию за книгу сатир сабинское имение, окончательно укрепившее материальное положение поэта. Поместье это, раскопанное в 1932 году, представляет собой "скромный" особнячок в 24 комнаты с тремя купальными бассейнами, мозаичными полами, ухоженным садом и земельным участком, обрабатывавшимся восьмью рабами и пятью семьями арендаторов. Поэзия его становится совершенно спокойной, уравновешенной, даже благодушной. От сатир Гораций переходит к сочинению од и посланий, в которых воспевает явно нравящуюся ему жизнь на лоне природы в кругу друзей и юных прелестниц.

*Я пою о пирах и прелестницах,
Острый чей ноготок страшен для юношей,
Будь я страстью объят или не мучим ей,
Я - поэт легкомысленный.
(Пер. Г.Ф. Церетели).*

Это заявление если и не соответствует абсолютной истине, во всяком случае, представляет читателю портрет человека независимого и по-своему гордого, каким хотел себя видеть Гораций и каким в конце концов заставил принимать себя и современников, и потомков. Он все дальше уходит от Архилоха и Луцилия в сторону Сапфо и особенно Анакреонта. Это, конечно, соответствовало природе его поэтического дара. Сам Гораций введение в римскую поэзию мелодий эолийской мелики считал особой своей заслугой. В стихах этого периода Гораций совершенно примиряется с жизнью:

*Пока мы живы, лучшие под пинией
Иль под платаном стройным раскинуться,
Венком из роз прикрыв седины,
Нардом себя умастив сирийским...
*** Бочка есть с вином у меня албанским, -
Девять лет ему; есть в саду, Филлида,
Сельдерей, венки, чтобы вить; найдется
Плющ в изобилье, -
Он идет к твоим заплетенным косам!
Дом манит к себе, серебром смеется,
И алтарь, увитый вербеной, жаждет
Крови ягненка...*

(Пер. Г.Ф. Церетели).

Будучи слаб здоровьем, проводя жизнь если не в постах, то за вегетарианским столом, он воспекает в звучных стихах яства и вина, как бы намеренно создавая автопортрет довольного весельчака. Но вместе с тем и мудреца, потому что в каком бы жанре ни работал Гораций, о чем бы он ни писал, главное в его стихах всегда - мысль.

В "Сатирах" и "Эподах" она еще казалась почти что прозаической, в "Одах" ("Оды" Горация не следует воспринимать с позиций позднейшей литературы, когда этот жанр стал требовать исключительной патетичности, торжественного пафоса и т.п. Здесь это античный жанр, который лучше всего можно перевести как "песню".) она облекается в изящнейшую поэтическую оболочку, несравненную по красоте и звучности стиха, принесшего Горацию непреходящую вечную славу.

Вообще, Гораций, может быть, самая нетривиальная фигура в мировой поэзии. С одной стороны - певец вина и многочисленных подруг (Лидия, Хлоя, Необула, Лалага...), с другой -- певец Августа, но... и одновременно доблестей республики. И все - талантливо, и все уравновешенно, и все, буквально все, - во славу собственному имени.

Главной добродетелью своей он считал "золотую середину" (это, кстати, его выражение), о которой написал программную оду:

*Будешь жить ладней, не стремясь, Лициний,
Часто в даль морей и не жмяся робко,
Из боязни бурь, к берегам неровным
И ненадежным.
Тот, кто золотой середине верен,
Мудро избежит и убогой кровли,
И того, в других что питает зависть, -
Дивных чертогов.
Чаще треплет вихрь великаны-сосны,
Тяжелей обвал всех высоких башен,
И громады гор привлекают чаще
Молний удары.*

*И в беде большой, ко всему готовый,
Жив надеждой, но средь удач опаслив;
Зиму лютую, приведя, сживает
Тот же Юпитер.
Плохо пусть сейчас, - ведь не все ж так будет:
Наступает миг - Аполлон кифарой
Музы будит сон: не всегда одним он
Занят все луком!
Силен духом будь, не клонись в напасти,
А когда вовсю дует ветер попутный,
Мудро сократи, подобрав немного,
Вздувшийся парус*.
(Пер. А.П. Семенова-Тян-Шанского)
* (Сравните следующие пушкинские строки:
Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смиришь:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.*

И программное для Пушкина стихотворение "Поэт":

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон...)

Вы, наверное, уже заметили по приведенным отрывкам, что стихи Горация почти всегда написаны в форме обращения к какому-либо собеседнику. Действительно, почти все мужские адресаты его од - реальные современники поэта. Что же до женских имен, почти всегда греческих, то реальность их хотя бы уже поэтому малоубедительна. Да и самая мысль Горация совершенно по-разному звучит в "мужских" и "женских" посланиях, в одних глубоко и содержательно, разнообразно, в других - игриво и облегченно.

*О, как грустно, Необула, избегать игры Амура,
Не осмелиться похмельем смыть тоску, а осмелеешь,
Языком отхлещет ментор.
Где же, баловень Киферы, где плетенка для кудели,
Трудолюбие Минервы? Ты унес их в сновиденья
О красавце из Липары.
Как у юноши, у Гебра, тиберийскою волною
Торс лоснящийся омывает - он затмит Беллерофонта,
И в борьбе, и в беге спорый,
Он оленя на поляне вдоль стремительного стада
Легким дротиком нагонит, кабана в колючей чаще
На рогатину подденет.*

(Перевод Я. Голосовкера. Цит. по изд.: Античная лирика. М.: Худож. лит., 1968.)

*Увы, о Постум, Постум! летучие
Года уходят, и благочестие
Морицин и старости грозящей
Не отдалит, ни всесильной смерти.
Хотя б на каждый день гекатомбою
Тройною, друг мой, немилосердного
Плутона ты смягчал, который
Тития и Гериона держит
За мрачным током, где без сомнения
Мы все, дарами почвы живущие,
Проплыть обречены: цари ли
Будем мы иль бедняки-крестьяне.
Вотще бежим мы Марса кровавого
И гулко в скалы бьющего Адрия;
Вотще беречься будем Австра,
Вредного телу порой осенней:
Должны Коцит мы видеть, блуждающий
Струею вялой, и обесславленный
Даная род и Эпида
Сизифа казнь - без конца работу.
Покинуть землю, дом и любезную
Жену, и сколько ты ни растил дерев,
За преходящим господином
Лишь кипарис* побредет постылый.
Вин самых тонких за ста запорами
Запас наследник выпьет достойнейший
И штучный пол окрасит соком
Гордым, какой и жрецам на диво.*

(Пер. Ф.Е. Корша)

(Кипарис - кладбищенское дерево. Ср. у П.А. Вяземского:

Уж сколько лир висит безгласных

На кипарисах молодых!..)

Гораций, конечно, эпикурец. Это сказывается и на его философствовании о смысле жизни, и на многочисленных любовных стихах. "Легко обо мне подумай, / Легко обо мне забудь", - писала М.И. Цветаева, как бы оформляя в этот поэтический афоризм истинно эпикурейское отношение к любви. Разве то у Катулла?

Может быть, поэтому любовные стихи Горация уступают его дружеским посланиям.

Откликнулся Гораций и на политические события. В. Дюрант говорит об одном таком поэтическом отклике: "Знаменитая застольная песнь Горация - *Nunc est bibendum* - была написана по получении известия о смерти Клеопатры и захвате Египта; даже его искушенная душа содрогнулась при мысли о победоносности и величии Империи, раздвинувшей свои пределы как никогда широко. Он предостерегал своих читателей, что новые законы не могут заменить старинной нравственности".

Гораций написал много. По мере развития дарования и течения жизни, он отказывался от отработанных жанров и житейских реалий. Сначала от сатир и эподов, потом от республиканского пыла, потом от любовных утех...

Вдоволь уж ты поиграл, и вдоволь поел ты и выпил:

Время тебе уходить...

(Пер. Н. Гинцбурга).

Однажды наступил срок, когда он решил отказаться и от поэзии. Об этом он сказал в своих философских "Посланиях". Помимо небольших стихотворений в число "Посланий" вошла поэма "Наука поэзии" ("Послание к Пизонам"), являющаяся своеобразным итогом размышлений Горация о поэзии и одновременно чем-то вроде поэтического завещания. Это "завещание" было подхвачено европейскими классицистами и вместе с "Поэтикой" Аристотеля стало для них непререкаемым образцом.

Сам писать я не буду,

Но открою другим, что творит и питает поэта,

Что прилично, что нет, в чем искусство и в чем заблуждение.

(Пер. М. Дмитриева).

Итак, поэма о том, как писать стихи. Обратимся еще раз к книге В. Дюранта:

"Избери предмет, которые тебе по силам, говорит Гораций, остерегайся трудиться, как гора, и в конце концов разродиться мышью. Идеальное произведение одновременно и наставляет и развлекает. Избегай новых, устаревших, не лежащих в размер слов. Будь настолько краток, насколько

позволяет ясность. Сразу же устремляйся к существу дела... Когда сочиняешь стихи, не думай, пожалуйста, что чувство - это все. Справедливо, что ты должен испытывать какие-то чувства, если хочешь, чтобы ими проникся и читатель. Но искусство - это нечто большее, чем эмоции; это - форма... Чтобы научиться форме, днем и ночью изучай греческий; правь почти все, что написал... покажи свое произведение знающему критику и храни его подальше от своих друзей. Если после всего этого от него еще что-нибудь останется, отложи его в сторону лет на восемь; если и по их истечении тебе не кажется предпочтительным забыть о нем, что ж - тогда можно его обнародовать... Если ты пишешь драму, то пусть сюжет движут не слова, а действие, и пусть оно же станет главным источником характеристики персонажей. Не нагромождай на сцене ужасов. Соблюдай единство действия, времени и места: пусть сюжет будет единым, охватывает небольшой промежуток времени и протекает в одном и том же месте. Изучай жизнь и философию, потому что без наблюдения и понимания даже совершенный слог не более чем пустяк".

М.Л. Гаспаров в статье "Греческая и римская литература I в. до н.э." отмечает: "Сквозная мысль "Науки поэзии" - мысль о внутренней гармонии литературного произведения: каждая частность должна в нем соответствовать целому - и сюжет, и эпизоды, и выбор образца для подражания, и персонажи, и настроения, и язык, и стих. Чтобы понять, в чем заключается такое соответствие, поэт должен владеть философией; чтобы найти материал для такого соответствия - должен знать жизнь; чтобы суметь его выразить - должен без усталости трудиться над словом".

То же, как видите, своего рода триединство правил.

*"Поэту ни люди, ни боги,
Ни столбы не прощают посредственность: всем нестерпима!"
(Пер. М. Дмитриева)*

"Наука поэзии" заканчивается образом идеального поэта, который "во многом сходен с Цицероновским образом идеального оратора: и там и тут перед нами гуманистический идеал всесторонне развитого человека, способного создавать всесторонне прекрасные творения; и тут и там назначение человека в том, чтобы быть полезным обществу; разница эпох сказывается лишь в том, что у Цицерона эта польза прежде всего политическая, а у Горация - нравственная". (Цит. по изд. : История всемирной литературы. В 9 тт. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 463.)

Гораций умер в 8 г. до н.э., сразу вслед за Мecenатом, которому за пятнадцать лет до того сказал, что не переживет его надолго. Их и похоронили рядом, двух славнейших людей отечества, ставших для потомков образцами: один - богатого и высоконравственного покровителя культуры, другой - гармоничного гения лирики.

Гораций и Вергилий, по существу, создали латинскую поэзию, латинский литературный язык, поставив тем самым величайший духовный памятник античной культуре и собственно поэзии.

Эта тема нерукотворного памятника, мелькнувшая еще в Древнем Египте (в Поучении фараона сыну своему), была оформлена в "медный" звон стиха именно Горацием в заключительном стихотворении третьей части "Од", а затем уж распространилась по свету в бесчисленных переводах и подражаниях.

Русская поэзия имеет ряд блистательных переводов и вариаций этой темы. Разумеется, все знают пушкинское "Я памятник себе воздвиг нерукотворный...", многие слышали о державинском переводе. А ведь есть еще вариации Капниста, Дмитриева, есть ломоносовский "памятник". Есть, наконец, стихотворение безумного уже Батюшкова, в котором начало представляет собой звучный и легкий перевод, а продолжение - тяжелый бессвязный бред больного.

Но мало того, едва ли не всякое поэтическое обращение к реальному памятнику поэта невольно вызывает воспоминание о памятнике нерукотворном. И когда смотришь на опекушинский памятник Пушкину, и когда читаешь есенинское "Мечтая о могучем даре / Того, кто русской стал судьбой..." эти памятники - реальный и чисто поэтический - как бы сливаются воедино.

Увы, мы часто забываем о началах. И помня о пушкинском "Я памятник себе воздвиг нерукотворный", забываем о горацянском, открывшем эту тему в мировой литературе:

*Создал памятник я, меди нетленнее:
Высоты пирамид выше он царственных,
Едкий дождь или ветер, тщетно бушующий,
Век не сломят его, и ни бесчисленный
Ряд кругов годовых, или бег времени.
Нет, не весь я умру - часть меня лучшая
Избежит похорон: славою вечною
Буду я возрастать, в храм Капитолия
Жрец восходит пока с девой безмолвною.
Речь пойдет обо мне, где низвергается
Авфид ярый, где Давн людом пастушеским
Правил, бедный водой: мощный из низкого,
Первый я преложил песню Эолии
В италийских ладах. Гордость заслуженно,
Мельпомена, яви, - мне ж, благосклонная,
Кудри лавром овей, ветвью дельфийскою.
(Пер. Н. Шатерникова).*

На этом можно было бы закончить разговор о Горации, если бы... Если бы не еще один вид "нерукотворного" памятника. Речь о стилизации. Не о подделке, не о подражании, не о вольном переводе, каким, по существу, является знаменитый пушкинский "Памятник". О поэтическом существовании в пространстве другого поэта. Со всеми собственными поэтическими качествами. Как это может быть?

Прочтем изумительное стихотворение современного поэта, лауреата Нобелевской премии, Иосифа Александровича Бродского, которое называется "Письма римскому другу " и имеет подзаголовок "Из Марциала". К Марциалу

это стихотворение, конечно, не имеет никакого отношения, что станет совсем понятно, когда вы познакомитесь с соответствующей главой "Очерков...", зато вот к Горацию имеет. Помните его оду о бренности жизни, начинающуюся словами "Увы, о Постум, Постум!.."? Сравните с ней "Письма римскому другу".

*Нынче ветрено и волны с перехлестом.
Скоро осень, все изменится в округе.
Смена красок этих трогательней, Постум,
чем наряда перемена у подруги.
Дева тешит до известного предела -
дальше локтя не пойдешь или колена.
Сколь же радостней прекрасное вне тела:
ни объятье невозможно, ни измена!*

*Посылаю тебе, Постум, эти книги.
Что в столице? Мягко стелют? Спать не жестко?
Как там Цезарь? Чем он занят? Все интриги?
Все интриги, вероятно, да обжорство.
Я сижу в своем саду, горит светильник.
Ни подруги, ни прислуги, ни знакомых.
Вместо слабых мира этого и сильных -
лишь согласное гуденье насекомых.*

*Здесь лежит купец из Азии. Толковым
был купцом он - деловит, но незаметен,
Умер быстро: лихорадка. По торговым
он делам сюда приплыл, а не за этим.
Рядом с ним - легионер, под грубым кварцем.
Он в сражениях Империю прославил.
Столько раз могли убить! а умер старцем.
Даже здесь не существует, Постум, правил.*

*Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Коли выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции, у моря.
И от Цезаря далеко, и от вьюги.
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники - ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.*

*Вот и прожили мы большие половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
"Мы, оглядываясь, видим лишь руины".
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный.
Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им...
Как там в Ливии, мой Постум, - или где там?
Неужели до сих пор еще воюем?*

*Помнишь, Постум, у наместника сестрица?
Худошавая, но с полными ногами.
Ты с ней спал еще... Недавно стала жрица.
Жрица, Постум, и общается с богами.
Приезжай, попьем вина, закусим хлебом.
Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
и скажу, как называются созвездья.*

*Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит,
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.
Поезжай на вороной своей кобыле
в дом гетер, под городскую нашу стену.
Дай им цену, за которую любили,
чтоб за ту же и оплакивали цену.*

*Зелень лавра, доходящая до дрожи.
Дверь распахнутая, пыльное оконце.
Стул покинутый, оставленное ложе.
Ткань, впитавшая полуденное солнце.
Понт шумит за черной изгородью пиний.
Чье-то судно с ветром борется у мыса.
На рассеившейся скамейке - Старший Плиний.
Дрозд щебечет в шевелюре кипариса.*

(Стихотворение цитируется с сокращением двух стрóf по изданию: Сочинения Иосифа Бродского: В 4 т. СПб.: Пушкинский фонд, 1992. Т. 2.)

Поэт в своем уединении (или изгнании), одинокий, стареющий... Как это все похоже и на Горация, и на Овидия, и на самого Бродского. Стилизация и жизнь. Все вечно, все повторяется. Темы поэзии вечны: вино, любовь, смерть. И,

конечно, сама поэзия - единственный неразрушимый памятник своему времени и самому себе.

К сожалению, мы почти ничего не знаем о поэзии Корнелия Галла, т.к. его стихи до нашего времени не дошли. По мнению же самих римлян, именно Галл был истинным основоположником латинской элегии, жанра, столь популярного и в древности и в новое время, особенно в русской классической поэзии. Однако элегия разрабатывалась многими римскими поэтами, и, естественно, что о самом жанре можно сказать немало, так же как и об его авторах. Одним из первых замечательных мастеров элегии был Альбий Тибулл (около 55 - 19 гг. до н.э.). Это был певец любви и ревности, принципиальный пацифист (Пацифизм - антивоенное движение. Его участники выступают против всяких военных действий, считая любые, даже освободительные, войны аморальным явлением.) и, вероятно, самый аполитичный поэт в Древнем Риме.

Тибулл поет не о реальном, но об идиллическом мире природы, идеальном мире покоя и любви, безразличном к богатству, славе и воинским почестям. Главные героини его поэзия - Делия (в реальной жизни - Плания) и Немесида - образы типичных античных "возлюбленных". Если Катulloва Лесбия вполне представима, почти потретно видна читателю, несмотря на два тысячелетия, отделяющие нас от времени жизни ее реального прототипа, - Клодии, то настоящие черты Плании и Немесиды намеренно размыты автором. Весьма условны и пейзажные характеристики в элегиях Тибулла. Зато единство тона и настроения сохраняются в его стихах неизменно; они просты и не грешат излишней ученостью (Как говорил Пушкин в письме к Вяземскому: "Поэзия, прости Господи, должна быть глуповата".) . Повторы строк - частый и характерный прием Тибулла, способствующий запоминанию читателями мыслей и выражений, особенно значительных для поэта.

Стихотворения Тибулла практически лишены темных мест, изящны и простой доступной лексикой более всего напоминают книги Цезаря.

Условность же портрета его возлюбленной и места действия происходящих событий несколько не портят общего впечатления, поскольку являются древнейшим (даже для древних римлян) литературным приемом, свойственным определенному типу писателей и читателей, типу, к которому принадлежал Альбий Тибулл.

Прочтем несколько фрагментов из элегии Тибулла в переводе Л. Остроумова:

*Кто же тот первый, скажи, кто меч ужасающий создал?
Как он был дик и жесток в гневе железном своем!
С ним человеческий род узнал войну и убийства,
К смерти зловещей был путь самый короткий открыт.
Иль тот бедняк не повинен ни в чем? Обратили мы сами
Людям во зло этот меч - пугало диких зверей.
Золота это соблазн и вина: не знали сражений
В дни, когда нежным птенцом бегал у ваших я ног.
Не было ни крепостей, ни вала, и спал беззаботно*

*С пестрой отарой своей мирный овечий пастух...
...Лары отцов, охраняйте мне жизнь! Меня вы растили
В дни, когда нежным птенцом бегал у ваших я ног.
Да не смущает вас то, что из древнего пня родились вы: *
Те же вы были в доме предков старинных моих.
Верность святей береглась, когда, радуясь бедному дару,
Бог деревянный простой в скромной божнице стоял...
...Лары, гоните же прочь наконечники медные копий,
Жертвою будет у вас сельских хлебов боровок;
В чистой одежде за ней я пойду, оплетенные миртом
Буду корзины нести, миртом обвив и чело.
Этим я вам угрожу; другой пусть оружием бряцает,
С помощью Марса в бою вражьих сражает вождей...
...Что за безумье - войной призывать к себе черную гибель!
Смерть уж и так нам грозит, крадется тихой стопой...
...Сколь же похвальнее тот, у кого безмятежная старость
В хижине милой гостит, внуков любимых растит!
Ходит он сам за отарой своей, а сын за ягненком;
Если ж устанет в трудах, воду согреет жена.
Быть бы таким! Да позволит судьба засиять сединою,
Вспомнить на старости лет были минувших времен!
Ныне же мир да питает поля! Ведь мир этот ясный
Первый на пашню быков в согнутых ярмах привел;
Мир возрастил нам лозу и припрятал сок виноградный,
С тем чтоб отцовский сосуд сына вином напоил;
Мир наступил, и блестят мотыга и плуг, а доспехи
Мрачные диких бойцов в темном ржавеют углу.
Сын деревень из роуци везет, немного подвыпив,
В мирной телеге своей внуков, детей и жену...
...К нам снизойди, о мир всеблагой, и, вздымая свой колос,
Из осиянных одежд щедро плоды рассыпай!
(Цит. по: Античная лирика. М.: Худож. лит., 1968. С. 428 - 429.)*

* (Обратите внимание на меняющееся по сравнению с Вергилием отношение к богам. У Тибулла речь уже идет скорее о традиции, нежели о серьезной вере. Человек и боги сосуществуют, не вмешиваясь в дела друг друга.)

Памяти Тибулла посвящена великолепная элегия Овидия, отрывком из которой мы и завершим короткую заметку об этом лирике.

*Если над Мемноном мать и мать над Ахиллом рыдала,
Если удары судьбы трогают вышних богинь, -
Волосы ты распусти, Элегия скорбная ныне:
Ныне по праву, увы, носишь ты имя свое.
Призванный к песням тобой, Тибулл, твоя гордость и слава, -
Ныне бесчувственный прах на запылавшем костре...*

*...Ах, когда умер Тибулл, омрачилась не меньше Венера,
Нежели в час, когда вепрь юноше пах прободал... *
Мы, певцы, говорят, священны, хранимы богами;
В нас, по суждению иных, даже божественный дух...
Но оскверняется все, что свято, непрошенной смертью,
Руки незримо из тьмы тянет она ко всему...
...Могут лишь песни одни жадных избежать костров.
Вечно живут творенья певцов... **
...Так, Немесиды вовек и Делии имя пребудет, -
Первую пел он любовь, пел и последнюю он...
...Если не имя одно и не тень остается от смертных,
То в Елисейских полях будет Тибулла приют.
Там настречу ему, чело увенча молодое
Лаврами, с Кальвом твоим выйди, ученый Катулл!..
(Цит по: "Античная лирика". С. 440 - 441. Перевод С.В. Шервинского.)*

* (Имеется в виду известный миф о гибели прекрасного юноши Адониса, возлюбленного богини Афродиты (Венеры).)
** (Имеется в виду известный миф о гибели прекрасного юноши Адониса, возлюбленного богини Афродиты (Венеры).)

Секст Проперций (49 - 15 гг. до н.э.) - более сложный, изощренный и ученый поэт, в отличие от Тибулла, ни разу не произнесшего в своих стихах имя Августа, сочинявший и по заказу правительства и воспевавший воинские подвиги Империи, все же главным образом лирик, темпераментный автор четырех книг элегий. Первая из них носит название "Кинфия" и посвящена некой даме, чье настоящее имя - Гостия. Кинфия (или Цинтия, в зависимости от перевода) - первая и единственная любовь Проперция, целиком захватившая чувства поэта, но сама, однако, не отличавшаяся тем же постоянством чувств. Это - книжка профессионала, составленная по принципу контрастных стихов (радость и ревность; разлука и примирение и т.д.), образующих небольшие циклы. Элегии Проперция более напряженны и кратки нежели элегии Тибулла, но значительно перегружены мифологическими примерами и, пожалуй, богаче стилистически. Это резкие, порывистые, иногда даже непонятные стихи, богатые метафорами, образами, нетривиальными словосочетаниями.

В третьей книге стихов Проперций отказывается от своей любви, оправдывая это необходимостью создания величавых ученых стихотворений, однако в них уже не столь ярко проявляется истинный дар этого автора. Зато проявляется он в поздних произведениях Проперция, воспевающих законную супружескую любовь. Попробуем представить ниже разного Проперция. Добавим только, что, если Тибулла более ценили сами римляне, то Проперция - поэты других стран и уже Нового времени. Так, Гете в одном из своих писем сообщал корреспонденту: "Элегии Проперция, прочтенные мною... произвели в моей природе обычное подобным вещам сотрясение: желание произвести нечто подобное..."

Более того, это свое "сотрясение" великий немецкий поэт увековечил в "Германе и Доротее" и некоторых других лирических произведениях.

*Кинфии глазки меня впервые пленили, к несчастью,
А до того никакой страсти я вовсе не знал.
Очи потупило вмиг перед ней самомнение бывшее:
Голову мне придавил резвой ногою Амур.
Он приохотил меня не любить непорочных красавиц,
Дерзкий, заставив мою без толку жизнь проводить.
Вот уже целый год любовным огнем я пылаю,
Боги, однако же, все неблагосклонны ко мне.
Меланион, о Тулл, жестокость смирил Иасиды
Тем, что на подвиг любой он безбоязненно шел:
Как одержимый блуждал в пещерах горы Парфенийской
И на охоту ходил он на косматых зверей;
Он и от боли стонал, оглашая аркадские скалы
В час, когда злобный Гилей ранил дубиной его.
Этим он мог покорить быстроногой девушки сердце:
Значат не мало в любви подвиги, слезы, мольбы.
Мне же ленивый Амур не придумает новых уловок,
Да и привычный свой путь он уж давно позабыл.
Вы, что морочите нас, Луну низвести обещаая,
Трудитесь жертвы слагать на чародейный алтарь, -
Сердце моей госпожи склоните ко мне поскорее,
Сделайте так, чтоб она стала бледнее меня.
Смело поверю тогда, что созвездья дано низводить вам,
Реки назад возвращать силой колхидской волибы.
Вы ж, дорогие друзья, с запоздалым своим утешеньем
Сердцу, больному от мук, дайте лекарства скорей:
Стойко, я буду терпеть и нож, и боль прижиганья,
Лишь бы свободно излить все, чем бушует мой гнев.
Мчите к чужим племенам, по волнам вы меня уносите,
Чтобы из жен ни одна мой не открыла приют.
Здесь оставайтесь, кому Амур, улыбаясь, кивает,
И наслаждайтесь всегда счастьем взаимной любви.
Мне же Венера, увы, посылает лишь горькие ночи,
И никогда не замрет, тщетно пылая, любовь.
Бойтесь вы этого зла: пусть каждого милая держит
Крепко, привычной любви он да не сменит вовек.
Если же вовремя вы не проникнитесь мудрым советом,
Позже с какою тоской вспомните эти слова!*

(Перевод Л. Остроумова)

(Цит. по изд. "Античная лирика". С. 432 - 433.)

Общий я смех возбуждал за столами готовой трапезы,
И обо мне, кто хотел, мог как угодно болтать.
Пять в состояньи был лет тебе прослужить я усердно;
Ноготь кусая не раз, верность мою помянешь.
Слезы не тронут меня; - изведаль я это искусство:
Ты, измышляя обман, Цинтия, плачешь всегда.
Плакать буду и я, но слезы осилит обида.
Ты же идти не даешь добрым порядком ярму.
Так уж прощайте, пороги, в слезах от моих заклинаний,
И раздраженной рукой все ж не разбитая дверь,
Но да падет на тебя с неприметными годами старость,
И морищина к твоей мрачно красе подойдет.
Будешь стараться тогда рвать с корнем белеющий волос,
Хоть о морищинах тебе зеркало будет кричать.
Испытаешь и ты, отвергнута, ту же гордыню,
И на поступки свои, ставши старухой, ропщи!
Эту злосчастную скорбь тебе моя песнь возвестила,
Ты научись трепетать перед исходом красы.

(Перевод А.А. Фета)

(Цит. по: Элегии Секста Проперция. Перевод А. Фета. 2 изд. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1898.)

Тайну хотите узнать своего вы последнего часа,
Смертные, и разгадать смерти грядущей пути,
На иебе ясном найти путем финикийской науки
Звезды, какие сулят людям добро или зло;
Ходим ли мы на парфян или с флотом идем на британцев, -
Море и суша таят беды на темных путях.
Сызнова плачете вы, что своей головы не спасете,
Если на схватки ведет вас рукопашные Марс;
Молите вы и о том, чтобы дом не сгорел и не рухнул
Или чтоб не дали вам черного яда испить.
Знает влюбленный один, когда и как он погибнет:
Вовсе не страшны ему бурный Борей и мечи.
Пусть он даже гребцом под стигийскими стал тростниками,
Пусть он, мрачный, узрел парус подземной ладьи:
Только бы девы призыв долетел до души обреченной -
Вмиг он вернется с пути, смертный поправши закон.

(Перевод Л. Остроумова)

(Цит. по: "Античная лирика". С. 435.)

И в заключение очерка - несколько слов об элегии вообще. Как вы помните, элегия (по-гречески "жалобная песня") возникла в Древней Греции в VII в. до н.э. и имела там преимущественно морально-поэтическое содержание. Римские поэты придали этому жанру содержание любовное. С тех пор элегия развивается преимущественно в этом ключе. Ее используют в своем творчестве такие знаменитые авторы, как Ронсар, Опиц, Спенсер, Кохановский, Грей, А. Шенье, Гете, Жуковский, Батюшков, Пушкин, Баратынский, Языков. Оставаясь главным образом жанром любовной поэзии, элегия со времен романтиков все чаще используется как жанр медитативной лирики - лирики самоуглубленного, сосредоточенного размышления.

Особенностью латинской элегии является "суженность поля поэтического зрения; она исчерпывается небольшим кругом мотивов и ситуаций". (И.М. Тронский. История античной литературы. Изд. 4. М.: Высшая школа, 1983. С. 382.)

Центральная тема и чувство римской элегии - любовь, либо неразделенная, либо преодолевающая бесчисленные препятствия и потому окрашенная в мрачные тона. Как правило, подруга поэта недостойна его великой любви. Он страдает, мучается, исчерпывает свое чувство во всех тончайших его проявлениях и нюансах, как бы и в самом деле живя только любовью. Это, разумеется, не так в реальности.

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен... -

раскрыл профессиональную тайну А.С. Пушкин. Поэты - живые люди, и только в стихах своих воспевают свою единственную идеальную возлюбленную, как Петрарка - Лауру, в жизни же им приходится заниматься многими другими делами, иметь семью (и часто не одну), словом, жить обычной жизнью частного человека. Впрочем, не все они раз навсегда избирают единственную музу. Уже Тибулл пел о двух подругах, а что уж говорить об огромных дон-жуанских списках Ронсара, Гете, Пушкина, Есенина!.. Но ведь и не забудем о пушкинском же "божественном глаголе", которым призывал он "жечь сердца людей". А для глагола этого, для дара поэта реальная жизнь - только дрова, топливо, которое, сгорая, поддерживает творческий огонь. Не забудем и не станем осуждать гениев за шалопайство, непостоянство и свободу нравов, как осуждало их мещанство (в том числе и коронованное) во все века и во всех странах. Как осудило оно и последнего великого римского поэта Овидия.

Вопросы

1. Сравните оду Горация о нерукотворном памятнике и стихотворение Пушкина "Я памятник себе воздвиг нерукотворный..." В чем сходство этих произведений? Есть ли различия и какие? Почему версию Пушкина нельзя считать переводом?
2. Что такое элегия? Можно ли считать стихотворение Пушкина "К морю" элегией, и если да, то объясните, почему? А стихотворение Лермонтова "Дума"?
3. Является ли элегией стихотворение И. Бродского "Письма римскому другу"?
4. Чем знаменит Гораций, какое влияние он оказал на европейскую литературу Нового времени?
5. Что нового в латинскую поэзию внесли Тибулл и Проперций?

Овидий: метаморфозы музы и судьбы

Имел он песен дивный дар
И голос, шуму вод подобный...

А. С. Пушкин

Носят на поясе меч разбойник и путник разумный,
Этот - в засаде таясь, тот - защищая себя...

Так и поэма моя никому повредить не способна,
Если читатель ее с чистой душою прочтет.

Муза игрива моя, жизнь безупречно скромна...

П. Овидий Назон.

ПУБЛИЙ ОВИДИЙ НАЗОН родился 20 марта 43 г. до н.э. неподалеку от Рима в богатой семье знатного рода. И рождение его, и детство проходили в годы гражданской войны. И хотя в творчестве его нет громких од, посвященных бранной славе победителей, хотя жизнь его в большей части протекала в мирной, счастливой обстановке, война все же сказалась на его поэзии. С самого начала и до конца своей творческой жизни Овидий прежде всего был гуманистом. Любовь и доброта - главные его темы. О чем бы ни писал Овидий, он прежде всего отвергает зло, насилие и воспекает жизнь в ее радостях, милых и забавных причудах, в ее полноте и красоте. Гражданская война сказалась и в закатной поре жизни Овидия, когда, по выражению Пушкина, "страдальцем кончил он свой век блестящий и мятежный". Но об этом - разговор впереди. А пока что скажем о том, что отец будущего поэта связывал с ним большие надежды, желая видеть сына блестящим оратором и политиком. Надежды эти не оправдались, несмотря на то, что мальчик получил прекрасное образование в Риме, Афинах, в Малой Азии и на острове Сицилия. Дело в том, что, по признанию самого поэта, стихи одолевали его с самого детства.

*Превозмогая себя, прозой старался писать -
Сами собою слова слагались в мерные строчки,
Что ни пытаюсь сказать - все получается стих.*
(Перевод С. Ошерова).

Согласитесь, с такой одержимостью бороться совершенно бессмысленно. И Овидий, попытавшись пойти по дороге, предложенной отцом, и добившись уже участия в квесторских выборах, которые могли позволить ему стать сенатором, в один прекрасный день прекратил сопротивление требованиям Аполлона к священной жертве, оставил политическую карьеру и, по словам В. Дюранта, "занялся вдали от политических и общественных забот литературой и любовью".

На двадцать пятом году жизни Овидий становится профессиональным поэтом, входит в литературный кружок полководца Мессалы, сближается с Горацием, создает первые книги своих эротических элегий, посвященных любви к скорее всего собирательному образу красавицы легкого поведения Коринны и обретает великую, хоть и предосудительную в глазах ретроградов, популярность. Его элегии читались и распевались молодежью всего Рима. Они были остроумны, легки, стремительны. Никто до Овидия не писал так иронично и вместе с тем с таким реалистическим мастерством. Но, с другой стороны, как же не возмутиться "строгим постникам" морали?

*Я никогда б не посмел защищать развращенные нравы,
Ради пороков своих лживым оружием бряцать.
Я признаюсь - коли нам признание проступков на пользу, -
Все я безумства готов, все свои вины раскрыть.
Я ненавижу порок... но сам ненавистного жажду.
Ах, как нести тяжело то, что желал бы свалить!
Нет, себя побороть ни сил не хватает, ни воли...
Так и кидает меня, словно корабль на волнах!..
Определенного нет, что любовь бы мою возбуждало,
Поводов сотни - и вот я постоянно влюблен!
Стоит глаза опустить какой-нибудь женищине скромно, -
Я уже весь запылал, видя стыдливость ее...
...Юный я возраст ценю, но тронут м более зрелым:
Эта красою милей, та подкупает умом...
Словом, какую ни взять из женищин, хвалимых в столице,
Все привлекают меня, всех я добиться хочу!*

(Перевод С.В. Шервинского)

(Стихотворения и поэмы Овидия, кроме оговоренных случаев, цитируются по изданию: Овидий. Элегии и малые поэмы. М.: Худож. лит., 1973.)

И все-таки не следует так уж полагаться на правдивость слов молодого поэта, памятуя о том, что литература и реальная жизнь - явления далеко не тождественные или сравнив с только что приведенным фрагментом элегии строку позднего Овидия, взятую эпиграфом к этой главе: "Муза игрива моя, жизнь безупречно скромна". Хотя и это заявление тоже вряд ли полностью правдиво, ибо молодость поэта действительно проходила и за работой, и в веселых светских развлечениях, что подтверждается хотя бы двумя неудачными браками поэта. Лишь третий, заключенный уже сорокашестилетним Овидием с

представительницей одного из самых знатных родов Рима, Фабией, был удачным, или, вернее, мог бы таковым стать, если бы не удар судьбы.

Но не будем забегать вперед и вернемся к ранним элегиям Овидия. "Мне по душе время, в котором живу!" - заявляет поэт, и это правда, поскольку не одна лишь слава питает поэта, но прежде всего, тот воздух, которым он дышит. А.А. Блок, определяя причины гибели Пушкина, сказал, что его убило прежде всего отсутствие воздуха. А вот Овидию было чем дышать в Риме, было чем любоваться, было что любить и воспевать. К тому же, по характеру это был человек оптимистичный и ироничный, и, читая его ранние произведения, испытываешь ощущение "вкусности", даже "смачности", с которой Овидий живет, любит, пишет.

Кажется, что Овидий ничего не придумывает, ничего нового в литературу не вносит. Все элегические темы и мотивы уже были у Катулла, у Тибулла, у Проперция. Да разве можно сравнить Коринну Овидия с Лесбией Катулла? Что мы узнали о подруге Овидия из его стихов? Какая она? Какие чувства вызывала у поэта?

Иль не прекрасна она, эта женщина? Иль не изящна? Или всегда не влекла пылких желаний моих?..

Мучается ли Овидий, страдает ли, любит ли ненавидя?

Нет. Ничего этого в стихах его мы не найдем. Зато найдем великолепную риторичность, часто доводимую до абсурда, до иронии, до пародии. Стоп. Вот это и есть то новое, что внес молодой Овидий в мировую литературу.

Слово М.Л. Гаспарову:

"Он не синтезирует, а расчленяет картину мира, заботится не о создании гармонического целого, а об исчерпывающей разработке частных тем, выступает не открывателем нового, а комбинатором уже открытого. Он соперничает уже не с греческими, а с римскими классиками... Задача создания латинского поэтического языка и стиха перед ним уже не стоит... он экспериментирует не над словом, а над образами и мотивами, стараясь извлечь максимум художественного эффекта из уже использованного в литературе материала... И у Тибулла, и у Проперция были стихи-монологи перед запертой дверью возлюбленной, но у тех дверь была поводом, а любовь - темой, у Овидия же дверь и привратник сами становятся темой; и когда все вариации этой темы исчерпаны, поэт с патетическими восклицаниями удаляется прочь, вместо того чтобы коченеть на пороге до зари, как полагается элегическому любовнику. Гипербола оборачивается иронией". (История всемирной литературы. Т. 1. С. 471.)

Точно так же Овидием разрабатываются в иронично-риторическом плане и другие темы лирической поэзии. Например, Катуллов плач по воробью Лесбии (здесь это плач по умершему попугаю Коринны, пародирующий пафос надгробных речей) или гимн украшению (перстню), подаренному возлюбленной. О чем бы ни писал Овидий, он везде идет дальше предшественников, он везде многословней, откровенней, даже там, где это небезопасно. Такова и его дидактическая поэзная трилогия "Наука любви", "Притирания для лица", "Лекарство от любви". В первой из них рассказывается

как найти, завоевать и удержать подругу. Во второй - как быть красивой. В третьей - как излечиться от любви. Вам это ни о чем не напоминает? Конечно же - это пародия на учебник риторики: отыскать тему - разработать - усвоить (добиться, чтобы усвоили слушатели). "Вершиной овидиевской иронии" называет эти поэмы М.Л. Гаспаров в цитируемой выше работе. И "вершиной овидиевской эротики".

"И в этом жанре до Овидия, - продолжает ученый, - существовали дидактические поэмы о пустяках, вроде игры в мяч или волчок, существовали изложения науки любви в греческой прозе, но сделать из этого блестящую картину римской светской жизни и блестящее издевательство над литературными канонами мог лишь Овидий". В качестве примера приведем фрагмент из "Науки любви" о том, как женщинам следует скрывать свои физические недостатки и о "науке смеяться".

*Редко встречаешь лицо без изъяна. Скрывайте изъяны
В теле своем и лице, если под силу их скрыть!
Если твой рост невелик и сидящей ты кажешься, стоя,
Вправду побольше сиди или побольше лежи;
А чтобы, лежа, не дать измерять себя взорам нескромным,
Ты и на ложе своем тканями ноги прикрой.
Если ты слишком худа, надевай потопище одежду
И посвободней раскинь складки, повисшие с плеч;
Если бледна, то себя украшай лоскутами багрянца,
Если смугла - для тебя рыбка на Фаросе есть.
Ножку нескладного вида обуй в башишечок белоснежный;
Голеню, что слишком худа, всю ремешками обвей.
Слишком высокие плечи осаживай тонкой тесьмой;
Талию перетянув, выпуклей сделаешь грудь.
Меньше старайся движениями рук помогать разговору,
Ежели пальцы толсты или же ноготь кривой.
Не говори натошак, если дух изо рта нехороший,
И постарайся держать дальше лицо от лица.
А у которой неровные, темные, крупные зубы,
Та на улыбку и смех вечный положит запрет.
Трудно поверить, но так: смеяться - тоже наука,
И для красавицы в ней польза немалая есть.
Рот раскрывай не во всю ширину, пусть будут прикрыты
Зубы губами, и пусть ямочкой ляжет щека.
Не сотрясай без конца утробу натужливым смехом -
Женственно должен звучать и легкомысленно смех.
А ведь иная, смеясь, неумело коверкает губы,
А у иной, на беду, смех на рыданье похож,
А у иной получается смех завыванием грубым,
Словно ослица ревет, жернов тяжелый взвалив.
Что не подвластно науке? И смех подвластен, и слезы -
Каждая знает для слез время, и меру, и вид.*

(Пер. М.Л. Гаспарова)

Это была "Наука любви". А вот и лекарство от нее же:

Было со мною и так: не умел разлюбить я красотку,

Хоть понимал хорошо пагубу этой любви...

"Тут-то меня и спасло исчисление ее недостатков -

Средство такое не раз было полезней всего.

Я говорил: "У подружки моей некрасивые ноги!"

(Если же правду сказать, были они хороши.)

Я говорил: "У подружки моей неизящные руки!"

(Если же правду сказать, были и руки стройны.)

"Ростом она коротка!" (А была она славного роста.)

"Слишком до денег жадна!" (Тут-то любви и конец!)

Всюду хорошее смежно с худым, а от этого часто

И безупречная вещь может упреки навлечь.

Женские можешь достоинства ты обратить в недостатки

И осудить, покривив самую малость душой.

Полную женищину толстой зови, а смуглую - черной,

Если стройна - попрекни лишней ее худобой,

Если она не тупица, назвать ее можно нахалкой,

Если пряма и проста - можно тупицей назвать.

Больше того: коли ей отказала в каком-то уменье

Мать-природа, - проси это уменье явить.

Пусть она песню споет, коли нет у ней голоса в горле.

Пусть она в пляску пойдет, если не гнется рука;

Выговор слыша дурной, говори с нею чаще и чаще;

Коль не в ладу со струной - лиру ей в руки подай;

Если походка плоха - пускай тебя тешит ходьбою;

Если сосок во всю грудь - грудь посоветуй открыть;

Ежели зубы торчат - болтай о смешном и веселом,

Если краснеют глаза - скорбное ей расскажи.

Очень бывает полезно застичь владычицу сердца

В ранний утренний час, до наведенья красы.

Что нас пленяет? Убор и наряд, позолота, каменья;

Женищина в зрелище их - самая малая часть.

Впору бывает спросить, а что ты, собственно, любишь?

Так нам отводит глаза видом богатства Амур.

Вот и приди, не сказавшись: застигнешь ее безоружной,

Все некрасивое в ней разом всплывет напоказ.

Впрочем, этот совет надлежит применять с осмотреньем:

Часто краса без прикрас даже бывает милей.

Не пропусти и часов, когда она вся в притираньях:

Смело пред ней появись, стыд и стесненье забыв.

Сколько кувшинчиков тут, и горшочков, и пестрых вещичек,

Сколько тут жира с лица каплет на теплую грудь!

Запахом это добро подобно Финеевой снеди:

Мне от такого подчас трудно сдержатъ тошноту.

(Пер. М.Л. Гаспарова).

Вчитались? Действительно, иронией пронизана каждая строка этих только кажущихся серьезными поэм. Впрочем, молодой Овидий сочинял и серьезные вещи. Таковы "Героиды" - сборник писем в стихах, написанных от имени мифологических героинь к мужьям, находящимся с ними в разлуке. В риторике такие упражнения были общим местом, в поэзию их впервые ввел Овидий. В пятнадцати стихотворениях поэт поразил читателей своей неистощимой способностью к вариации по сути одной-единственной темы несчастной любви. Блистательно раскрыв психологию любящей женщины, Овидий все подчинил ей: пейзаж, сюжет, наконец сам миф, раскрывая его именно с точки зрения героини. Здесь же поэт впервые с блеском продемонстрировал свою обширную эрудицию, используя труды Гомера, греческих трагиков, лириков, эллинистическую поэзию и римскую классику. Причем, ряд мифов, обработанных Овидием, почерпнут им буквально "из ничтожных намеков... эпоса". (И.М. Тронский. История античной литературы. С. 393.)

Героинями этих стихотворений стали Пенелопа, Брисеида, Федра, Дидона, Ариадна, Медея, Сапфо и др. Уже из перечисления ясно, что, развивая одну тему, Овидий показывает совершенно различные ее варианты, как различны и сами корреспондентки: скромная и верная Пенелопа, сжигаемая страстью Федра, мстительная Медея и т.д.

Эта книжка вызвала лавину подражаний и ответных "писем героев" к супругам. А сам Овидий в это время создавал не дошедшую до нас, но считавшуюся лучшей в его время трагедию "Медея".

Освоив крупный жанр, тридцатилетний поэт обращается к эпосу и создает свои грандиозные труды - поэмы "Метаморфозы" и "Фасты" ("Календарь"). В пятнадцати гекзаметрических книгах "Метаморфоз" Овидий собрал свыше двухсот сказаний, в которых речь идет о различных превращениях от сотворения мира, т.е. превращения хаоса в космос, до обожествления Цезаря. Все это составлено в единое целое по хронологическому принципу. Там, где хронология не помогала, Овидий либо располагал сказания по циклам (аргонавтика, подвиги Геракла, история Энея и его потомков...), либо объединял сюжетно близкие мифы, либо монтировал сказания, вводя одно в другое посредством вставного рассказа какого-нибудь действующего лица, демонстрируя филигранное мастерство композиции. И все же определенная пестрота остается, ведь Овидий прежде всего лирик. Как Чехов был преимущественно рассказчиком, а Достоевский - романистом, так Вергилий обладал, условно говоря, романым, эпическим мышлением, Овидий же - лирическим, новеллистическим.

Мастерство "композитора" проявляется у Овидия прежде всего в том, как он чередует длинные сцены с короткими, намеренно ставя рядом серьезные и легкие по настроению эпизоды, монологи и диалоги и т.п. Юмор неизменно сопровождает читателя этой поэмы, боги и герои которой осовременены и напоминают читателю его самого, или соседа и в то же время автор успевает поговорить и о серьезных вещах, например, изложить "учение пифагорейцев о

вечной изменчивости материи и вечной неизменности перевоплощающейся души" (М.Л. Гаспаров).

Мифы о Фазтоне, Персее и Андромеде, Дедале и Икаре, Орфее и Эвридике, Филемоне и Бавкиде, Венере и Адонисе и многие-многие другие впервые подробно и художественно были рассказаны именно в этой поэме Овидия. Все то, что мы с детства знаем в пересказах Н. Куна, Ф. Зелинского и других авторов, почерпнуто ими из "Метаморфоз". Более того, "это - сокровищница, из которой черпали свои сюжеты сотни тысяч стихотворений и поэм, картин и статуй" поэты, писатели, художники и скульпторы всех времен и народов. Когда мы выходим из детства и уже вполне разумными людьми возвращаемся к античной культуре, лучше всего открыть "Метаморфозы" Овидия и "вчитаться в этот калейдоскоп людей и богов - в эти истории, рассказанные с веселым скепсисом и подчеркиванием любовной стороны дела, отделанные с таким терпеливым искусством, которое не по плечу обыкновенному ремесленнику" (В. Дюрант).

Откроем же и мы с вами эту мифологическую энциклопедию, равной которой не найти во всей античной литературе, и прочтем одно из сказаний - сказание об Арахне. Наш выбор объясняется тем, что миф этот у широкого читателя, что называется, "не на слуху", между тем как в современном литературоведении он играет значительную роль. В частности, новосибирский филолог В.В. Мароши в своей кандидатской диссертации пишет: "Архетип (Архетип - прообраз, идея, изначальный мотив.) Арахны предоставил русской литературе уникальные возможности реализации русского архетипа царя-поэта и поэта-живописца, где поэт и писатель компенсируют свою маргинальность (Здесь - предельность, ограниченность.) и недостаточную реализованность живописи в создании словесно-визуального портрета".

Этот сложный для понимания пассаж ученого можно перевести на удобопонятный язык следующим образом: все в культуре имеет свои истоки, к которым время от времени следует обращаться. Так, еще в античности были придуманы мифы, мотивы, которые способны объяснить нам не только древних, но и самих себя. Мотив паутины, или, точнее, паука, плетущего свою вечную паутину, превосходно накладывается на творчество русских писателей, не владеющих кистью живописца, но восполняющих этот недостаток плетением паутины словесной, т. е. созданием великолепных словесных портретов, представляющих читателю персонажей зримо, отчетливо, ясно и еще более того, не статично, а во временных и житейских переменах. Тот же мотив позволяет глубоко проанализировать и тему творца ("Ты - царь! Живи один." Пушкин), создающего собственные миры - плетущего свои паутины - в романах, поэмах и пр.

Итак, кто же она, Арахна? Откроем шестую книгу "Метаморфоз" Овидия в переводе С.В. Шервинского.

*В мысли пришла ей судьба меонийки Арахны. Богиня
Слышала, что уступить ей славы в прядильном искусстве
Та не хотела. Была ж знаменита не местом, не родом -
Только искусством своим. Родитель ее колофонец
Идмон напityвал шерсть фокейской пурпурною краской.
Мать же ее умерла, - а была из простого народа.
Ровня отцу ее. Дочь, однако, по градам лидийским
Славное имя себе прилежаньем стяжала, хоть тоже,
В доме ничтожном родясь, обитала в ничтожных Гипепах.
Чтобы самим увидеть ее труд удивительный, часто
Нимфы сходились к ней из родных виноградников Тмола,
Нимфы сходились к ней от волн Пантокла родного.
Любо рассматривать им не только готовые ткани, -
Самое деланье их: такова была прелесть искусства!
Как она грубую шерсть поначалу в клубки собирала,
Или же пальцами шерсть разминала, работала долго,
И становилась пышна, наподобие облака, волна.
Как она пальцем большим крутила свое веретене,
Как рисовала иглой - видна ученицы Паллады.
Та отпирается, ей и такой наставницы стыдно.
"Пусть поспорит со мной! Проиграю - отдам что угодно".
Облик старухи приняв, виски посребрив сединою
Ложной, Паллада берет, - в поддержку слабого тела, -
Посох и говорит ей: "Не все преклонного возраста свойства
Следует нам отвергать: с годами является опыт.
Не отвергай мой совет. Ты в том домогаешься славы,
Что обрабатывать шерсть всех лучше умеешь из смертных.
Перед богиней склонись и за то, что сказала, прощенья,
Дерзкая, слезно моли. Простит она, если попросишь".
Искоса глянула та, оставляет начатые нити;
Руку едва удержав, раздражение лицом выражая,
Речью Арахна такой ответила скрытой Палладе:
"Глупая ты и к тому ж одряхлела от старости долгой!
Жить слишком долго - во вред. Подобные речи невестка
Слушает пусть или дочь, - коль дочь у тебя иль невестка.
Мне же достанет ума своего. Не подумай, совета
Я твоего не приму, - при своем остаюсь убеждение.
Что ж не приходит сама? Избегает зачем состязанья?
"Ей же богиня, - "Пришла!" - говорит и, образ старухи
Сбросив, явила себя. Молодицы-мигдонки и нимфы
Пали пред ней. Лишь одна не трепещет Арахна.
Все же вскочила, на миг невольным покрылось румянцем
Девы лицо и опять побледнело. Так утренний воздух*

Алым становится вдруг, едва лишь займется Аврора,
И чрез мгновение вновь бледнеет при солнца восходе.
Не уступает она и желаньем своим безрассудным
Гибель готовит себе. А Юпитера дочь, не противясь
И уговоры прервав, отложить состязанья не хочет.
И не замедлили: вот по разные стороны стали,
Обе на легкий станок для себя натянули основу...
...Обе спешат и, под грудь подпоясав одежду, руками
Двигают ловко, забыв от старания трудность работы.
Ткется пурпурная ткань, которая ведала чаны
Тирские; тонки у ней, едва различимы оттенки.
Так при дожде, от лучей преломленных возникая, мощной
Радуга аркой встает и пространство небес украшает.
Рядом сияют на ней различных тысячи красок,
Самый же их переход ускользает от взора людского.
Так же сливаются здесь, - хоть крайние цветом отличны.
Вот вплетаются в ткань и тягучего золота нити,
И стародавних времен по ткани выводится повесть.
Марсов Тритония холм на Кекроповой крепости нитью
Изображает и спор, как этой земле нарекаться.
Вот и двенадцать богов с Юпитером посередине
В креслах высоких сидят, в величавом покое. Любого
Можно по виду признать. Юпитера царственен образ.
Бога морей явила она, как длинным презубцем
Он ударяет скалу, и уж льется из каменной раны
Ток водяной: этим даром хотел он город присвоить.
Тут же являет себя - со щитом и копьем заостренным;
Шлем покрывает голову; эгида ей грудь защищает.
Изображает она, как из почвы, копьем прободенной,
Был извлечен урожай плодоносной серебристой оливы.
Боги дивятся труду. Окончанье работы - победа.
А чтоб могла увидеть на примере соперница славы,
Что за награду должна ожидать за безумную дерзость, -
По четырем сторонам - состязанья явила четыре,
Дивных по краскам своим, и фигуры людей поместила.
Были в одном из углов фракийцы Гем и Родопа,
Снежные горы теперь, а некогда смертные люди, -
Прозвища вечных богов они оба рискнули присвоить.
Выткан с другой стороны был матери жалких пигмеев
Жребий: Юнона, ее победив в состязанье, судила
Сделаться ей журавлем и войну со своими затеять.
Выткала также она Антигону, дерзнувшую спорить
С высшей Юноной самой, - Антигону царица Юнона
Сделала птицей; не впрок для нее Илион оказался
С Лаомедонтом отцом, и пришлось в оперении белом
Аисту - ей - восхищаться собой и постукивать клювом.

Угол оставшийся был сиротеющим занят Киниром.
Храма ступени обняв, - родных дочерей своих члены! -
Этот на камне лежит и как будто слезами исходит.
Ткани края обвела миротворной богиня оливой:
Как подобало ей, труд своею закончила ветвью.
А меонийки узор - Европа с быком, обманувшим
Нимфу: сочтешь настоящим быка, настоящим и море!
Видно, как смотрит она на берег, покинутый ею,
Как она кличет подруг, как волн боится коснуться,
Вдруг подступающих к ней, и робко ступни поджимает.
Выткала, как у орла в когтях Астерия бьется;
Выткала Леду она под крылом лебединым лежащей,
Изобразила еще, как, обличьем прикрывшись сатира,
Парным Юпитер плодом Никтеиды утробу наполнил;
Амфитрионом явясь, как тобой овладел он, Алкмена;
Как он Даная дождем золотым, Асопиду - огнями,
Как Деониду змеей обманул, пастухом - Мнемозину.
Изобразила, как ты, о Нептун, в быка превратившись,
Деву Эолову взял, как, вид приняв Энипея,
Двух Алоидов родил, как баран - обманул Бизальтиду.
Кроткая Матерь сама, с золотыми власами из злаков,
Знала тебя как коня; змеевласая мать Пегаса
Птицею знала тебя, дельфином знала Меланта;
Всем надлежащий им вид придала, и местности тоже.
Изображен ею Феб в деревенском обличи; выткан
С перьями ястреба он и с гривой льва; показала,
Как он, явясь пастухом, обманул Макарееву Иссу;
Как Эригону провел виноградом обманчивым Либер,
И как Сатурн - жеребец - породил кентавра Хирона
. Край же ткани ее, каймой окружавшийся узкой,
Приукрашали цветы, с плющем сплетенные цепким.
И ни Паллада сама не могла опорочить, ни зависть
Дела ее. Но успех оскорбил белокурую Деву:
Изорвала она ткань - обличенье пороков небесных!
Бывшим в руках у нее челноком из киторского бука
Трижды, четырежды в лоб поразила Арахну. Несчастья
Бедная честь не могла и петлей отважно сдавила
Горло. Но, сжалась, ее извлекла из веревки Паллада,
Молвив: "Живи! Но и впредь - виси, негодяйка! Возмездье
То же падет, - чтобы ты беспокоилась и о грядущем, -
И на потомство твое, на внуков твоих отдаленных".
И, удаляясь, ее окропила Гекатиных зелий
Соком, и в этот же миг, обрызганы снадобьем страшным,
Волосы слезли ее, исчезли ноздри и уши,
Стала мала голова, и сделалось крохотным тело.
Нет уже ног, - по бокам топорщатся тонкие ножки;

*Все остальное - живот. Из него тем не менее тянет
Нитку Арахна - паук продолжает плести паутину*

(Овидий. Собрание сочинений: В 2 т. СПб.: Биографический институт "Студия Биографика", 1994. Т. 2. С. 119 - 122.)

О чем ведет речь поэт? О наказании за гордыню? Конечно. Но не только. Ведь симпатии его явно на стороне прекрасной мастерицы Арахны. Посмотрите, сколько строк посвящено ее произведению, насколько оно интереснее и богаче картины, вытканной Афиной. И о чем рассказывает нам картина Арахны? За что, собственно, наказала ее богиня? За гордыню? Пожалуй, нет. За горькую правду искусства, показавшую высшим силам их истинное лицо.

Точно так же и в других мифах внимание Овидия сосредоточено на человеке, на силе его любви и творческого волшебства.

Скульптор Пигмалион изваял фигуру прекрасной женщины... и влюбился в нее так сильно, что силой чувств своих оживил статую! Так сила человеческого искусства и любви "вочеловечивает" и одухотворяет неживую природу. Так создаются нерукотворные памятники:

*Лучшею частью своей, вековечен, к светилам высоким
Я вознесусь, и мое нерушимо останется имя.
Всюду меня на земле, где б власть ни раскинулась Рима,
Будут народы читать, и на вечные веки, во славе -
Ежели только певцов предчувствиям верить - пребуду.
(Пер. С.В. Шервинского).*

И это так. Овидия читают и очень внимательно. Великий драматург XX века Бернард Шоу прочитал историю Пигмалиона и создал замечательную пьесу, перенеся место и время действия в современную ему Британию. Пьеса его затем была переделана в мюзикл композитором Ф. Лоу, и сейчас всякий знает и любит ее по фильмам и спектаклям, которые, как правило, носят название "Моя прекрасная леди".

Но не только мифы пересказывал Овидий в своей поэме. Он осветил в ней и человеческую историю. Четыре века, говорит Овидий, прожило человечество: счастливый первый век - золотой - когда не было ни войн, ни засух, когда круглый год стояла прекрасная пора весны; второй - серебряный - век начался тогда, когда власть над миром захватил Юпитер и разделил год на четыре сезона. За весной последовало знойное лето, мокрая осень и холодная зима. Плоды перестали падать к ногам человека, и ему пришлось тяжело трудиться, чтобы вырастить урожай и построить жилища, в которых можно было бы укрыться от зимней стужи. Правда, мир царил еще на земле в этот век. Зато в следующем - бронзовом - веке в мир пришла война. Время, в которое мы живем, Овидий определил как четвертый - железный - век, полный жестокости и преступлений, разобщения людей друг с другом и с природой, век гражданских и международных войн. Это тему продолжали многие писатели, в том числе и русские. Вот как, например, в начале XX века нашей эры развивал ее Александр Блок в неоконченной поэме "Возмездие":

*Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!..
...Тот век немало проклинали
И не устанут проклипать.
И как избыть его печали?
Он мягко стлал - да жестко спать...
Двадцатый век... Еще бездомней,
Еще страшнее жизни мгла
(Еще чернее и огромней
Тень Люциферова крыла)...
...И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь,
И страсть, и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...*

Одновременно с "Метаморфозами" Овидий писал и другую большую поэму - "Фасты", или "Месяцеслов", которая должна была стать подробным, тоже энциклопедическим комментарием к римскому календарю. Из двенадцати задуманных книг поэт успел написать только шесть, зато расписал эти месяцы буквально по дням. Подобную работу в римской поэзии начинал уже Проперций, создав несколько элегий, посвященных праздничным дням. Овидий же дал всеобъемлющую панораму римской жизни, ее будней и праздников. "Фасты" должны были служить как бы обратной стороной "Метаморфоз": противопоставить мифологии реальность. Основное содержание поэмы - римские праздники, их происхождение, мифологические корни и т.д. И здесь Овидий остается самим собой, наиболее ярко описывая любовные чувства мифологических и легендарных персонажей. В "Фастах" изложена и история Лукреции, о которой мы упоминали в первой главе этой книжки. В "Фастах" же рассказана история певца Ариона, которую спустя два тысячелетия использовал Пушкин в одном из лучших своих политических стихотворений.

Чтобы избежать монотонности изложения, Овидий и здесь использует диалоги и рассказы на интересующие его темы, вкладываемые им в уста богов, Муз и других персонажей поэмы. Итак, достигнув поэтической и человеческой зрелости, обретя заслуженную славу, живя в счастливом браке открытым и полным гостей и друзей домом, находившемся в центре Рима, Овидий, казалось, мог бы пройти свой оставшийся путь в мирной спокойной жизни, занимаясь любимым делом и воспитывая внуков, но... наступил черный для него 8 г. от Рождества Христова.

*Вот наградой какой мой труд бессонный отмечен:
Я дарованьем своим лишь наказанье добыл.*

Император лично вызвал к себе поэта и сообщил ему о том, что Овидий должен отправиться в пожизненную ссылку в захолустный полуварварский городишко Томы на дальней окраине империи и находиться там безвыездно. Пятидесятилетний поэт получил смертельный удар от власти. За что? Причина ссылки не ясна до сих пор. Формально - за аморализм ранних любовных элегий и "Науки любви". Но что-то слишком уж запоздалое наказание. Сам Овидий в поздних стихах говорит:

Два преступленья сгубили меня, стихи и проступок.

Какой? Тоже трудно сказать. Предположений за две тысячи лет было множество, но ни одно не является совершенно убедительным. Есть лишь исторический намек. Одновременно с Овидием в ссылку была отправлена за развратную жизнь внучка императора Юлия. Август старел, вновь начинала разгораться пока еще закулисная борьба за власть, в которой погибли один за другим юные наследники императора. Жертвой чего пал Овидий? Связи с Юлией? Маловероятно. Каких-то грязных историй, связанных с императрицей Ливией, свидетелем которых он мог быть? Возможно. Скорее всего, поэт был подставлен, как пешка, в игре власть предержащих, которые прикрыли истинные причины изгнания формальным обвинением в непристойности "Науки любви", опубликованной десятью годами раньше.

Как это обычно бывает, друзья отвернулись от опального поэта, в защиту его никто не выступил. Холодным декабрьским днем Овидий ступил на борт корабля, увозящего его навсегда от всего, что он любил, чем жил, о чем пел. В море его застигла буря, поэт едва не погиб, а когда сошел на берег и увидел Томы, то, вероятно, пожалел о том, что не погиб. Городишко этот был населен греками и местными даками, окружали его племена еще почти совсем диких сарматов, воинственных и жестоких, часто совершавших набеги на ближние селения. Поэту на старости лет пришлось впервые взять в руки меч, чтобы вместе с местными легионерами отражать нападения сарматов. Жил он в маленьком темном домишке, питался непривычной едой, пил гнилую воду. Особенно тяжким было для Овидия отсутствие книг и знающих латынь собеседников...

Но жизнь продолжалась, Муза не оставляла поэта. Здесь он написал две своих последних книги: "Скорбные элегии" и "Послания с Понта", отсюда посылал он императору умоляющие о прощении письма, но прощения так и не дождался, а выучил местный язык, сочинял стихи на местном наречии и сблизился наконец с жителями Том. Он лечил их, учил их детей, давал полезные советы. Овидий был добрым человеком, и люди это быстро поняли. Его освободили от всех налогов, единственного чужеземца, его наградили лавровым венком после поэтического выступления на местном празднике, а когда он совсем состарился, местные жители не оставляли его своими заботами и вниманием.

*В горькой моей судьбе вы меня обласкали, согрели...
Даже родной мой Сульмон не был так добр ко мне...*

Когда в 18 г. н.э. 60-летний Овидий умер, великому поэту и доброму человеку на земле его изгнания поставили бронзовый памятник. А что же Рим? Официальный Рим продолжал жить так, будто Овидия никогда и не было.

Но ни один латинский, а позже и европейский писатель уже не обходился без его творчества. Ни без раннего, веселого, легкого, ироничного, в котором блестяще отразилось, в общем-то, уникальное для поэта свойство - приятие, даже всеприятие мира; ни без зрелого, всеохватного, ставшего подлинной энциклопедией античности; ни без позднего, трагического, в котором есть и проклятия миру и ностальгический автобиографизм и коленопреклонение перед властью, но самое главное - подлинная, трепетно рассказанная личная, человеческая трагедия.

Кстати, наш Пушкин, любивший Овидия более других латинских поэтов, видевший некую тождественность в собственной и Овидиевой судьбе, чрезвычайно высоко ценил именно поздние стихи античного поэта: "Книга Tristium ("Скорбных элегий" - В.Р.), - писал он, - выше, по нашему мнению, всех прочих сочинений Овидия (кроме "Превращений"). Героиды, элегии любовные и сама поэма Ars amandi ("Наука любви" - В.Р.), мнимая причина его изгнания, уступают элегиям понтийским. В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. Сколько яркости в описании чуждого климата и чуждой земли, сколько живости в подробностях! И какая грусть о Риме! Какие трогательные жалобы!". (А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. М.;Л., 1949, т. 12. С. 84.)

Но, думается, не столько параллели судьбы объединяют Пушкина и Овидия, сколько именно эта всеприемлемость мира, оптимистичность мировоззрения, легкость языка, чувствительность и ироничность, любовь к сказке, мифу, а значит, и к человеку, истинный, а не декларируемый гуманизм. И - общий, хотя и у каждого свой, золотой век, который Пушкин в русской литературе открывал, а Овидий в латинской - завершал.

Оба поэта создали себе нерукотворные памятники. И время оправдало их пророчества о вечной славе. Как без Пушкина немыслима русская словесность, так без Овидия непредставима мировая литература. Влияние Овидия не уступало, а в широких читательских массах всегда превосходило влияние Вергилия. Вергилий и Овидий для поэзии - то же, что Платон и Аристотель - для философии.

Идеями и мотивами Вергилия и Овидия пронизана вся европейская культура. Как и Вергилий, Овидий был предметом легенды. В средние века "Метаморфозы" считались "языческой библией" и вместе с "Героидами" служили щедрым источником и для лирики трубадуров и для труверского рыцарского романа; "Наука любви" учила любить и говорить о любви всю Европу, вдохновляла странствующих деклассированных поэтов-вагантов; эпоха Возрождения еще больше почерпнула из Овидия: Боккаччо и Тассо, Чосер и Спенсер разрабатывали его мотивы, живописцы создавали свои шедевры на овидианские темы; классицизм учился у него галантности поведения и

одновременно преклонялся перед ним как перед прекрасным рассказчиком; романтики, не меньше учившиеся и черпавшие у Овидия, отвергали его внешнее легкомыслие, а XX век вдруг, словно очнувшись, увидел в нем предтечу собственного психологизма и, изумившись благородству и доброте древнего поэта, тихо повторил его одновременно трагические и оптимистические слова:

*Муза, спасибо тебе! Ибо ты утешенье приносишь,
Отдых даешь от тревог, душу приходишь целить...*

Вопросы

1. Можно ли считать, что судьба Овидия и судьба Пушкина действительно похожи? Как разрабатывается тема "Поэт и царь" в творчестве того и другого?
2. Какой период творчества Овидия вам ближе?
3. Как вы думаете, почему Пушкин так высоко оценивал именно поздние произведения Овидия?
4. Что такое архетип?
5. Как вы поняли слова В.В. Мароши о влиянии архетипа Арахны на творчество русских писателей?
6. Какова, по-вашему, разница в разработке темы "нерукотворного памятника" у Горация, Овидия и Пушкина?

*Самое двойственное выражение
стоической философии - это жизнь,
ее самое совершенное воплощение -
писания Луция Аннея Сенеки.*

Вил Дюрант. Цезарь и Христос.

Они рабы? Но они и люди.

Они рабы? Но они и соседи.

Они рабы? Но они и скромные друзья.

*Они рабы? Но они твои сотоварищи по рабству, если вспомнить, что все мы
одинаково находимся в рабстве у судьбы.*

Луций Анней Сенека. Письма к Луцилию.

Как вы помните из истории, структура империи, созданной Августом, так называемый "принципат", просуществовала после его смерти более двухсот лет. Это, в общем, была военная диктатура, единственная власть, которая могла удержать распадающееся рабовладельческое общество. И сами императоры, и знать часто мало соответствовали званию лидеров общества, столица империи постепенно уступила реальную экономическую инициативу провинциям, сама же утопала в роскоши и политических интригах. Все это не могло не сказаться на культуре. Наука ослабела даже в Греции, тем более - в Риме, где она никогда и не была сильной. Научные труды, создававшиеся в это время, представляли собой чисто компилятивные сочинения, как, например, "Естественная история" в 37 книгах Плиния Старшего,

Значительно усилилось влияние мистицизма, с которым философия отнюдь не боролась, но даже поощряла его. Литература обратилась к теме частной жизни, приправленной все тем же мистицизмом, хотя и дала, конечно, ряд прекрасных писателей. Мистицизм сосуществовал с критицизмом, Апулей с Ювеналом. В общем, налицо были все те черты, которые характерны для "серебряного" века культуры в любое время и в любом обществе.

Мы уже говорили о том, что излюбленными философскими учениями в Риме были стоицизм и эпикурейство. Крупнейшим представителем стоицизма I в. н.э. является ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА, "миллионер-мудрец", по выражению В. Дюранта, одаренный поэт и драматург, оказавший колоссальное влияние на драматургию Европы Нового времени и ниспровергаемый критикой столько же, сколько и цитируемый в качестве образца Шекспиром и классицистами.

Сенека - один из тех писателей, чья жизнь и личность в целом интереснее творчества. Случается и такое в литературе. Поэтому уделим его биографии должное место.

Он родился в Кордубе около 4 г. до н.э. в семье видного ритора и историка, получил блестящее образование сначала у отца, потом в Риме у самых известных тогда стоиков и пифагорейцев, а затем получил уроки практической политики у своего дяди, бывшего римским правителем в Египте. Человек слабого здоровья, часто вынужденный придерживаться вегетарианской диеты,

он страдал астмой и часто задумывался о самоубийстве, так как, несмотря на свое огромное состояние, отнюдь не мог позволить себе соответствующего состоянию образа жизни. Но, думается, что воздержанность все же соответствовала его взглядам, поскольку, вопреки окружающим его нравам, он жил в редком согласии со своей супругой и, будучи воспитателем юного наследника трона Нерона, максимально способствовал первому спокойному пятилетию его правления.

В начале своей деятельности он занимался юриспруденцией и оставил ее, лишь унаследовав отцовское состояние. Калигула и Клавдий не жаловали Сенеку, а последний надолго сослал его на захолостную Корсику. Подобно Овидию в Томах, Сенека провел здесь восемь лет. По-видимому, на Корсике и были написаны его трагедии, о которых речь впереди.

Сменившаяся власть возвратила Сенеку в Рим. В течение пяти лет он был воспитателем наследника, а затем еще пять практически руководил государственной политикой. В эти годы им созданы несколько философских трактатов, излагающих стоическую философию: "О гневе", "О краткости жизни", "О постоянстве мудреца" и др. Помимо того, Сенека приумножал свое состояние путем ссужения денег провинциалам под невиданно высокие проценты, чем вызвал бурю негодования у современников, когда оно (состояние) дошло до безумной цифры трехсот миллионов сестерциев (30 000 000 долларов). Его называли "лицемером, прелюбодеем, распутником; человеком, который порицает придворных и не покидает дворца; который порицает роскошь и выставляет напоказ пятьсот обеденных столов из кедра и слоновой кости; который порицает богатство и разоряет провинции своим лихоимством". Может быть, и не все обвинения были правдивы, но справедливы по сути: стоики-то учили терпению и нищенству. Впрочем, Сенека не гневался, а терпеливо отвечал своим хулителям в том смысле, что мудрец вовсе не обязан прозябать в бедности. Если богатство нажито им честным путем, что ж от него отказываться? Но и отказаться от богатства мудрец должен быть способен в любой момент без сожаления. Да ведь и жил-то он блестяще только внешне. На самом же деле, окруженный роскошью, он спал на жестких матрацах, пил только воду, любил только собственную жену и ел так мало, что к старости был совершенно истощен и напоминал скорее аскета, нежели вельможу.

Сенека никогда не переставал учиться, и в 60 лет с удовольствием посещал лекции философа Метронакта. К тому же, не слишком дорожил он и государственной деятельностью, и не раз просил освободить его от этих обязанностей. После большого пожара 64 г. он отдал большую часть своего состояния на восстановление Рима, постепенно удалился от двора, словно предчувствуя скорую гибель. Да, политика Нерона все более склонялась к необузданному и порой безумному террору, участвовать в котором Сенека не мог и не желал. В эти годы он пишет свои трактаты, посвященные естественнонаучным вопросам, а также самое лучшее свое сочинение - "Нравственные письма к Луцилию", обращенные к его молодому другу, наместнику Сицилии, поэту и философу-эпикурейцу. Книжка эта интересна для нас прежде всего не блестящим приспособлением стоицизма к нуждам

миллионера, а тем, что предвещает появление в мировой литературе нового жанра - эссе (по-французски - "опыт") на свободную тему, который станет излюбленным жанром писателей уже Нового времени: Монтеня, Бэкона, Вольтера, хотя в каком-то смысле будет развиваться уже и в творчестве древних: Плутарха и Лукиана. Для того, чтобы лучше представить "Нравственные письма" Сенеки, обратимся за помощью к В. Дюранту и процитируем некоторые фрагменты его книги "Цезарь и Христос".

"В них (в "Нравственных письмах" - В.Р.) с нами говорит Зенон, который обращается к читателю с мягкостью Эпикура и обаянием Платона... Первый урок, который нам преподает философия, сводится к тому, что мы не можем быть мудрыми во всем. Мы осколки в бесконечности и мгновения в вечности, если бы подобные нам крохотные атомы принялись описывать вселенную или Высшее Существо, планеты содрогнулись бы от хохота. Исходя из этого убеждения, Сенека не чувствует нужды в метафизике или теологии... Он видит вокруг себя разгул безнравственности... Как же освободиться от... постыдных вожделений?

Я прочел сегодня у Эпикура: "Если хочешь наслаждаться подлинной свободой, стань рабом философии". Человек, который ей покоряется, получает свободу здесь и сейчас... Тело, после того как его исцелили, часто болит опять... но разум, исцеленный однажды, излечен навсегда. Я скажу тебе, что я понимаю под здоровьем: разум здоров, когда он удовлетворен и уверен в себе, когда он осознает, что все, о чем молятся люди, все благодеяния, к которым они стремятся и которые расточают, совершенно не нужны для счастья... Я открою тебе правило, пользуясь которым ты сможешь судить о себе и о своем развитии: только тогда придешь ты в себя, когда осознаешь, что добившиеся успеха - самые жалкие из людей".

Философия - это наука мудрости, а мудрость - это искусство жить ("Искусство... жить достойно", - добавит М. Монтень спустя полтора тысячелетия, и мы в свое время к этому еще вернемся.) . Счастье - это конечная цель, путь к которой пролегает через доблесть, а не через наслаждение... Наслаждение - благо, но только в том случае, когда его можно совместить с добродетелью.

Но как же приобрести мудрость? Ты должен каждый день упражняться в ней, неважно, насколько скромны твои результаты. В конце каждого дня вспомни, как ты себя вел, как жил сегодня. (Л.Н. Толстой на заре XX века выпустит двухтомный труд "Круг чтения", который представит читателю подобранные Толстым цитаты из древних мудрецов и теологов, мудрые и нравственные мысли, с которых нужно начинать день, как с молитвы. Цитаты эти подобраны для каждого дня календарного года. Таким образом, Л.Н. Толстой как бы продолжит "Нравственные письма" Сенеки.)

Будь нетерпим к собственным недостаткам и мягок к ошибкам других. Общайся с теми, кто превосходит тебя мудростью и добродетелью. Выбери какого-нибудь общепризнанного мудреца своим невидимым советчиком и судьей. Тебе поможет чтение философов... Хорошие книги читай по несколько раз - лучше прочесть меньше хороших, чем множество плохих...

Последний урок стоицизма - презрение к трусости и добровольный выбор смерти... Если человек находит свою жизнь слишком мучительной и может

расстаться с ней, не причиняя вреда другим, ему следует предоставить право выбирать время и способ ухода самому... "Я насытился жизнью. Я жду смерти. Прощай".

Предчувствовал ли Сенека скорый конец? Наверное. Он был умным человеком и дальновидным политиком. В 65 г. Нерон обвинил его в участии в заговоре против трона и приказал покончить самоубийством. Сенека и его супруга, не пожелавшая расставаться с ним даже в смерти, вскрыли вены, и писатель скончался. Жену же его спасли против ее воли по настоянию жестокого императора.

Мужество Сенеки принесло ему великую славу в веках, как и его презрение к безнравственности и завет отвечать приветливо врагам. Христианство с легкой руки Августина, воскликнувшего: "Что такого может сказать христианин, о чем не говорил прежде этот язычник?" - приняло его в свои предтечи, Петрарка считал его прозу образцовой, Монтень испещрил цитатами из его произведения свой многотомный труд, классицисты учились у него сочинению трагедий, Ломоносов переводил фрагменты из них для своего учебника риторики, американский мыслитель и писатель Р.У. Эмерсон выбрал Сенеку в качестве невидимого советчика и судьи, как тот и предлагал Луцилию, и всю жизнь проверял по нему все свои помыслы и поступки.

В заключение - несколько слов о трагедиях Сенеки. Собственно, единого мнения о его авторстве среди ученых нет. Более того, вокруг этих пьес уже не одно столетие кипят жаркие споры. Если классицисты действительно почитали их образцовыми, то уже предромантики - от Лессинга до Шлегеля - напрочь отрицали за ними какую-нибудь художественность. Скорее всего, причина здесь в том, что автор не предназначал свои трагедии для театра, но сочинял их для собственного чтения вслух. Они очень риторичны, длинны и скучны. Действие в них уходит в разговоры, в бесконечные монологи хора и действующих лиц. В пьесах Сенеки много насилия и крови, того, что представляет собой скорее не греческий театр, а римский гладиаторский бой. В целом же в пьесах его интересны скорее идеи, чем персонажи. Наверное, это естественно для философа. Добавим, что трагедии Сенеки - единственные произведения этого жанра, дошедшие до нас после трагедий Еврипида.

Тематика их соответствует тематике греческой трагедии. Вот их названия: "Медея", "Федра", "Эдип", "Агамемнон", "Безумный Геркулес" и др. Из этого ясно, что Сенека перерабатывал, или заново составлял свои произведения на давно известные и разработанные сюжеты. Для чего? Да для того, чтобы влить в старый колодезь новую воду, т. е. выразить новые, свои, идеи в удобном, хорошо знакомом и, значит, понятном всем прежнем содержании. Это - древнейший и не устаревший до наших дней литературный прием. Михаил Булгаков, в частности, с блеском продемонстрировал его в "Мастере и Маргарите" всего полвека назад. В античном же мире, да и в Новое время вплоть до XIX века он был не просто нормой, но считался верным тоном. Впрочем, мы уже говорили о том, что вся мировая литература живет не столько реальностью, сколько реалиями собственного мира, питаясь как произведениями предшествующих поколений, так и современными.

Мы уже познакомились в свое время с "Медеей" Еврипида, поэтому нам понятны будут различия в образе, перевоссозданном латинским драматургом. Медея Сенеки не ненавидит того, кто обманул ее любовь. Она пытается вернуть Язона и предлагает ему бегство. Язон Еврипида эгоист, Язон Сенеки - усталый человек, знающий, что виноват, и робкий. К жизни его привязывает лишь любовь к детям. И Медея знает, как нанести ему самый болезненный удар. "Медея" Сенеки - трагедия о мести. Ему неинтересна критика семейной морали, не интересует его и вообще идеология. Еврипид говорит о драме обманутого человеческого чувства, о материнских страданиях. Сенека - о мести и ярости брошенной женщины. Центр тяжести переносится на волю человека. Отсюда - уменьшение количества действующих лиц, упрощение самого действия. Отсюда же - обилие патетики и нагнетание ужаса. Мир для Сенеки - "поле действия слепого, неумолимого рока, которому человек может противопоставить лишь величие субъективного самоутверждения, несокрушимую твердость духа, готовность все претерпеть и, в случае надобности, погибнуть". (И.М. Тронский. История античной литературы. С. 414.)

Сравним несколько строк из центрального монолога Медеи в разных переводах. Они и покажут нам излишнюю многословность Сенеки и позволят сопоставить три различных подхода к переводу одного и того же текста. Первый перевод (автор - В.Г. Рабинович) наиболее точно соответствует звучанию и смыслу подлинника, второй выполнен русским ученым С.М. Соловьевым и стилизован под пятистопный ямб Шекспира и Пушкина, третий - ломоносовский - дает представление о становлении русского стиха в самом его начале.

*Ударил в сердце страх, все тело холодом
Сковало, гнев погас в груди трепещущей.
Вернулась мать, прогнав жену безумную.
Моих детей, родных моих ужели же
Я кровь пролью? Уймись, о гнев безумящий!
Гнуснейший грех, злодейство небывалое,
Прочь от меня! Какое искупать им зло?
Зло, что Ясон отец им, зло страшнейшее,
Что мать - Медея. Смерть им! Не мои они.
Смерть им - они мои. От преступления
Они чисты. Но так же был и брат мой чист.
Что ты, мой дух, колеблешься? Зачем кропят
Лицо мне слезы? Для чего любовь и гнев
Рвут сердце? На волнах ношусь, бессильная.
Когда сойдутся в битве ветры быстрые,
И в море поднимают волны встречные,
Кипит пучина, - и такой же бурю
Бушует сердце. Друг над другом верх берут
То гнев, то жалость. Горе, сдайся жалости!*

*Но ужас сердце сжал, и холод - в членах,
И дрожь - в груди. Ушел куда-то гнев,
Вернулась мать, супругу прогоняя,
Ужель пролью я кровь моих детей?
О, нет! Придумай что-нибудь получше!
Пускай уйдет подальше от меня
Безбожное, неслыханное дело!
За грех какой прольют бедняжки кровь?
За то ль, что рождены они Язоном
И матерью Медеей? Пусть падут!
Ведь не мои они, пускай погибнут...
Они мои, и нет на них вины,
Они так непорочны. Это - правда...
Но разве был виновен брат? Зачем
Колеблешься, душа моя, и слезы
Кропят лицо? Зачем любовь и гнев
На части рвут взволнованную душу?
Как яростные ветры бой ведут,
Со всех сторон гоня морские волны,
И море неуверенно кипит,
Так и в моем забушевавшем сердце
Любовь и гнев друг друга гонят прочь.
Гнев, уступи любви!..*

*К неслыханному злу рука моя готова.
Примите, дети, казнь за отческу неверность.
Трепещет грудь моя и члены цепенеют!
Отходит лютость прочь: я стала снова мать.
Ах, как мне кровь пролить драгих своих детей?
Однако, не мои, пускай уже погибнут.
Ах нет, они мои! и ничему невинны!
Но равно как они, и брат невинен был.
Что зыблешься, мой дух? и слезы что текут?
Любовь влечет в страну, а гнев влечет в другую.*

По большому счету, Сенека-драматург говорит то же, что и Сенека-философ. Герои его - люди великой силы и страсти. Федра его - абсолютная обольстительница, Геракл - великий труженик и страдалец. На этих примерах он делает то же, что и в своих "Нравственных письмах" - учит жить, исследовать психологию.

"Каждая эпоха, - пишет известный филолог и переводчик с латинского С.А. Ошеров, - отбирает и своих авторов, и свое у каждого автора. Наше дело - понять, чего хотел Сенека. Он хотел писать трагедии, но так, чтобы они были соотнесены с жизнью; для этого он хотел от них пользы и правды, как сам их

понимал. В этом - и объяснение, и оправдание всех несовершенств его драматургии" (С.А. Ошеров. Сенека-драматург. В кн.: Луций Анней Сенека. Трагедии. М.: Наука, 1983).

Вопросы

1. Каковы основные положения нравственной философии Сенеки?
2. В чем смысл новых вариаций на старые темы в литературе и конкретно в трагедии Сенеки "Медея" по сравнению с одноименной трагедией Еврипида?
3. Как вы поняли, что такое эссе?

Петроний: империя наизнанку

*В моей речи улыбается веселая
грация, и язык мой вещает с ясной
прямотой о том, что делает весь народ.*

Петроний. Сатирикон.

*Это самое загадочное произведение
римской словесности.*

Вил Дюрант. Цезарь и Христос.

Если творчество Сенеки чрезвычайно серьезно и представляет собой образец римской трагедии, то роман Петрония - полная ему противоположность. Это образец тех самых сатур, о которых мы говорили в начале этой книги.

Вместе с тем, есть в жизни и творчестве этих писателей и нечто общее. Прежде всего, это авторы одного времени, если, конечно, те небольшие фрагменты "Сатирикона", которые дошли до нас, в действительности принадлежат человеку по имени ГАЙ ПЕТРОНИЙ и прозвищу АРБИТР (арбитр изящества при дворе Нерона). Далее, это авторы так называемого "нового" стиля римской литературы "серебряного" века. Стил этот назывался так в отличие от стиля Цицерона и требовал большей страстности, порывистости языка. Для "нового" стиля и вообще для литературы "серебряного" века характерно стирание границ между поэзией и прозой, проникновение поэтических средств выражения в прозу, и наоборот, в поэзию - ораторских. В это время особенно ценились остроумие, лаконизм, красота описаний.

Помимо Сенеки и Петрония к этому направлению из наиболее талантливых авторов принадлежали поэт Персий, сочинявший намеренно усложненные и запутанные сатиры, типа: "Я не полоскал своих губ в лошадином источнике и не помню, чтобы я грезил на двуверхом Парнасе" (что означает "Я не пил из источника Муз - Иппокрены, т.е. не являюсь профессиональным поэтом"), или "Умеренно жаждущая бутыл" (что значит просто "маленькая бутылка") (Вспоминается Пушкин, замечавший по поводу следующего велеречивого описания одного из наших классицистов: "Четвероногое умное, благородное, исполненное изящества..." - "Отчего не сказать просто: лошадь?"), а также поэт Лукан, о котором несколько слов мы сказали в первой части этой книжки.

Были у представителей "нового" стиля и талантливые противники. Это, прежде всего, ритор Марк Фабий Квинтилиан с огромным трактатом "Обучение оратора", в десятой книге которого дается обзор образцовой греческой и римской литературы по жанрам, и поэт ПУБЛИЙ ПАПИНИЙ СТАЦИЙ, автор эпической поэмы "Фиваиды", на сюжет "похода семерых против Фив", примыкающей к гомеров-вергилиевской традиции. Эта огромная поэма мрачного колорита не является, однако, серьезной удачей латинской литературы, чтобы подробно характеризовать ее здесь. Кроме "Фиваиды" перу Стация принадлежит ряд сборников стихотворений под общим названием "Сильвы" ("Материалы"), представляющих читателю парадный, беспроблемный Рим.

Изнанку же империи, жизнь плебса мы находим в романе Петрония "Сатириконе", о котором здесь и пойдет речь. Фигура Гая Петрония колоритно описана в "Анналах" крупнейшего римского историка ТАЦИТА. А в Новое время и в художественной литературе - в романе "Камо грядеши?" польского писателя второй половины XIX в., Нобелевского лауреата, Генрика Сенкевича. Роман последнего я рекомендую вам прочитать, а здесь мы обратимся к Тациту ("Анналы", XVI): "День он посвящал сну, ночь - делам и жизненным наслаждениям. Других приводят к славе старания, его же - бездеятельность; он не считался забулдыгой и мотом, как другие, проживающие свое состояние, но отличался утонченной роскошью. Чем вольнее были его слова и дела, чем яснее он обнаруживал свое легкомыслие, тем охотнее все это принималось за простоту души.

Однако будучи проконсулом, а вскоре затем консулом в Вифинии, он показал себя дельным и умелым в исполнении обязанностей. Затем, опять погрузившись в пороки или в подражание порокам, был принят в число немногих приближенных Нерона в качестве арбитра изящества, так что Нерон не считал ничего ни приятным, ни роскошным, пока не получал одобрения от Петрония. Отсюда зависть Тигеллина (Одного из придворных. - В.Р.) по отношению к сопернику, превосходившему его в науке наслаждений. Поэтому он воспользовался жестокостью властителя, которая у этого последнего пересиливала все прочие страсти, обвинив Петрония в дружбе со Сцевином (Одним из заговорщиков против тирании Нерона. - В.Р.), подкупив раба, запретив защиту и сковав большую часть прислуги Петрония.

Случайно Цезарь (Здесь речь о Нероне. Все римские императоры носили это имя-звание - цезарь. - В.Р.) в это время отправился в Кампанию, и Петроний, проехав до Кум, был там задержан. Он не мог далее выносить колебаний между страхом и надеждой, однако не сразу расстался с жизнью, приказывая то открывать, то вновь перевязывать вскрытые жилы (Эта сцена особенно удачна в романе Сенкевича. - В.Р.), разговаривал с друзьями, но не о серьезных вещах и не затем, чтобы заслужить похвалу своему мужеству. Он не хотел слушать ни о бессмертии души, ни философских рассуждений, а только легкомысленные песни и легкие стихи, одних рабов он щедро награждал, других наказал плетью, возлег за пиршественный стол, затем заснул, чтобы придать насильственной смерти вид случайный.

В завещании своем он не льстил, подобно многим погибающим, ни Нерону, ни Тигеллину, ни кому-либо из власть имущих, но перечислил в нем все

бесчинства властителя, называя имена разделявших его разврат мужчин и женщин и описывая все новые виды разврата, а затем послал его Нерону за своей подписью. Он сломал свое кольцо с печатью, чтобы оно не могло быть использовано для чьей-нибудь гибели".

Не правда ли, перед нами вырастает портрет испорченного, но в целом положительного человека? Если добавить к этому портрету то, что он принадлежит автору самого знаменитого сатирического романа древности, романа, из которого впоследствии вырос не один жанр мировой словесности, - что ж, похоже, что и в самом деле его автор прожил красивую жизнь и принял не менее красивую смерть.

Увы, дошли до нашего времени лишь выдержки из этой книги, фрагменты ее 15-й и 16-й частей, представляющие собой ряд далеко не всегда связанных между собой эпизодов из жизни нескольких молодых плебеев, плутов и бездельников, смотрящих на жизнь умным, острым и насмешливым взглядом. Все они по-своему несчастны, все безнадежно запутались в малопрстойных любовных интригах, все заслуживают наказания, по крайней мере, не меньшего ссылки, все плутоваты, вороваты, все умеют повеселиться, особенно за чужой счет. Они ведут скитальческую жизнь уже хотя бы потому, что не могут долго прожить в одном месте из-за собственного жульничества, а то и... Так, главный герой романа, Энколпий, признается в том, что "избег правосудия, обманом спас свою жизнь на арене, убил хозяина, совершил предательство, убил человека, осквернил храм". И все же Энколпий не последний негодяй. Он скорее жертва, но жертва хитрая, себе на уме, как... Да, как знаменитый Остап Бендер, герой дилогии И. Ильфа и Е. Петрова, типичный персонаж жанра "пикарески" (плутовского романа), появившегося в Европе эпохи Возрождения, а по существу написанного впервые в Древнем Риме более чем за полторы тысячи лет до того Петронием Арбитром.

Содержание сохранившихся фрагментов "Сатирикона" представляет собой несколько эпизодов, связанных с тремя главными героями: Энколпием, его другом-соперником Аскилтом и предметом их общей страсти, хорошеньким, но испорченным подростком Гитоном. Центральной частью книги является большая сцена, описывающая пир у разбогатевшего вольноотпущенника Трималхиона. Это истинный шедевр мировой литературы, из которого в буквальном смысле вышла вся сатира, от Рабле до Гоголя и Булгакова, подобно тому как вся русская классика, по словам Достоевского, вышла из гоголевской "Шинели".

Нет никакого смысла пересказывать содержание романа, десятки раз переизданного только за последние годы едва ли не миллионными тиражами. Каждый может прочесть его сам. Нам здесь важнее указать на то, что грубоватая, а порой и откровенно грубая сатира этого в целом прозаического произведения перемежается сатирическими же и по тону и по сути стихотворениями, в которых Петроний, с одной стороны, явно метит в своего литературного противника Лукана, а с другой - безжалостно пародирует набивших всем оскомину премудрых поэтов. Всю эту свору как бы воплощает а себе набившийся в компанию к Энколпию и его друзьям бродячий... (чуть не

сказал - вагант, но тем обидел бы этих славных средневековых поэтов, попрошаек и пьянчужек) графоман Эвмолп, докучающий всем встречным и поперечным своим поэтическим недержанием, подобно пресловутому графу Хвостову, жившему в России в конце XVIII века и славному тем, что подсовывал свои никому не интересные стихи в задние карманы фраков гостям на светских приемах и балах.

Мастерство Петрония поразительно и в стихах и в прозе. М.Л. Гаспаров в статье "Греческая и римская литература I в. н.э." пишет:

"Язык и стиль романа верно служат его бытописательской установке: ни в каком другом произведении античной литературы не используется в таком мере язык для характеристики персонажей. Основная часть повествования - рассказ Энколпия (От первого лица, кстати, что является приметой литературы Нового времени. - В.Р.) - выражена в простом и легком стиле, имитирующем разговорную речь образованного человека и отчасти напоминающем стиль писем Цицерона. В эмоционально приподнятых местах речь насыщается литературными реминисценциями, обычно пародическими, а реплики необразованных персонажей... представляют собой концентрат "вульгаризмов" народного просторечия и в лексике, и в фонетике, и в морфологии, и в синтаксисе - драгоценный материал для историка языка". (История всемирной литературы. Т.1. С. 478.)

Кажется, он владеет всеми стилями одинаково легко, но главное его мастерство - мастерство сатирика. Оргии обжорства чередуются в романе с беспощадным издевательством над злоключениями бедолаги Энколпия, наказанного за что-то богом плодородия Приапом весьма специфической и неприятной болезнью; насмешки над расплодившимися суевериями - с вставными новеллами, пародирующими греческий любовный роман.

Сатирическая, можно сказать, даже саркастическая книга эта осмеивает всё и вся, формально рассказывая о приключениях деклассированных элементов империи. А это значит, что в какой-то степени "Сатирикон" представляет собой и приключенческий роман.

А эти приключения опять-таки высмеивают то продажных моряков, то коррумпированных писателей, то развратных матрон, а то и самого Вергилия. (В одной из лукавых вставных новелл, удивительно напоминающих историю Дидоны и Энея. Впрочем, значительно больше она напоминает новеллы Боккаччо и его продолжателей эпохи Возрождения, что, понятно, следует понимать наоборот: Боккаччо многому научился у Петрония, как и вся европейская литература.) Конечно, Петроний тоже пользовался литературными источниками, в частности, не дошедшими до нас новеллами греческих авторов. Вопрос - в том, как он ими пользовался и чего достиг!..

В том, например, что он пользовался древними гомеровскими приемами, нет никакого сомнения. Помните, что является основным двигателем "Одиссеи"? Верно - гнев Посейдона на главного героя. То же - гнев Юноны на Энея в поэме Вергилия. Вот этим же приемом воспользовался и Петроний, обрушив на Энколпия гнев Приапа. Только над этим гневом и над страданиями героя из-за нереализованного сладострастия читатель хохочет, тогда как Одиссею и Энею в их героической борьбе с высшей несправедливостью он сопереживает. Но это

святая обязанность сатиры - вывернуть все наизнанку, чтобы показать изнанку жизни и изнанку человека. Тот же, в принципе, прием с совершенно противоположным эффектом использует, например, в своем трагическом романе "Фиеста" ("И восходит солнце") американский писатель XX века Эрнест Хемингуэй. В общем-то таких приемов, равно как и основополагающих мотивов, в мировой литературе не так уж много. Все и дело в том, КАК...

А теперь позвольте поделиться одним наблюдением. В самом конце сохранившихся отрывков "Сатирикона" рассказана история о надувательстве Эвмолпом и компанией Энколпия хитрецов из города Кротоны, которые, в свою очередь, сами собирались надуть наших героев, ища завоевать несуществующее наследство. Мне представляется, что эта история непосредственно отсылает нас к гоголевским "Мертвым душам", в которых использован тот же по существу мотив, ну а вослед за Гоголем - и к Ильфу-Петрову, к изначально мифическому наследству, спрятанному в стул старинного гарнитура. Впрочем, возможно, что я ошибаюсь, но несомненно одно: Гоголь превосходно знал классику, а уж Пушкин, которому Николай Васильевич приписал идею "Мертвых душ", - тем более.

С "Сатириконом" связана еще одна интересная история. В конце XVIII в. французский офицер и, безусловно, талантливый писатель-любитель НОДО присочинил начало и конец к роману и выдал свою талантливую подделку за случайно найденный им якобы оригинал. Фальсификацию быстро обнаружили, поскольку Нодо опрометчиво посчитал, что в Древнем Риме светские дамы так же охотно допускали "неженатых шерамыжников" (выражение Пушкина из писем к жене) к своему утреннему туалету, как это принято было во Франции галантного века, но вот что любопытно: и по сию пору почти все переиздания "Сатирикона" печатаются с этими "дополнениями", правда, заключенными в квадратные скобки. Делается это, по-видимому, ради целостности читательского впечатления.

И, наконец, несколько слов о влиянии Петрония на мировую литературу, хотя об этом отчасти уже говорилось. Поскольку "Сатирикон" представляется такой первой сатирической энциклопедией, то, естественно, что все последующие сатирические "энциклопедии" от "Гаргантюа и Пантагрюэля" Рабле до новеллистических собраний Чехова и Зощенко неизбежно будут опираться на него, либо от него отталкиваться, что для литературы, по большому счету, одно и то же. В этот ряд легко встраиваются и "Жиль Блаз" Лесажа и "Тристрам Шенди" Стерна, и Филдинг с Диккенсом, и Гоголь, и Салтыков-Щедрин, и Булгаков, и Аверченко, и Саша Черный (да все участники журналов "Сатирикон" и "Новый Сатирикон", выходивших в России в начале XX века, и названных-то по имени знаменитой книги древнего римлянина). Но откуда все это появилось у Петрония? И у Петрония ли Арбитра? Это остается загадкой. Это и дало право В. Дюранту охарактеризовать "Сатирикон" как "самое загадочное произведение римской словесности".

ВОПРОСЫ

1. Что общего в судьбе Сенеки и Петрония?
2. К какому жанру можно отнести "Сатирикон"?
3. Есть ли у Эноклпия продолжатели в мировой литературе?
4. Прочитайте "Сатирикон" и ответьте на вопрос, каких поэтов пародируют стихотворные фрагменты книги?

Злоключения Апулея из Мадавры

Читал охотно Апулея...

А. Пушкин. Евгений Онегин.

Внимай, читатель: позабавишься.

Апулей. Метаморфозы.

Отступим от хронологии и перенесемся во II век, чтобы осветить личность чрезвычайно популярную не только в римской империи начала новой эры, но и в наше время. Для этого нам придется покинуть столицу и перенестись в одну из отдаленных колоний, на территорию Африки, где в то время в знатной семье родился человек умный, талантливый, непостоянный, увлекающийся всем на свете.

В сущности, не так уж много изменилось в империи за это время, разве что царствования стали поспокойнее, между императорами и сенатом обнаружилось чуть больше взаимопонимания, литература (в основном греческая) произвела на свет больше любовных романистов и философов, а латинская - поэтов-сатириков и историков. К лучшим из них мы еще вернемся, а пока поговорим об Апулее, авторе второго знаменитого древнеримского романа, чтобы закончить эту тему.

Итак, африканский городок Мадавра в 124 г. н.э. подарил миру будущего романиста ЛУЦИЯ АПУЛЕЯ и дал ему первоначальное образование. Затем юноша учился в Карфагене и в Афинах и вел довольно легкомысленную жизнь, странствуя по империи, растрачивая родительское состояние, изучая различные религиозные культы, увлекаясь магией и сочиняя книжки на самые неподходящие друг другу темы от зубного порошка до теологических рассуждений. Помимо того, он выступал с чтением философских лекций, в том числе и в Риме, а когда вернулся на родину, то, вероятно, желая поправить свое состояние, женился в Триполи на матроне солидных лет и состояния, вскоре после чего ему, естественно, захотелось с ней развестись. Этот развод был весьма шумным мероприятием, принесшим Апулею славу мага, ритора и писателя и оставившим истории большую, литературно обработанную речь его "Апология", из которой мы и знаем все эти подробности о жизни автора "Золотого осла". ("Золотой", или "Божественный" - звания, дававшиеся современниками наиболее популярным произведениям.)

Собственно, это название роману Апулея дал, по-видимому, знаменитый христианский писатель IV - V вв. Аврелий Августин, поскольку оно впервые

встречается именно в его текстах. Сам же Апулей назвал свое самое популярное детище "Метаморфозы", или точнее "Одиннадцать книг превращений". Вряд ли автор в своем творчестве делал ставку именно на это произведение, но история рассудила именно так: незамысловатая история о любопытном молодом провинциале, превращенном чарами недоброй волшебницы в осла, задолго до Апулея рассказанная греческими сатириками Лукием и Лукианом, принесла непреходящую славу именно Апулею. Попробуем разобраться за что.

История, рассказанная молодым человеком Луцием, путешествующим по империи по торговым делам, начинается с любовного приключения героя с хорошенькой служанкой колдуньи. Распаленный страстью, а еще больше любопытством, Луций, желая испытать все на свете, просит свою подругу показать ему чудеса колдовства и намазывается чудодейственной мазью, надеясь на время превратиться в птицу. Вместо этого он превращается в осла и в дальнейшем испытывает сплошные мучения, переходя из рук в руки от разбойников до распутных матрон, от бродячих жрецов до солдат. Осел - грубое вьючное животное, и никто не жалеет нашего Луция, которому, чтобы вернуть себе человеческий облик, надо только пожевать свежих роз. Вот это-то ему никак не удастся, зато на тяжком своем пути он (а заодно с ним и читатель) узнает множество историй о множестве людей самых разных общественных слоев и групп: "Люди, не считаясь с моим присутствием, свободно говорили и действовали, как хотели".

Перед нами вновь разновидность плутовского романа, романа, в котором герой, претерпевая различные приключения, подобно иголке пронизывает всю современную ему и автору действительность и в конце концов выходит сухим из воды. Так случается и с Луцием. На долгом и трудном пути своем, пишет В. Дюрانت, "разлюбив радости жизни, он обращается сперва к философии, затем к религии и сочиняет благодарственную молитву Исиде (Богине одного из сильных восточных культов, которая в конце концов и возвращает Луцию человеческий облик. - В.Р.), поразительно напоминающую христианское обращение к Богородице (Существует мнение о том, что Апулей, будучи мистиком, прекрасно знавший магию и религию, написал вовсе не плутовской, но теологический, философский, глубоко серьезный роман, просто для нас его религиозный шифр непонятен.) . Он обривает голову, проходит через три ступени посвящения в таинства Исиды и пролагает себе возвратный путь на землю, открывая сон, в котором Осирис, "величайший из богов", повелел ему отправляться домой и заняться правом".

Это, кстати, предпринимает и сам автор книги. О его жизни после развода известно, что остаток дней своих он провел в Мадавре и Карфагене, занимаясь медициной и правом, риторикой и литературой.

Итак, возрожденный к жизни человеческой, правда, и в облике осла не потерявший способности видеть мир человеческими глазами, что придает книге особое очарование, Луций вдруг принимает облик не просто человека, но самого Апулея: оказывается уроженцем Мадавры и вступает на путь религиозных, философских и литературных знаний.

И развлекательная, с немалой долей юмора, книжка становится серьезной, нравоучительной, получает аллегорическое истолкование. "Пребывание

разумного Луция в шкуре "издавна отвратительного" чистой Исида сладострастного животного (осел считался в античном мире носителем сладострастия и был связан с культом плодородия) становится аллегорией чувственной жизни... К чувственности присоединяется... второй порок... - любопытство" (И.М. Тронский. История античной литературы. С. 447 - 448.) .

Если "Сатирикон" дошел до нас лишь в незначительных фрагментах, то "Метаморфозы" сохранились полностью. Давайте попробуем посмотреть, как сделан этот роман, каковы его главные мотивы.

В отличие от книги Петрония, где, как мы определили, главным мотивом является гнев Приапа, ведущий мотив романа Апулея - роковое любопытство Луция, из-за которого он и пострадал. То же любопытство не в меньшей мере является роковым и для Луция-осла, для писателя же оно служит той ниткой, на которую он нанизывает разноцветные блестящие камешки самых разнообразных историй, выслушиваемых Луцием-ослом из уст своих разнообразных хозяев.

Другой мотив романа - мотив магического, чудесного. Оно и превращает героя в животное, оно же и возвращает ему человеческий облик. Этот мотив, с одной стороны, увязывает роман с античной мифологической литературой, с другой - расширяет сферу традиционной римско-греческой религии в восточные культы (примета времени!), а с третьей - позволяет говорить о предвозвестии нового жанра литературы - жанра фантастики, который, в общем-то, появится еще очень не скоро - в XIX веке.

Помимо того, что "Метаморфозы" - роман почти плутовской, почти фантастический (а может быть, и серьезный, теологический), он еще и почти сатирический. Ведь качества как самого Луция, так и его временных хозяев, мягко говоря, далеки от совершенства. Апулей написал в отличие от Петрония, скажем так, мягкую сатиру на современные нравы, время от времени, правда, переходящую в злые изображения особенно неприятных автору типов, как-то продажных жрецов или распутных матрон. Здесь, по-видимому, мы имеем дело с автобиографическими элементами романа.

Язык Апулея богат и цветист. Он использует множество вульгаризмов, диалектизмов, и в то же время - это звучный, культурный латинский язык автора... греческого по сути своего образования и личной ориентации. В этом принципиальное отличие Апулея от Петрония, как и в самой идее их произведений. Петроний пишет сатиру на нравы, Апулей - многозначный, многоплановый - полифоничный роман, в котором "контраст между буквальным и символическим содержанием, между бытовым комизмом и религиозно-мистическим пафосом вполне аналогичен контрасту между "низким" языком и "высоким" стилем романа" (М.Л. Гаспаров. Греческая и римская литература II - III вв. н. э.: В кн.: История всемирной литературы. Т. 1. С. 499.) .

Роман Апулея, как и европейские плутовские романы Нового времени, как знаменитый "Дон Кихот" Сервантеса, полон вставных рассказов, разнообразящих его содержание, увлекающих читателя и дающих широкую панораму современной автору жизни и культуры. В "Метаморфозах" таких новелл шестнадцать. Многие из них были впоследствии переработаны другими

писателями и, изменив социально-временной колорит, украсили собой такие шедевры, как "Декамерон" Боккаччо (новеллы о любовнике в бочке и любовнике, выдавшем себя чиханьем); другие изменились так, что входили в новые книги в почти неузнаваемом виде. Но самая большая слава выпала новелле об Амуре и Психее. Вот ее краткое изложение.

Младшая из трех земных царевен Психея разгневала Венеру своей удивительной красотой. Богиня решила ее погубить, заставив влюбиться в самого негодного из смертных, для чего послала к ней своего сына, Амура, известного своими жестокими любовными стрелами. Правда, у Апулея Амур - не кудрявый капризный ребенок, а прекрасный юноша, к тому же обладающий неплохим характером. Очарованный красотой Психеи, Амур сам влюбляется в нее и тайно женится на царевне. Подобно героине "Аленького цветочка", поселяется Психея в волшебном замке, где предупреждается любое ее желание, где она испытывает все радости жизни и любви с одним лишь условием: она не имеет права увидеть своего возлюбленного супруга. Подстрекательство сестер и собственное любопытство, связывающее Психею с главным героем романа, подталкивают ее на нарушение запрета. Глубокой ночью зажигает Психея свет и, потрясенная красотой Амура, нечаянно капает ему на плечо кипящим маслом из лампы. Супруг исчезает, а Психея, потрясенная своим "преступлением", ждущая ребенка, пускается в долгие поиски любимого. В то же время и Венера, узнав обо всем, разыскивает героиню. В поисках ей помогает Меркурий, который и доставляет свекрови нелюбимую невестку. Далее Психея с помощью других богов и самой природы выполняет совершенно неразрешимые задачи, поставленные перед ней Венерой, пока наконец растроганный Юпитер не дарует Психее бессмертие, успокаивая тем Венеру и соединяя супругов.

Этот рассказ предлагает нам переработку одного из самых популярных сказочных сюжетов, знакомых каждому ребенку по сказке С.Т. Аксакова и мультфильму У. Диснея "Красавица и чудовище": девушку выдают замуж за таинственное существо, после чего она каким-либо образом нарушает брачный запрет и теряет мужа. Она пускается на поиски и после трудных испытаний находит мужа. Кроме того, в истории, рассказанной Апулеем, встречается мотив еще одной серии сказок и мифов - мотив выполнения героем неразрешимых заданий, поставленных перед ним властью имущим (русские и зарубежные сказки о добывании жены, "Золушка", подвиги Геракла и т. д.). История об Амуре и Психее (По-гречески психея - душа, с этим связана символика как самого рассказа (бог дарует душе бессмертие благодаря ее великой любви), так и почтительного отношения к этой новелле Апулея христианского Средневековья, видевшего в любви главных героев аллгорию любви человеческой души к Иисусу Христу.) "обращает на себя внимание не только благодаря большим сравнительно с другими вставными новеллами размером, но и тем, что ее тон и манера повествования отличаются от остальной части произведения... Сказка очаровательна и изящна: она привлекает своей поэтичностью и лукавой смесью сказочных и бытовых деталей. Там, где речь идет о Психее и Амуре, об их любви - преобладает тон сказочно-поэтический, в котором слышатся отзвуки александрийской поэзии; там, где речь идет о злых сестрах Психеи или о богине Венере и вообще о богах, на память приходят "Разговоры" Лукиана" (Цит. из

статьи И.П. Стрельниковой "Петроний и Апулей" в кн.: Петроний Арбитр. Сатирик. Апулей. Метаморфозы. М.: Правда, 1991. С. 20.) .

Апулей считал себя и действительно принадлежал к числу философов-платоников, и сказка об Амуре и Психее подтверждает это, лишний раз пересказывая идею Платона о скитаниях души. Но не только это делает ее совершенно незаменимой в романе, ведь, как уже было замечено, и Луций, и Психея страдают от одного и того же - собственного любопытства - движущего стержня всей книги. Только "для Психеи - это апофеоз (Здесь - прославление, возвеличивание.) ; для Луция - божественное посвящение. Общая для сказки и романа тема страдания и нравственного очищения через страдания сообщает этим частям произведения Апулея единство" (И.П. Стрельникова. Указ. соч. С. 21.) .

Сюжет новеллы об Амуре и Психее обрабатывался в мировой литературе поистине бесчисленное множество раз: и французским баснописцем Лафонтеном, и немецким просветителем Виландом, и нашим поэтом Богдановичем... Да только ли в литературе? На этот сюжет писали свои полотна крупнейшие живописцы Рафаэль, Канова, Торвальдсен... Всех и не перечислишь. История любви Амура и Психеи - такой же вечный мотив литературы и искусства, как истории Дон Жуана и доктора Фауста, с которыми нам придется еще не раз встретиться на страницах этих книг.

Слава Апулея - слава едва ли не последнего автора художественной литературы античного мира. В области сатиры у него были предшественники, в основном поэты, о которых нам еще предстоит поговорить. В художественной прозе оставили след два его младших современника АВЛ ГЕЛЛИЙ (ок. 130 - 180 гг.), издавший двадцатитомные выписки из разных писателей со своими примечаниями по большей части филологического характера под названием "Аттические ночи", ценные для истории литературы прежде всего точностью цитат из несохранившихся памятников древней словесности, и КЛАВДИЙ ЭЛИАН (ок. 170 - 230 гг.), о котором вы уже знаете из второй книги этих "Очерков...". Римская, да и греческая художественная литература этого времени постепенно сходит на нет и долгое тысячелетие будет совершать лишь отдельные мучительные попытки возрождения, пока не вспыхнет в Европе факел Ренессанса; нехудожественная литература закатной поры античности даст еще нескольких блестящих представителей прежде всего исторической и философской прозы.

Вопросы

1. Как вы думаете, почему герой пушкинского романа в стихах "читал охотно Апулея, а Цицерона не читал"?
2. Сложный вопрос: считаете ли вы, что, разрабатывая вечные сюжеты, авторы новых произведений обязательно опираются в своем творчестве на классиков, или вовсе о них не думают, подчиняясь только озарившему их вдохновением мотиву? Думал ли С.Т. Аксаков о романе Апулея, сочиняя "Аленький цветочек", тоже ведь являющийся вставной новеллой, или, точнее, приложением к автобиографической повести "Детские годы Багрова-внука"?
3. Почему христианский мир принял, полюбил и с удовольствием перерабатывал в новых произведениях языческую сказку об Амуре и Психее?
4. В чем существенное отличие романа Апулея от романа Петрония?

Марциал и Ювенал: насмешка эпиграммы и хлыст сатиры

*Любит стихи мои Рим, напевает повсюду и хвалит,
Носит с собою меня каждый и держит в руках.
Вот покраснел, побледнел, плюнул кто-то, зевнул,
столбенеет...*

*Это по мне! И стихи нравятся мне самому.
Марциал. Эпиграммы (VI, 60).*

*О муза пламенной сатиры!
Приди на мой призывный клич!
Не нужно мне гремящей лиры,
Вручи мне Ювеналов бич.*
Пушкин. Лицинию, 1814 г.

Два поэта принесли особенную популярность в веках римской сатире. Они почти современники: МАРК ВАЛЕРИЙ МАРЦИАЛ родился около 40 г. и умер в 104 г., а ДЕЦИМ ЮНИЙ ЮВЕНАЛ жил примерно с 60 по 140 годы н.э. Делая, в сущности, одно дело, они были очень разными людьми и поэтами, как разными были и жанры, в которых они работали.

Начнем со старшего, с Марциала. Он родился в Испании, приехал в Рим уже будучи взрослым человеком и быстро удостоился дружбы двух знаменитых литераторов - дяди и племянника - Сенеки и Лукана. Марциал не воспользовался добрыми советами заняться юриспруденцией, предпочтя вести небогатую жизнь свободного литератора, о чем скоро ему пришлось пожалеть, так как после раскрытия заговора Пизона всех его друзей предали казням и ссылкам.

Поэту пришлось посвящать свои эпиграммы тем, против кого они были направлены, чтобы хотя бы прокормиться и заплатить за комнатку в чердачном помещении, где ему приходилось жить в совершенном одиночестве.

Лишь спустя много лет, добившись славы и дружбы богатых покровителей, Марциалу удалось выбраться из нищеты и, призвав денег у знаменитого литератора и мыслителя Плиния Младшего, возвратиться на родину прославленным и разочарованным автором пятнадцати книг эпиграмм. Дома его встретили лучше, чем в Риме, богатая почитательница поэта подарила ему небольшое поместье. Но в Испании Марциал затосковал по римским библиотекам и зрелищам, к которым привык за многие годы жизни в столице. Стареющий поэт хандрил, впадал в пессимизм, бросил сочинять и, наконец, скончался, как и жил, в одиночестве и полном разочаровании.

Однако этот пессимист и неудачник был гениальным поэтом, понимал это и сумел извлечь из своих способностей максимум возможного, во всяком случае для литературной славы.

В одном из своих стихотворений Марциал говорит:

Написать эпигramму красиво

Очень легко; написать книгу - претрудная вещь.

(Все цитаты, кроме отдельно оговоренных, даются в переводах Ф.А.

Петровского по изданиям: Марк Валерий Марциал. Эпиграммы. СПб.: АО "Комплект", 1994; Ювенал. Сатиры. СПб.: "Алетейя, 1994.)

В другом, обосновывая принципы своей творческой деятельности:

Здесь ты нигде не найдешь ни Горгон, ни Кентавров, ни Гарпий,
Нет, - человеком у нас каждый листок отдает.

Это - так. И хотя эпиграмма - древнейший жанр, современной (и по римским меркам, и по нашим нынешним) сделал ее именно Марциал. Эпиграмма, как вы помните, первоначально обозначала надпись на могильной плите или статуе, а также на каком-либо предмете, посвященном божеству. Первые стихотворные эпиграммы на греческом языке относятся к VII в. до н.э. К началу нашей эры эпиграмма вполне стала формой книжной поэзии, сохранив при этом свое главное свойство - краткость. Часто остроумное поэтическое высказывание делалось применительно к какому-нибудь случаю. К началу нашей эры относятся и первые собрания греческих эпиграмм. Разумеется, Марциал хорошо знал их, как хорошо знал он и соответствующую латинскую поэзию: Катулл и других авторов коротких, остроумных, выразительных стихотворений. Марциал придал этому жанру реалистичность, животрепещущую современность, изобразил в нем живую жизнь столицы мира. Целая галерея дельцов, мошенников, проходимцев, аферистов, проституток, воров, скряг, сплетников, словом, чуть ли не все население дантовского ада составляет эти 15 сборников коротких стихотворений. Над многими своими современниками Марциал издевается, над некоторыми беззлобно подшучивает, используя богатейшее метрическое разнообразие, а по содержанию - самые различные приемы: пейзажные зарисовки, описания, льстивые похвалы, литературные декларации, скорбь по поводу смерти близких и т.д. Одним словом, отразив в своих эпиграммах всю жизнь Рима, Марциал впервые сделал этот жанр по-

настоящему сатирическим. Приведем два коротких примера, в которых речь идет о "любви". Почему о любви в кавычках - ясно из текста:

Другой прием Марциала - гиперболизация (преувеличение) реальных явлений. Так, у Катулла в свое время было стихотворение об Асинии, воровавшем в гостях платки. Приведем вариацию на эту тему Марциала, до такой степени гиперболизировавшего платочного вора, что смешной становится не только вор Гермоген, но и сама эта гиперболизация.

*Ежели это лицо Сократово было бы римским,
Юлий Руф поместить мог бы в "Сатирах" его.*

*Хлоя-злодейка семь раз на гробницах мужей написала:
"Сделала Хлоя". Скажи, можно ли искренней быть?*

Встретив меня десять раз в течение часа, ты спросишь
То же. По-моему, ты, Постум, остался без дел.

"Основной прием комизма Марциала, - пишет М.Л. Гаспаров, - несоответствие внешности и сущности. Ловец наследств ухаживает за безобразной дамой; почему? Она в чахотке... Так строятся лучшие эпиграммы Марциала, напоминая загадку с отгадкой... Эта техника отточенной сентенции, замыкающей описание, разрабатывалась в риторических школах и оттуда была перенесена Марциалом в поэзию". (История всемирной литературы. Т. 1. С. 483.)

Популярность Марциала еще при его жизни была огромна. Вся империя зачитывалась этими легкими, изящными, остроумными эпиграммами. Раннее Средневековье бесконечно цитировало его и подражало ему. Боккаччо издавал и комментировал его книги; Лессинг построил на примере поэзии Марциала свою теорию эпиграммы. Им увлекались, ему подражали, сочинив и выпустив совместную книгу эпиграмм Шиллер и Гете; оставшиеся безымянными британские мастера и гений шотландской лирики и сатиры Р. Бернс. У Марциала учились, оттачивая свои перья в политической и журнальной полемике Вяземский и Пушкин. Жанр эпиграммы жив и популярен и сегодня. В русской поэзии он проявляется и в прямой (Маршак, Вознесенский, А. Иванов и др.) форме, и в видоизмененной ("Гарики" И. Губермана - оригинальное сочетание классической эпиграммы и четверостиший в духе персидского средневекового поэта О. Хайяма).

Немалое число марциаловых эпиграмм носят сатирико-меланхолический характер. Это обстоятельство, по-видимому, и позволило И.А. Бродскому дать своей поэтической стилизации "Письма римскому другу" (см. выше главу о Горации) подзаголовок "Из Марциала", поскольку стихотворение Бродского как раз и представляет такую вот меланхолическую сатиру.

Близок к эпиграмме жанр лимериков - английских юмористических миниатюр. Да и вообще вся сатирическая поэзия навсегда прочными узами связана с творчеством великого римского поэта Марциала. Впрочем, как и с творчеством последнего римского классика - Ювенала.

Жестокая, яростная, обличительная сатира имеет своим родоначальником Ювенала, профессионального ритора-декламатора и автора шестнадцати сатир в гекзаметрах. Он начал писать (или публиковать) свои безжалостные стихи после гибели тирана-императора Домициана, будучи уже сорокалетним человеком. Огромная популярность Ювенала у русских демократов XIX столетия объясняется четко выраженной в его стихах оппозицией тирании со стороны маленького человека. Такая оппозиция была любимым детищем и русской демократии. К этому надо добавить достаточно легкомысленное увлечение Ювеналом Петра Великого, который вряд ли пошел дальше восторгов по поводу Ювеналова выражения "в здоровом теле здоровый дух", и ученические заимствования у римского сатирика основоположника русской поэтической сатиры, поэта XVIII в. Антиоха Кантемира. Как поэт Ювенал несомненно слабее всех римских классиков и в первую очередь своего старшего друга Марциала, у которого он немало перенял: круг тем, приемов (гиперболизм, сентенциозность), доводя их часто едва ли не до абсурда. Если верить Ювеналу, в Риме конца I - начала II веков нормальному человеку жить было вообще невозможно:

В ответ Ювенал противопоставляет свои мрачные, оскорбительные гекзаметры. Его речь хлестка, лексика забориста, типажи омерзительны. Хуже всего он отзывается о женщинах:

Предоставим завершить этот очерк В. Дюранту, хотя и не соглашаясь с ним в утверждении о том, что Ювенал - величайший из римских сатириков. (Да он и сам сказал о себе в первой сатире, может быть даже излишне резко: "Коль дарования нет, порождается стих возмущеньем"). Нам таковыми представляются все же Петроний, а в поэзии - Марциал.

"Не следует понимать его (Ювенала. - В.Р.) слишком буквально. Он был разгневан; ему не удалось сделать себе в Риме карьеру так быстро, как хотелось; он избрал сладкую месть - лгать о нем, вооружившись тяжелой дубинкой и ненавистью, которая и не притязала на справедливость. Его нравственные стандарты были высоки и здоровы, хотя и окрашены консервативными предрассудками и иллюзиями насчет добродетельного прошлого. На основании этих стандартов, если пользоваться ими без жалости и меры, можно вынести обвинительный приговор любому поколению в любой части света. Сенека знал, сколь древна эта забава. "Наши прадеды, - писал он, - жаловались, как мы жалуемся, и наши потомки тоже будут жаловаться на испорченность нравов, на всевластие порока, на то, что люди все глубже и глубже погружаются в бездну греха, что положение человечества из плохого становится еще худшим" (Вечная тема всех времен и всех литератур, в том числе и русской. Вспомните это высказывание Сенеки, когда будете изучать роман И.С. Тургенева "Отцы и дети".) . Вокруг безнравственности, существующей в любом обществе, словно

вокруг ступицы, вращается широкое колесо чистой и цельной жизни, в которой сплетены традиции и моральные императивы религии, экономические заботы о благе семьи, инстинктивная любовь и забота о детях, зоркость женщин и стражей общественного порядка (Нельзя не согласиться в этом с В. Дюрантом, учитывая, что Ювенал жил на рубеже I - II вв. н.э., когда до полного разложения и падения империи было еще далеко. Конечно, поэты - пророки, но в случае с Ювеналом вряд ли можно говорить о пророчествах.) , и этого достаточно, чтобы заставить нас соблюдать общественные приличия и оставаться относительно трезвомыслящими. Ювенал - величайший из римских сатириков, как Тацит - величайший из римских историков; но мы ошибемся, принимая рисуемую ими картину за нечто достоверное, так же как ошибемся, некритически относясь к той ласкающей взор цивилизованной сцене, которая вырастает перед нами при чтении писем Плиния".

Именами Марциала и Ювенала мы завершаем очерки о звездах древнеримской литературы, как завершаем и эту книгу. Но с литературой латинской не прощаемся, ибо ей предстоит еще долгая старость в эпоху средневековья, а затем и второе рождение и лебединая песня в эпоху Ренессанса. Так что мы еще встретимся, д\\\'Артаньян, обязательно встретимся!", как говорили наши любимые с детства герои Александра Дюма.

Вопросы

1. Как вы думаете, можно ли считать А.С. Пушкина учеником Марциала? И можно ли связать с Ювеналом призыв великого русского поэта "глаголом жечь сердца людей", или это высказывание не имеет к сатире никакого отношения?
2. Что связывает и что различает Марциала и Ювенала с Горацием?
3. Можно ли считать стихотворение И.А. Бродского "Письма римскому другу" стилизацией под всю римскую поэзию?
4. Что такое эпиграмма?
5. Что такое сатира?
6. Как вы понимаете проблему отцов и детей? Что общего в высказывании Сенеки, приводимом в книге В. Дюранта "Цезарь и Христос", с идеологией "отцов" в романе И.С. Тургенева "Отцы и дети"?
7. В чем различие традиционно понимаемого афоризма "в здоровом теле здоровый дух" и точной цитаты из Ювенала?
8. Как вы понимаете выражение Ювенала "хлеба и зрелищ!"?

Заключение

Приведенные в конце первой части этой книги слова Марка Аврелия о спасении жизни, заключающемся в справедливых поступках и правдивых речах, конечно, не характеризуют всю античность, тем более весь Древний мир, с его восточной жестокостью, ориентацией на "жизнь после жизни" в Древнем Египте, всеохватным классовым разделением на рабов и рабовладельцев, укоренившимся развратом в Греции и особенно в Риме, но все же немало говорят о лучшей половине античного мира, о его красоте и справедливости, о поисках духовности и о прекрасных созданиях человеческих рук, подаренных и завещанных нам древностью.

Историки, философы, литераторы и простые читатели многие столетия размышляют о том, почему пал Рим, великая империя, последний оплот древнего мира, ведь с его падением, по существу, закончилась огромная эпоха человеческой истории, гораздо более долгая, чем то время, которое мы считаем своим.

Зададимся и мы этим вопросом.

Рим не был завоеван никем из окружавших его народов. Рим умер сам; провинция и соседи скорее не убили его, а просто похоронили. Империя умирала долго. На смертельную болезнь и агонию ей было отпущено историей намного больше времени, чем иным государствам и народам на все время своего существования. Как любая другая империя в любое время, Рим погиб от своих собственных принципов и установлений, после того, как, разбогатев, забыл о древней доблести и морали. То же, по сути, было и с Древней Иудеей, и с Древней Грецией, и с нашей советской страной. Когда идеалы, благодаря которым нация становится державой, забываются или выворачиваются наизнанку в стремлении любой ценой прикрыть истинное лицо властителей, когда на укоры совести и призывы последних честных людей отечества (а ими обычно оказываются писатели и философы, которых несчастное потомство именует пророками) в лучшем случае не обращают внимания, в худшем - вынуждают эмигрировать или просто убивают, вот тогда и наступает последняя смертельная болезнь государства, от которой нет никаких лекарств. И великое благо истории - если вместе с государством не погибает его народ - "языкотворец" (по слову В.В. Маяковского).

Мы знаем, что ни иудейский, ни греческий, ни римский, ни русский народ не погибли. Более того, мы знаем, что неимоверными усилиями этим народам удалось (и даст Бог, удастся нашему!) сохранить свою великую культуру.

Можно подробно охарактеризовать многочисленные частные причины гибели Рима, но это не входит в задачу наших "Очерков...", посвященных литературе. Я еще раз отсылаю вас к книге американского философа В. Дюранта "Цезарь и Христос" (третий том одиннадцатитомного труда "История цивилизации"), где все эти причины изложены тщательно, объективно и систематически. Здесь же укажу на две, по-видимому, основные причины падения империи и заката античности: в ограбленном духовно и физически собственными властью имущими государстве не осталось сил для защиты собственной идеологии и религии изнутри и имперских границ - извне. В результате за двести лет молодое христианство буквально сокрушило тысячелетнее язычество, а

давление молодых, главным образом германских, племен вытеснило из римской армии римлян и из органов управления государством - представителей коренного населения, после чего в щепки разнесло некогда мощную державу, символизировавшую мир и порядок почти на всей культурной территории человечества.

С подробностями последних римских войн и созданием на территории бывшей империи молодых европейских государств мы, познакомимся в следующей книге "Очерков...", а здесь попробуем подытожить свершения римлян, навсегда вошедшие в культурную сокровищницу человечества вслед за свершениями народов Древнего Востока и Греции.

Завоевав все Средиземноморье, Рим "усвоил его культуру, подарил ему два столетия порядка, благоденствия и мира, еще века сдерживал натиск варварства и перед смертью передал Западу классическое наследие" (В. Дюрانت).

Рим передал нам искусство управления и законодательства, архитектуры и скульптуры, поэзии и сатиры. Латинский язык долгое время был (да и сейчас еще остается) языком науки. Более того, он стал основой многих европейских и латиноамериканских языков. Новое время унаследовало от античности и религию, и медицину, и философию, и литературу, и изобразительные искусства, и архитектуру, и юстицию... Словом, КУЛЬТУРУ. Мы все в прямом смысле слова - дети античности, которая сама некогда была названа "детством человечества", а теперь, после роковых ошибок, глупостей и преступлений нашего века, выглядит скорее как его мудрый родитель.

Мы прощаемся с древним миром, прощаемся, но не расстаемся с ним, в чем и убедимся уже на первых страницах следующей книги. Не расстаемся и не расстанемся никогда, как дети, в чьих жилах течет кровь их родителей независимо от того, хотят они этого или нет.

ЛИТЕРАТУРА К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

История всемирной литературы: В 9 т. М., Наука, 1983. Т. 1.

Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.

Словарь античности. Пер. с нем. М.: ЭЛЛИС ЛАК - Прогресс, 1994.

Литературный энциклопедический словарь. М.: "Советская энциклопедия", 1987.

Мифы народов мира: В 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1991.

Краткая философская энциклопедия. М.: Прогресс, 1994.

История эстетической мысли: В 6 т. Тт. 1, 2. М.: Искусство, 1985.

Ливий Т. История Рима от основания города: В 3 т. М.: Наука, 1989 - 1993.

Саллюстий Г.К. Сочинения. М.: Наука, 1981.

Светоний Г.Т. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Правда, 1988.

Историки античности. В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2.

Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. М.: Правда, 1990.

Записки Юлия Цезаря и его продолжателей: В 2 т. М.: РИА "День", 1991.

Дюрانت В. Цезарь и Христос. М.: Крон-пресс, 1995.

История Древнего Рима: Учебник / Под ред. В.И. Кузищина. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1982.

Тронский И.М. История античной литературы. М.: Высшая школа, 1983.
Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Древний мир - эпоха Просвещения. М.: Политиздат, 1991.
Рассел Б. История западной философии: В 2 т. М.: Миф, 1993. Т. 1.
Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М.: Русский язык, 1982.
Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима / Авт. и сост. Н.А. Кун и А.А. Нейхардт. М., Правда, 1990.
Дмитриева Н.А. Краткая история искусств. М.: Искусство, 1986.
Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. М.: Издательство Московского университета, 1979.
Библия. - Изд. "Объединенные библейские общества", 1992.

ЛИТЕРАТУРА КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

История всемирной литературы: В 9 т. М.: Наука, 1983. Т. 1.
Дюрант В. История цивилизации. Т. 3. Цезарь и Христос. М.: КРОН-ПРЕСС, 1995.
Словарь античности. М.: ЭЛЛИС ЛАК - Прогресс, 1994.
Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М.: Русский язык, 1982.
Тронский И.М. История античной литературы. 4 изд. М.: Высшая школа, 1983.
Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. М.: Изд-во МГУ, 1979.
Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии. Античный мир - эпоха Просвещения. М.: Политиздат, 1991.
Рассел Б. История западной философии: В 2 т. М.: Миф, 1993. Т. 1.
Ливий. История Рима от основания города: В 3 т. М.: Наука, 1989 -1993.
Тацит. История. Анналы / В кн.: Историки античности: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2.
Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. М.: Правда, 1988.
Записки Юлия Цезаря и его продолжателей: В 2 т. М.: День, 1991.
Цицерон. Философские трактаты. М.: Наука, 1985.
Античная лирика. М.: Худож. литература, 1968.
Античная драма. М.: Худож. литература, 1968.
Лукреций. О природе вещей. М.: Худож. литература, 1983.
Катулл. Книга стихотворений. М.: Наука, 1986.
Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. литература, 1971.
Гораций. Собр. соч. СПб.: Студия биографика, 1993.
Элегии Секста Проперция. Пер. А. Фета. 2-е изд. СПб.: Издание А.Ф. Маркса, 1898.
Овидий. Собр. соч.: В 2 т. СПб.: Студия биографика, 1994.
Овидий. Элегии и малые поэмы. М.: Худож. литература, 1973.
Овидий. Скорбные элегии. Письма с Понта. М.: Наука, 1978.
Сенека. Трагедии. М.: Наука, 1983.
Письма Плиния Младшего. М.: Наука, 1982.
Марциал. Эпиграммы. СПб.: АО "Комплект", 1994.

Ювенал. Сатиры. СПб.: Алетейя, 1994.
Стаций. Фиваида. М.: Наука, 1991.
Петроний Арбитр. Сатириконт. Апулей. Метаморфозы. М.: Правда, 1991.
Татий. Левкиппа и Клитонфонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний. Сатириконт.
Апулей. Золотой осел. М., Худож. литература, 1970.
Марк Аврелий Антонин. Размышления. СПб.: Наука, 1993.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Словарь античности. Пер. с нем. М.: ЭЛЛИС ЛАК - Прогресс, 1994.
Мифы народов мира: В 2 т. М.: Сов. энциклопедия, 1980; 1991 (2-е изд.).
Библия (любое издание).
Историки античности: В 2 т. М.: Правда, 1989.
Человек. Мыслители прошлого и настоящего о его жизни, смерти и бессмертии.
Античный мир - эпоха Просвещения. М.: Политиздат, 1991.
Дюрант В. История цивилизации. Т. 3. Цезарь и Христос. М.: КРОН-ПРЕСС,
1995.
Федорова Е.В. Императорский Рим в лицах. (Серия "Университетская
библиотека). М.: Издательство Московского университета, 1979.
Ботвинник М.Н., Рабинович М.Б., Стратановский Г.А.. Жизнеописания
знаменитых греков и римлян. М.: Просвещение, 1988.
Мирецкая Н.В., Мирецкая Е.В. Прочтем, подумаем, поспорим... Беседы и
размышления об искусстве и культуре античности. Книга для учителя. М.:
Просвещение, 1993.
Легенды и сказания Древней Греции и Древнего Рима. Авт. и сост. Н.А. Кун и
А.А. Нейхардт. М.: Правда, 1990.
Грималь П. Цицерон (Серия "Жизнь замечательных людей"). М.: Молодая
гвардия, 1991.
Пронин В. Катулл (Серия "Жизнь замечательных людей"). М.: Молодая гвардия,
1993.
Античная лирика (Серия "Библиотека всемирной литературы"). М.: Худож.
литература, 1968.
Античная драма (Серия "Библиотека всемирной литературы"). М.: Худож.
литература, 1968.
Тит Лукреций Кар. О природе вещей. М.: Худож. литература, 1983.
Гай Валерий Катулл. Книга стихотворений. М.: Наука, 1986.
Публий Вергилий Марон. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Худож. литература,
1971.
Квинт Гораций Флакк. Собрание сочинений. СПб.: Студия биографика, 1993.
Публий Овидий Назон. Собрание сочинений: В 2 т. СПб.: Студия биографика,
1994.
Марк Валерий Марциал. Эпиграммы. СПб.: АО "Комплект", 1994.
Децим Юний Ювенал. Сатиры. СПб.: Алетейя, 1994.
Луций Анней Сенека. Трагедии. М.: Наука, 1983.
Ахилл Татий. Левкиппа и Клитонфонт. Лонг. Дафнис и Хлоя. Петроний.

Сатирикон. Апулей. Метаморфозы. (Серия "Библиотека всемирной литературы"). М.: Худож. литература, 1970.

Марк Аврелий Антонин. Размышления. СПб.: Наука, 1993.

Уильям Шекспир. Юлий Цезарь. Антоний и Клеопатра: Трагедии; Лукреция: поэма (любые издания).

Бернард Шоу. Цезарь и Клеопатра: Пьеса (любое издание).

Джек Линдсей. Ганнибал: Роман (любое издание).

Георгий Гулиа. Ганнибал, сын Гамилькара. Сулла: Романы (любые издания).

Рафаэлло Джованьоли. Спартак: Роман (любое издание).

Милий Езерский. Гракхи: Роман. М.: Скифы, 1991.

Генрик Сенкевич. Камо грядеши? (Quo vadis?): Роман (любое издание).

Валерий Брюсов. Алтарь Победы. Юпитер поверженный: Романы (любое издание).

Д.С. Мережковский. Христос и антихрист: Трилогия. 1. Смерть богов (Юлиан Отступник): Роман (любое издание).

Антонин Ладинский. Легион XV: Роман. М.: ЭКСМО, 1994.

Альбер Камю. Калигула: Пьеса (любое издание).

Йозеф Томан. Калигула: Роман. Рига: Илгус, 1992.

С произведениями античных классиков можно знакомиться не только по предложенным изданиям, но и по любым другим, более-менее полным. Издания, предлагаемые здесь, отличаются высоким уровнем переводов и комментариев.

Список художественной литературы о Древнем Риме далеко не полон. Читатель может знакомиться и с другими произведениями по своему выбору.